

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
ДОРОГА МАГА

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ ДОРОГА МАГА

ЛОКИД

Л Е О Н И Д К У Д Р Я В Ц Е В

ДОРОГА МАГА

Л О К И Д М О С К В А 1 9 9 7

ББК 84Р7-4
К889

Серия основана в 1995 году
Составитель серии *Георгий Хубларов*

Серийное оформление *Анатолия Гусева*
Обложка *Александра Яцкевича*
Иллюстрации *Алексея Таранина*

Кудрявцев Л.

К889 Дорога мага: Роман /Сер. оформл. А. Гусев; обл. А. Яцкевич; ил. А. Таранин.— М.: Локид, 1997.— 346 с.; ил.— («Современная российская фантастика»).

ISBN 5-320-00186-X

Новый роман Леонида Кудрявцева — хороший подарок любителю фэнтезийной литературы. Отвага и доблесть, верность и честь, меч и магия — лучшие традиции сказочной фантастики воплотились в «Дороге мага». Головокружительные приключения истребителя магов Хантера и его боевой подруги вампириши Лисандры продолжают. Битва с силами Зла будет идти, пока существует Добро. А значит вечно...

ББК 84Р7-4

ISBN 5-320-00186-X

© Издательство «Локид», 1997

К середине зимы, когда сугробы становятся особенно высокими, а в тех местах где их нет, раскрываются большие, с толстыми, цвета старого пергамента лепестками цветы зимняки, у оборотней начинается гон. По ночам в лесу то и дело раздается страстный, призывный вой. Те, кто обычно крадется в чаще бесшумной серой тенью, неожиданно теряют всякую осторожность и ломаются через нее, подобно стаду кабанов, жадно вынюхивая холодный воздух, стараясь уловить запах самки, не в силах думать ни о чем, кроме предстоящей любовной игры. Как правило, претендентов на благосклонность красавицы в серой шкуре оказывается несколько. Поэтому любовной игре предшествует ожесточенная грызня, сопровождаемая диким рычанием, треском обламывающихся веток и шелканьем страшных челюстей, способных мгновенно отхватить голову обыкновенному человеку.

Как только битва заканчивается и самый крупный, самый сильный оборотень убегает со вновь приобретенной подругой, те, кто проиграл, впадают в дикую ярость. Они запросто могут ее выместить либо друг на друге, продолжая бессмысленную грызню, либо отправляются на охоту, в основном, чтобы доказать самим себе, что они еще на что-то годятся.

Охота эта совершенно бессмысленна и поэтому до крайности жестока. Два или три оборотня-неудачника

запросто могут перерезать табун лошадей или же завалить нескольких игуанодонов. С путниками, оказавшимися в их лесу и не сумевшими до наступления темноты найти укрытие, они расправляются как бы походя, не считая их за серьезную добычу.

Именно в это время лесники, лесорубы и охотники стараются вернуться домой еще засветло, совершенно справедливо считая, что не стоит без особой причины рисковать своей жизнью.

Люди дороги тоже прекрасно знают об этом, но, поскольку не имеют постоянного дома, могут рассчитывать лишь на то, что в опасный момент успеют залезть на дерево и отсидеться до утра...

В середине зимы по лесной дороге шли два путника. Одному из них на вид около сорока лет. Это был худощавый мужчина с ловкими, словно бы кошачьими движениями. Он шел уверенно, не очень быстро, но и не медленно, тем шагом, которым настоящий человек дороги может идти без отдыха хоть целый день.

Вторым путником был мальчик лет двенадцати. Он небольшого даже для своих лет роста, но тоже шел очень легко и размеренно, так, как ходят бывалые странники.

Лес тонул в сумерках. До наступления ночи оставалось не более получаса.

Где-то впереди, в полукилометре, не больше, раздался заунывный вой. Он звучал недолго, оборвался, словно тот, кто его издал, вдруг вспомнил, что время охоты еще не наступило.

— Скажи, Хантер, — промолвил мальчик. — А вот интересно... Как это — чувствовать себя волком? Хантер усмехнулся.

— Откуда я знаю?

— Но все же... Как ты думаешь, что чувствуют оборотни, когда перестают быть людьми?

— Трудно сказать. Наверное, их разум все же частично остается человеческим. Иначе как бы они превращались из волков обратно в людей?

— Но почему тогда, они так по-звериному жестоки? Неужели то, что осталось в них от людей, не может запретить им убивать своих же соплеменников?

Хантер усмехнулся.

— Так ли далеко обычный человек ушел от зверя? Многие люди часто совершенно без причины лишают жизни своих собратьев и не испытывают при этом ни малейших угрызений совести.

— И все же... Я думаю, они это делают потому, что считают себя выше других людей, считают себя особенными.

— Нет, Христиан, — вздохнул Хантер. — Тот, кто и в самом деле выше других людей, как правило, к тем, кого он считает неудачником, никакой особой ненависти не испытывает. Вот тот, кто хочет быть выше, а в глубине души понимает, что это невозможно...

Он резко остановился.

Вой прозвучал снова, причем несколько ближе, чем в предыдущий раз.

Хантер и Христиан переглянулись.

— Может, залезем на дерево? — предложил мальчик.

— Пока — рано. Оборотень еще слишком далеко, и ветер дует от него. Это означает, что он нас пока не учуял. Просто бежит по следу самки. Он вполне может свернуть и даже наверняка именно так сделает. Если же этого не произойдет, вот тогда нам и придется что-нибудь придумать

Хантер говорил это вполне уверенно. Может быть, даже слишком. Христиан было успокоился, но вдруг встрепенулся и бросил на Хантера испытующий взгляд.

— Ты словно бы хочешь, словно бы желаешь этой встречи с оборотнем, — задумчиво сказал мальчик. — Интересно, зачем?

Хантер слегка улыбнулся.

— Все нормально, — сказал он. — Все очень хорошо. Мы справимся. Мы должны справиться. Для настоящих охотников оборотень — не проблема.

— Совсем не проблема?

— Ну, скажем так — почти не проблема.

Хантер почесал за ухом и посмотрел в ту сторону, откуда, вероятнее всего, должен был появиться оборотень.

Хантер не врал. Он и в самом деле не боялся этого оборотня. Словно тот не был жутким чудовищем, способным в доли секунды вспороть живот попавшемуся на пути человеку. Нет, конечно, он не то чтобы его не боялся совсем. Просто то, что Хантер испытывал, больше всего походило на осознание грозящей опасности, которое испытывает обычный охотник, когда идет на охоту за очень опасным, сильным зверем. Он осознает эту опасность, но все равно идет по следу, поскольку она ему не мешает, поскольку он уже убивал таких зверей столько, чтобы не испытывать перед ними ужаса, так как они стали для него обычными, опасными, но не сверхъестественными существами.

Оборотни.

Христиан хмыкнул и спросил:

— А может, все же залезть на дерево?

— Нет. Понимаешь, оборотни тем и сильны, что от них все пытаются забраться на дерево. Тот, кто успел это сделать, остается в живых, тот, кто не успел, — погибает, но погибает лишь потому, что не пытался сопротивляться, потому, что пытался удрать. И еще... обязательно должен быть кто-то, кто не будет пытаться залезть на дерево, а постарается дать отпор, оказать сопротивление. Понимаешь?

— Угу, понимаю. Меня только интересует: понимает ли это оборотень?

Хантер засмеялся.

— Конечно, нет. Настоящее сопротивление в том и состоит, чтобы показать врагу, что он ошибается, когда считает, будто ему не может противостоять никто. Это и есть конечная цель любого настоящего сопротивления. Все остальное — лишь побочные результаты. И потом, ни один настоящий охотник не станет прятаться от какого-то оборотня. А учитывая

то, что ты мой ученик... Я просто обязан показать тебе, как побеждают подобных чудовищ.

— Стало быть, мы будем с ним драться?

— Конечно. Если только он побежит в нашу сторону. Если только он осмелится на нас напасть.

— Хорошо, — сказал Христиан. — Значит, если...

Хантер посмотрел на него и вдруг понял, о чем думает мальчик.

А тот еще сопротивлялся, он еще пытался не поддаться искушению, но в глубине души у него уже что-то пело, что-то нашептывало, что-то желало этого «если», хотело, чтобы оно стало возможным. И не для того, чтобы испытать новое, неведомое приключение. Тот, кто долго идет по дороге, особой прелести в приключениях уже не видит — их слишком много, поскольку, возникая бесконечной чередой, они становятся обыденной жизнью. Просто так должно было быть.

Вой послышался снова. Теперь он был уже совсем близко. Теперь сомнений уже не осталось — оборотень шел к ним.

Он хотел, он жаждал забрать их жизни. Для того чтобы избавиться от разочарования, от ощущения неполноценности, вызванного неудачной погоней за самкой. От понимания, что смерть этих двух людей ничем не поможет и ничего не изменит и все же она должна быть — так заведено. Конечно, не им самим, а поколениями и поколениями оборотней, которые именно так избавлялись от своих комплексов.

Он не мог знать, что в этот раз так не получится. Поскольку те, кого он хотел убить походя, как обычный человек давит муху, окажут ему сопротивление. И не только... Они еще и окажутся самыми необычными противниками из всех, до сих ему попадавшихся.

Он не знал этого и поэтому, когда до двух оставившихся на дороге людей осталось не более нескольких десятков метров, зарычал. Он любил свой рык, поскольку тот наводил на жертву ужас, давал ей

понять, что спасение бессмысленно, сигнализировал ей, что убежать бесполезно. И еще — он действовал.

Услышав его, жертвы, как правило, цепенели, не пытались сопротивляться, и лица у них становились такими, какими и должны быть. Застывшими лицами людей, готовых к смерти, ощутивших ее притягательную неизбежность, ожидающих только последних, милосердный удар когтистой лапы или страшной, вооруженной острыми клыками пасти.

Оборотень зарычал и выскочил на дорогу. Он был готов принести людям избавление, стереть с их лица это покорное, глупое выражение, заменить его более красивыми и желанными масками предсмертной агонии.

Люди были всего в десяти шагах. Они, как обычно, не пытались убежать. Вот только лица... Не такие, совсем не такие они должны были быть. Но это уже не имело никакого значения.

Он бросился. Он неся к ним, бешено работая лапами, оскалив клыки, с которых, конечно же, капала слюна. Он летел по дороге, неотвратимый, безжалостный, смертельно опасный, прекрасно понимающий, что теперь осталось лишь действовать.

Хантер быстро сказал Христиану:

— В сторону.

Мальчик повиновался беспрекословно. Глядя на бегущего к ним оборотня, он отскочил в сторону с дороги, к зарослям беленики. Дорога учит хладнокровию и предусмотрительности. Возле кустов, к которым он отскочил, лежала тяжелая, заостренная с одного края палка.

Христиан поднял ее и выставил вперед, чтобы в случае чего успеть дать отпор врагу.

А дальше, собственно, началось сражение, и оно было таким, что мальчик забыл об этой палке напрочь. Он стоял и лишь смотрел. По правде говоря, больше ничего от него не требовалось. Хантер все сделал сам.

Оборотень прыгнул, когда его и Хантера разделяло метра три. Это было даже красиво. В этом были

изящество и грация. Огромная зверюга оттолкнулась от земли так, словно весила не больше пушинки.

Клыки и зубы неслись к Хантеру со скоростью атакующего птеродактиля, а он вроде бы даже и не собирался сопротивляться. Стоял, вытянув вперед полусогнутые в локтях руки, и лицо у него было спокойным, словно бы потусторонним, будто бы он был где-то далеко-далеко от этого места.

До последней доли секунды.

Клыки оборотня были уже рядом с его горлом, когда Хантер отскочил в сторону. Он сделал это настолько быстро, что даже Христиану, который смотрел на происходящее во все глаза, показалось, будто в этот момент его учитель превратился в тень, которая просто переместилась на полметра в сторону. И не только...

Оборотень все еще был в прыжке, когда Хантер взмахнул правой рукой, словно бы желая погладить его по спине. На самом деле его рука, хотя и могла это запросто сделать, даже не прикоснулась к жесткой серой шерсти свирепого зверя. Она схватила воздух рядом со спиной оборотня так, словно бы в нем что-то было. Словно бы поймала некую невидимую нить. И дернула за нее.

Ничего не произошло.

По крайней мере до тех пор, пока волк не опустился на землю. А потом... тут-то это и случилось.

Оборотень опустился на все четыре лапы и, еще не понимая, куда делась добыча, хотел развернуться и прыгнуть еще раз. Но тут лапы у него подогнулись, сразу все четыре. В результате свирепый хищник пропахал брюхом по дороге.

Это было что-то!..

Оборотень ничего подобного, конечно же, не ожидал. Он вообще не думал о том, что эта охота на людей может закончиться не так, как всегда. Тем более что они и не думали убегать, а это могло означать только одно — трусили. И тут...

Ударившись брюхом о твердую, укатанную дорогу, он от неожиданности издал странный, кряхтящий

звук. Неудержимая инерция влекла его вперед, и он катился по дороге, обдирая живот о валявшиеся на ней мелкие камешки. Но длилось это не очень долго, совсем недостаточно для того, чтобы хищник успел сообразить, как же все это получилось.

Случись так, оборотень, вполне возможно, поджав хвост, кинулся бы наутек, тем самым избавившись от всего, что произошло дальше. Но времени не хватило...

Прокатившись на животе по дороге, зверь быстро развернулся и снова прыгнул.

С тем же результатом.

Более того. В этот раз произошла еще более непонятная вещь. Отпрыгнув в сторону, Хантер снова дернул рукой так, словно в ней была невидимая, но вполне реальная нить, одним концом привязанная к оборотню. Повинуясь натяжению этой нити, тело оборотня изменило траекторию своего полета и, описав дугу, с размаху врезалось в кукишовое дерево, росшее у самого края дороги. Удар был так силен, что у него из глаз посыпались искры, а с дерева упало несколько спелых, похожих на колючие шары кукишей.

Это здорово смахивало на корриду. По сути, корридой это и было. Человек и зверь метались по дороге, и каждый раз то с помощью невидимой нити, то благодаря скорости и реакции человек уходил от клыков и когтей разъяренного зверя.

Раз за разом.

Оборотень выл, щелкал зубами, бил воздух лапами, но промахивался, неизбежно промахивался. Постепенно вой перешел в глухое, утробное рычание, удары когтей стали более неточными. Теперь уходить от них стало гораздо легче. И, наконец, последний прыжок, последняя попытка сомкнуть капкан челюстей на горле ненавистного человека, последняя неудача.

Хантер отпрыгнул в сторону, и оборотень, промахнувшись, кубарем покатился по дороге. Он встал. Но только не так, как раньше, а медленно, стараясь несколько шире, чем нужно, расставить подгибающиеся лапы. И он больше не пытался напасть. Стоял себе,

в паре метров от Хантера, тяжело дыша, поводя из стороны в сторону огромной головой. В глазах оборотня больше не было бешенства. Теперь в них читалась лишь усталость.

— Кажется, все, — сказал Хантер.

Христиан наконец-то очнулся и подошел к своему учителю. В руках у мальчика все еще была заостренная палка, но он прекрасно понимал, что забава закончилась. Осталось лишь нанести последний удар.

— Ты кто? — вдруг спросил оборотень.

Голос у него был хриплый, слова с трудом выскальзывали из горла, более приспособленного к вою и рыку, но все же, что именно он спросил, было совершенно понятно.

— Я тот, кто тебе не по зубам, — промолвил Хантер. — Проваливай. Иначе я передумаю и заберу твою жизнь.

Глаза оборотня сверкнули ненавистью.

— Я вырву тебе горло, — заявил он.

Хантер покачал головой.

— Сказано же тебе — не выйдет. Уходи. Сегодня ночь странных воспоминаний. В эту ночь охотники, как правило, не убивают. Если только им не придется защищать свою жизнь. Уходи. Если ты прыгнешь на меня еще раз, я тебя убью.

— Ага, стало быть, ты охотник... — пробормотал оборотень.

— Да, именно, — ответил Хантер.

Он вовремя заметил, как напряглись мускулы оборотня, чтобы сделать еще один, последний прыжок, и что было сил сжал конец невидимой нити, который все еще был у него в руке.

Лапы оборотня подогнулись, и он рухнул на живот, скуля от боли.

— Прочь! — крикнул Хантер. — Прочь, шелудивая собака, которая способна лишь нападать на беззащитных путников. И учти, ночь странных воспоминаний бывает раз в году. Если ты мне встретишься еще раз — не пощажу.

— Хорошо, — промолвил оборотень. — Я уйду. Отпусти меня.

— Да кто тебя держит, кроме собственной глупости? — ухмыльнулся Хантер и разжал пальцы.

Почувствовав каким-то шестым, звериным инстинктом, что он свободен, зверь зарычал и снова вскочил на четыре лапы.

— Ага! — взревел он.

Хантер вздохнул и покачал головой.

— Не надо. Думаешь, так трудно тебя поймать еще раз?

Какую-то секунду они смотрели друг другу в глаза, человек и зверь, а потом оборотень отвернулся и молча исчез в кустах. Совершенно беззвучно, как привидение.

— Уф, — сказал Хантер и вытер со лба пот.

— Здорово ты его, — промолвил Христиан. — Неужели и я когда-нибудь научусь также?..

— Конечно. Только, учти, этот фокус лучше всего удается с оборотнями. Будь на его месте другая нечисть, он мог и не получиться.

— Почему?

— У оборотней очень толстые и прочные нити судьбы. Их удобно хватать. Что я и сделал. А вот у какой-нибудь вампиры — попробуй ухвати. Не получится.

Христиан прислушался и, удовлетворенно улыбнувшись, отбросил сук в сторону.

— Кстати, оборотень действительно ушел. Пора и нам.

— В самом деле. Пошли, малыш.

И они двинулись по дороге дальше.

Ночь уже наступила, и на небе сияли первые звезды. От то и дело попадавшихся им на обочине дороги сугробов ощутимо тянуло холодом. Между сугробами виднелись уже распустившиеся зимняки, и их нежный аромат напоминал о чем-то вкусном и свежем, мягком и пушистом. Может быть, даже о том месте,

которое люди обычно называют своим домом, том месте, где им хорошо и покойно.

«Вот только то место которое я называл своим домом, — подумал Хантер, — его уже больше нет. Оно превратилось в дым и унеслось в небо. Прекратило существовать. Может быть, потому, что такие, как я, недостойны иметь место, которое они могли бы назвать своим домом?»

— И все же жаль, что ты его не убил, — вздохнул Христиан.

— Конечно, жаль.

— А если на нас завтра ночью или, может быть, послезавтра нападет еще один оборотень?.. Ты его убьешь?

Хантер тяжело вздохнул.

«Нет, лучшая политика по отношению к ребенку, — подумал он, — не обманывать. Тем более он не ребенок, он мой компаньон по дороге».

Вслух Хантер сказал:

— Нет.

— Почему?

Христиан остановился и с удивлением посмотрел на него.

— Видишь ли, потому, что убить оборотня не так уж и легко. Даже охотнику. Для этого надо иметь меч с серебряным лезвием, или стрелу с серебряным наконечником, или осиновый кол, или... Кстати, та палка, которую ты держал в руках, убить оборотня не могла.

— Значит, ты его обманул? — спросил Христиан.

Некоторое время охотник молчал, потом ответил:

— Не совсем. На самом деле я мог убить его, но сделал бы это лишь в самом крайнем случае. Только для спасения моей или твоей жизни. То, чем его можно убить... Я хотел бы приберечь это для другого случая. Более серьезного.

— Чего именно?

Охотник улыбнулся и вытащил из-за пазухи ритуальный кинжал с длинным узким лезвием, с рукояткой в виде злобного пучеглазого божка.

— Вот именно этим. Только ритуальный кинжал можно использовать лишь один раз. Кого бы ты им ни убил, пусть даже обычную крысу. Мне кажется, на нашей дороге могут встретиться и более серьезные враги, чем какой-то оборотень. А кинжал у меня один. И другого пока достать нет никакой возможности. Понимаешь?

— Ага, — согласился Христиан. — Понимаю.

Они снова пошли по дороге. До города оставалось уже не так далеко. Теперь, когда поблизости больше не слышалось воя оборотня, лес вокруг них странно изменился. Он больше не таил в себе страха и опасности. Обыкновенный лес в самую обыкновенную ночь странных воспоминаний. И только.

Через полчаса впереди показались огни города. Лес кончился, и потянулись возделанные поля. Еще немного, и они окажутся в тепле какой-нибудь гостиницы. Там можно будет поесть и отдохнуть. Осталось совсем немного.

— Может быть, — сказал Хантер, — все же не стоило с этим оборотнем связываться?

— Ну уж нет, — решительно заявил Христиан. — Тогда бы я ни за что не увидел, как оборотень пытается забодать кукишовое дерево. Думаю, этого я не забуду до самой смерти. Еще мне кажется, очень многие жители этого города дорого бы дали, чтобы увидеть подобное зрелище.

— Это точно, — согласился Хантер.

И они тихо засмеялись.

2

Гостиница была не высшего сорта. Это легко определить по запаху. Конечно, того гадкого запаха, который, кажется, навечно поселился в убогих, постепенно разоряющихся гостиницах, в ней не чувствовалось. Но все же, все же был некий на него намек, некое предощущение...

Построена она была с претензией на старину. Массивные, сколоченные из толстых плах столы, крепкие, с толстыми ножками табуреты и стойка, способная остановить средних размеров игуанодона, пусть он даже попытается ее протаранить. Хозяин гостиницы, одетый в добротную, может быть, только несколько более засаленную, чем нужно, одежду, имел толстое багровое лицо и загнутый, похожий на ручку зонтика, нос.

Быстро взглянув на Хантера и Христиана, он безошибочно определил в них людей дороги. Сейчас же лицо его приняло озабоченное выражение.

— Вам чего? — спросил он.

— Поужинать и переночевать, — сказал Хантер.

— А деньги у вас есть?

— Конечно.

Лицо хозяина гостиницы слегка прояснилось.

— Тогда садитесь вон за тот свободный стол. Сейчас вам принесут ужин. И еще... сегодня ночь странных воспоминаний. Поэтому здесь собрались городские старейшины, чтобы встретить эту ночь согласно обычаю. Так что не мешайтесь под ногами. Поужинаете и на боковую. Понятно?

— Понятно, — сказал Христиан.

— Смотрите у меня...

Христиан хотел было сказать хозяину гостиницы что-нибудь очень душевное, но Хантер бросил на него предостерегающий взгляд, и тот промолчал.

Учитель и ученик уселись за свой стол.

Старейшин можно было узнать сразу. Они восседали в середине зала — важные старики в чистой, опрятной одежде. У них были длинные бороды и необычайно серьезный вид.

— Такое ощущение, словно они собираются заняться чем-то жутко важным, — сказал Христиан.

— А разве нет? — улыбнулся Хантер.

— Да видел я уже не раз, как они предаются этим своим странным воспоминаниям. Ничего особенного в них нет. Совсем ничего.

— А ты знаешь, зачем они это делают? — уже более серьезно спросил Хантер.

— Нет.

— Вот то-то... Они имеют смысл, они как-то связаны с видами на урожай. И чем лучше сейчас будут странные воспоминания, тем обильнее будет в следующем году урожай.

— Суеверия.

— Вряд ли. Проверено многовековым опытом. Каким-то образом эти странные воспоминания и урожайность полей связаны. По крайней мере в этих местах частенько встречаются настоящие фанатики ночи странных воспоминаний.

Христиан взглянул в сторону старейшин и сказал:

— Смотри, кажется, среди них сидит метаморф. Вон тот. Он только что на моих глазах сделал свою бороду в два раза длиннее.

Хантер не без интереса поглядел на старейшин и спросил:

— Вон тот, что сидит спиной к двери?

— Ага.

— Почему бы и нет? Метаморфы считаются большими специалистами по странным воспоминаниям. С возрастом их способности увеличиваются. А этот, похоже, очень-очень стар.

— Откуда ты знаешь? — спросил Христиан. — Насколько мне известно, метаморфы могут менять свое тело по собственному желанию. Может быть, он только кажется стариком? Может быть, на самом деле он очень молод?

— Нет, — покачал головой охотник. — Он очень стар. Конечно, метаморфы могут изменять свой вид как угодно, но и их возраст определить не так уж трудно.

— Каким образом?

— По скорости с которой они изменяются. С годами она у них замедляется. Судя по той скорости, с которой он продолжает отращивать свою бороду, этому метаморфу очень, очень много лет.

В самом деле борода метаморфа продолжала увеличиваться.

— Зачем он это делает? — поинтересовался Христиан. — Неужели за те годы, что он прожил, ему не надоели все эти их, метаморфные, штучки?

— Наверняка надоели. Просто он делает это машинально, так, как, задумавшись, обыкновенный человек вертит в пальцах случайно попавший под руку гладкий камешек, или веточку, или любой другой предмет, который удобно вертеть.

— Ага, понятно.

Тут здоровенная мальбиха принесла поднос и сгрузила с него на их столик пару тарелок с жареным мясом, полкаравая хлеба и две кружки пива. Получив с Хантера плату за ужин и ночлег, она, неуклюже переставляя толстые, покрытые щетиной ноги, потопала к следующему клиенту, судя по кожаному костюму, охотнику на морских змеев.

Путники набросились на еду, словно парочка голодавших перед этим не меньше недели саблезубых тигров. К тому времени, когда они заморили червячка, старейшины уже приступили к исполнению ритуала, ради которого пришли сегодня в эту гостиницу.

Ведущим был, конечно же, метаморф. Он поставил на середину стола крупный, размером с куриное яйцо, бирюзового цвета камень мечты. После этого метаморф откашлялся, положил на камень руку и нараспев затянул:

— О ты, спускающийся к нам из небесных подземелий великий безумный дух в призрачной короне, со скипетром сумасшествия в руках, рассказывающий нам, просвещающий нас, обманывающий нас с благими целями, скрывающий от нас чудовищное лицо истины...

— Забавный ритуал, — спросил Хантер. — Ты не находишь?

— Нет, — ответил Христиан.

— И все же мы его посмотрим. Спать еще рано, а сам по себе он очень любопытен. Кстати, можешь

попрактиковаться в определении нитей судьбы. Начни с метаморфа.

— Хорошо.

Христиан стал не без любопытства рассматривать главное действующее лицо ритуала. Вот мальчик прищурился и слегка засопел. Хантер улыбнулся и промолвил:

— Ты совершаешь ошибку. Не напрягайся. Все должно быть естественно. Ты должен видеть нити без малейшего напряжения, так, как ты видишь все окружающие тебя реальные предметы.

— Угу.

Христиан перестал сопеть, но все же смотрел на метаморфа, слегка сощурившись.

«Он научится, — подумал Хантер. — Если только не будет лентяйничать. Хотя беспокоиться не о чем. Мальчишка вроде не из ленивых».

Теперь уже все старейшины хором повторяли:

— ...И еще приносящий блаженную веру в то, что нас ждет самая лучшая доля, что наши закрома будут полны, что наши жены плодовиты, а с нами самими ничего плохого не случится. Мы заклинаем тебя грозным именем действительности и в то же время преклоняем перед тобой колени, чтобы припасть к твоей счастливой, приносящей неисчислимые милости руке, чтобы она одарила нас...

«Да, вот насчет счастья и удачи... — подумал Хантер. — Они бы не помешали и нам. Очень не помешали. Если мои предположения верны, то черные маги должны сделать все, чтобы нас остановить, помешать нам найти их гнездо.

Интересно, что они придумают на этот раз? Устроят за нами погоню? Попытаются сделать засаду? А может, и то, и другое? Опаснее всего тот враг, о котором знаешь очень мало, а следовательно, плохо представляешь, на что он способен. Единственное можно сказать совершенно точно — они-то знают о том, что мы попытаемся найти их убежище, и, стало

быть, должны, обязаны принять все возможные меры, чтобы нас обезвредить.

Очень милая перспектива. Просто замечательная перспектива. Особенно учитывая, на что способны черные маги».

Он отхлебнул из кружки и бросил задумчивый взгляд в сторону Христиана.

Мальчик продолжал внимательно наблюдать за старейшинами.

«С ним-то как? — размышлял Хантер. — Самым логичным было бы оставить его где-нибудь в этом городе и отправиться разыскивать логово черных магов одному. Вот только будет ли это на самом деле правильным решением?

Да, конечно, он всего лишь двенадцатилетний мальчик, и подвергать его такой опасности не стоит. Поэтому лучше всего его оставить. Если эта охота закончится благополучно, то я за ним вернусь... А если — нет? В таком случае, черные маги захватят этот мир и сделают его своей вотчиной. А Христиан? С его способностями он погибнет или из него сделают черного мага, что гораздо хуже смерти».

Метаморф закинул голову к потолку и возвестил:

— Вот оно! Началось. Я буду первый, я первый!

И остальные старейшины, согласно ритуалу, хором затянули:

— Ты первый, ты самый первый. Тебе — начинать.

Метаморф закатил глаза и совершенно замогильным голосом стал выкрикивать:

— И вот пришел я и увидел то, чего еще не было на этом свете. Я увидел корову о семи хвостах, которая пришла к нам с севера. И дыхание у нее было словно чистейший лед. Обжигала она своим дыханием, и необыкновенная кротость читалась на ее морде, словно бы она была не коровой, а...

К этому времени большинство постояльцев гостиницы утолили голод и разошлись по отведенным для них на эту ночь комнатам. Хантер и Христиан про-

должали сидеть за своим столом. К ним подошла мальбиха, и Хантер приказал ей принести еще одну кружку пива. Она бросила вопросительный взгляд в сторону мальчика, но охотник лишь покачал головой, справедливо подумав, что спаивать Христиана не стоит.

Мальбиха кивнула и через несколько минут принесла заказанное пиво. Хантер отхлебнул из кружки добрый глоток и снова посмотрел на Христиана. Тот продолжал следить за старейшинами.

«И все же, — подумал охотник, — видимо, ничего не остается, как взять мальчишку с собой. Он смышлен, он привык к жизни на дороге, а стало быть, не будет обузой. И потом, если взять его с собой, то он сможет у меня многому научиться. И вообще с каких это пор учителя-охотники бросают своих учеников? Дальнейшее — судьба. Как выйдет. Может быть, нам и повезет».

Он еще немного подумал на эту тему и окончательно уверился, что это решение является правильным.

— Знаешь, у этого метаморфа линии судьбы более тонкие и длинные, чем у других людей, — сообщил Христиан.

Хантер кивнул.

— Да, верно. Посмотри еще. Может быть, тебе удастся заметить и другую особенность, благодаря которой любой охотник может всегда безошибочно определить, что перед ним представитель именно этого племени.

Христиан нахмурился и снова принялся рассматривать метаморфа.

«И все-таки забавно, — подумал Хантер. — Похоже, тебе, приятель, в очередной раз повезло. Конечно, если только считать все случившееся до сих пор везением. Но все же... тебе предстоит почувствовать, каково быть дичью. Да, да, именно ею. Всю жизнь ты выслеживал других, ты охотился на черных магов и просто на всякую нечисть. А вот теперь охотятся на тебя. Каково, а? Нравится?»

Он задумчиво постучал по столу пальцами.

Зал был уже почти пуст. Последние посетители торопливо расплачивались и уходили на второй этаж, где, как это и положено в подобных гостиницах, были комнаты для отдыха. Слишком уж как-то поспешно они это делали.

Охотника это заинтересовало.

«В чем дело? — подумал он. — Похоже, они чего-то боятся. Ну да, вон в линиях у них появился желтоватый оттенок, несомненно, означающий легкое чувство страха. Чего они так боятся? Забавно...»

Между тем метаморф продолжал нараспев выкрикивать свое странное воспоминание. Старейшины слушали его, полузакрыв глаза, так, словно он и в самом деле вот-вот должен был сообщить им какие-то откровения.

Хантер слегка улыбнулся.

В той области, в которой он жил, странные воспоминания почти уже превратились в некую дань традиции, в ритуал, на который, как правило, никто, кроме его участников, не обращает внимания. Здесь, похоже, насколько он помнил, все обстояло по-другому. Может, этим объяснялся и страх постояльцев гостиницы?

— А пойдем-ка спать, — сказал он Христиану. — У меня уже глаза смыкаются от усталости.

— Еще немного, — попросил мальчик. — Ну, еще немножечко. Я, кажется, уже почти догадался, чем еще линии судьбы метаморфа отличаются от линий других людей.

— Хорошо, — не очень охотно сказал Хантер. — Давай подождем. Еще минут пять.

Ему нравилась та увлеченность, с которой Христиан старался овладеть знаниями и умением охотника. Именно поэтому он согласился остаться в зале еще ненадолго.

И совершил ошибку.

Впрочем, в данный момент Хантер об этом еще не знал.

А метаморф вещал:

—вот тогда, когда последний человек придет к последнему берегу, чтобы посмотреть на омывающие его мертвые волны, когда род человеческий прекратит свое существование и ужас охватит всю землю, ибо она осознает, что совершила страшное преступление, позволив цветку разума выродиться в антиразум и, как следствие этого, завянуть, семихвостая корова поднимет над горизонтом свою огромную голову. Молнии будут пробегать по кончикам ее рогов, и грозные тучи будут скрываться в складках ее ушей...

Хантер покачал головой.

Бред. Как есть — бред.

— Мне кажется, — вполголоса сказал ему Христиан, — я понял. Цвет линий. В нем больше золотистого оттенка и...

Договорить он не успел.

Метаморф вскрикнул так, словно к его руке приложили раскаленное железо. Низкий, утробный вой вырвался из его груди. Тело сотрясала мелкая дрожь. На какое-то мгновение метаморф застыл, словно превратившись в статую. Старейшины глядели на него, не отрываясь. На лицах у них было написано ожидание. Вот-вот должно было что-то случиться...

— Пойдем. — Хантер встал. — Давай-ка уходить отсюда. И как можно скорее. Не нравится мне это все, очень не нравится.

Они двинулись в сторону ведущей на второй этаж лестницы.

В этот момент метаморф взвизгнул, а старейшины хором воскликнули:

— Вот оно, истинное странное воспоминание!

Не успели они это прокричать, как метаморф стал изменяться. Его лицо вытянулось, почти превратившись в вооруженную острым клювом морду, которая тотчас раздвинулась вширь, разделилась, превратилась в две маленькие, вполне человеческие головы.

Одна, со слащавым лицом и трусливыми глазками, спросила:

— Может быть, ты ошибаешься?

— Нет, — проревела вторая, лицо которой как бы являлось маской жестокости и злобно оскалило острые клыки. — Я не могу ошибаться! Опасность здесь, и для того, чтобы ее избежать, нужно действовать!

— Ты уверен?

— Да.

— Тогда что мы должны сделать?

— Ха-ха-ха! — загрохотала злобная голова. — А разве вы не знаете? Не догадываетесь, чего именно ждет от вас неумолимый рок, остановить продвижение которого можно лишь тем способом, который известен вот уже века?

— Но где же она, эта опасность, где?

— Здесь, рядом, в этой комнате. Она уже пришла и теперь лишь ждет, когда ее настигнет черная рука проклятия. Эта рука преследует свою добычу по пятам. И укажет ее именно здесь. Страшные беды ждут этот город и его жителей, если они не избавятся от надвигающейся на них опасности.

— Ты говоришь — люди, которые несут с собой эту опасность, находятся здесь?

— Да, в этом зале. Стоит вам захотеть, и вы сможете их увидеть. Увидеть... видеть... деть... хва... кха...

Голова со сласавым лицом изловчилась и вцепилась зубами в горло своей собеседнице. Злобная гримаса на ее лице сменилась выражением безграничного удивления. Брызнула кровь. Теперь из горла злобной головы вырывался лишь хрип. Впрочем, вскоре прекратился и он. Голова стала сминаться, будто глина под умелыми пальцами гончара, втягиваться в плечи, исчезать.

Когда она исчезла вовсе, оставшаяся голова победоносно улыбнулась и сказала:

— Этого вполне достаточно. Вы знаете, как положено поступать в таких случаях. В полном соответствии со старинными обычаями.

Она улыбнулась еще раз, на этот раз злобно, словно бы превратившись на секунду в свою напарницу.

Впрочем, уже в следующее мгновение она тоже стала исчезать, сминаться, втягиваться в тело, уступая место растущей из него настоящей голове метаморфа.

В полной тишине старейшины дружно склонили головы перед метаморфом, возвращавшимся в свой настоящий облик.

В этот момент Хантер и Христиан были уже в дальнем конце зала, у самой лестницы. Оставалось только по ней подняться.

Охотник шагнул на первую ступень лестницы и вдруг почувствовал себя так, словно его на мгновение окунули в кипящую смолу. По коже его пробежал странный, краткий, как удар молнии, жар.

Быстро обернувшись, охотник увидел, что старейшины смотрят на него. Во взглядах их читалась неприкрытая ненависть.

— Ты! — воскликнул один из них и ткнул в Хантера пальцем. — Это ты!

Мгновенно оценив обстановку, охотник понял, что нападать на них пока никто не собирается. Да и вряд ли старейшины были способны на это.

Сокрушенно покачав головой, он сказал:

— Вы ошиблись. Никакого проклятия на нас нет.

Старейшины безмолвствовали, видимо, считая, что время разговоров кончилось. Все было решено. И слова тех, кого они считали способным своим существованием погубить их будущий урожай, не имели никакого значения.

Хантер пожал плечами и стал подниматься по лестнице. Христиан следовал за ним. На самом верху лестницы охотник обернулся еще раз.

Старейшины сидели неподвижно и следили за каждым его движением, словно кошки за мышью, которая вот-вот попадет в их когти. Метаморф уже окончательно вернулся в привычный облик и сидел, наклонив голову, как человек, уставший после тяжелой, каторжной работы.

— Ой-ой-ой, — тихо сказал Хантер и, снова покачав головой, двинулся к отведенной для них комнате.

Закрыв ее дверь на задвижку, он бросил взгляд на Христиана. Лицо мальчика было бледным, но все же он силился улыбнуться.

— Вот так, малыш, — сказал охотник. — Кажется, мы опять влипли.

— Надо было их убить, — глухо проговорил мальчик. — Прямо там, в зале. Всех, до одного. И быстро уходить из этого города. За ночь мы могли уйти так далеко, что нас не смог бы догнать никто.

Хантер бросил на него грустный взгляд и сказал:

— Одно из основных правил охотников гласит, что не стоит отнимать чью-либо жизнь, если есть хоть какая-то возможность этого не делать.

— И все же они хотят забрать нашу жизнь. Мы должны были их убить.

Губы мальчика упрямо сжались.

— Ты можешь убить того, кто не нападает на тебя с оружием в руках? — спросил Хантер.

— Нет, — потупился мальчик.

— Вот то-то. А почему ты считаешь, что это способен сделать я?

— Ладно, наверняка ты прав, — сказал Христиан. — Тогда мы можем попытаться сбежать из этой гостиницы прямо сейчас.

— Ты думаешь, это возможно?

Хантер подошел к окну и, осторожно открыв его, стал вглядываться в ночную темноту. Не прошло и полминуты, как какой-то предмет влетел в окно и упал возле его ног.

Охотник осторожно поднял с пола вырезанный из коры круг, перечеркнутый двумя кровавыми линиями.

— Видишь? — показал он круг Христиану. — Нет, удрать нам отсюда не удастся. Нас караулят, и наверняка этих сторожей не менее двух-трех десятков. Поэтому не будем искушать судьбу.

— А что же тогда мы будем делать? — спросил мальчик. — Неужели сидеть сложа руки и ждать смерти?

— Ни в коем случае, — уверил его охотник. — Для начала мы примем кое-какие меры предосторожности, а потом будем ложиться спать. Завтра нам предстоит тот еще денек.

— А как мы выберемся из этой ловушки?

— Будет день — будет пища, — сказал Хантер. — Давай для начала забаррикадируем дверь вот этим шкафом для одежды, а окно — столом. Чтобы обезопасить себя на тот случай, если у кого-то из наших сторожей лопнет терпение и он попытается нас проведать.

Так они и сделали.

Когда шкаф закрыл дверь, а стол — окно, Хантер подошел к одной из двух стоявших в комнате кроватей и стал раздеваться.

— А теперь, будем спать, — сообщил он Христиану. — Кстати, я почти уверен, что это суеверие одобряет лишь часть жителей города. А убив старейшин, мы восстановили бы против себя всех, от мала до велика.

— Так-то оно так, — промолвил Христиан, присев на другую кровать и тоже начиная раздеваться. — Только я сомневаюсь, станет ли хоть один из этих несогласных нам помогать.

— Конечно, не станет, — сказал охотник. — Но те, кто попытается нас убить, днем будут чувствовать себя менее уверенно. Понимаешь, все эти фанатики жутко не любят, когда их делишки видят другие люди, те, кто их не одобряет.

Христиан нырнул под одеяло и, вздохнув, проговорил:

— И все же завтра нам придется драться. Не на жизнь, а на смерть.

— Вероятно. — Хантер сунул ритуальный кинжал под подушку. — Надеюсь, нам будет сопутствовать удача.

— Я тоже надеюсь, — промолвил Христиан. — Кстати, почему эти фанатики не напали на нас прямо сейчас?

— Все очень просто. В гостинице мы находимся под покровительством ее хозяина. Если нас убьют в ее стенах, у него не будет больше ни одного постояльца. Но стоит нам сделать хотя бы шаг на улицу, охота на нас начнется. Кстати, убей мы старейшин, фанатики получили бы право напасть на нас немедленно.

— Ага, — пробормотал Христиан. — Получается, мы правильно сделали, что их не убили?

— Да.

— Но все же завтра...

— Я сделаю все, чтобы избежать драки, — промолвил Хантер. — Нам понадобятся силы для главной драки, которая еще впереди. Это будет драка с черными магами. Мы должны найти их гнездо и уничтожить.

— А нам это удастся?

— Удастся. По крайней мере я на это надеюсь.

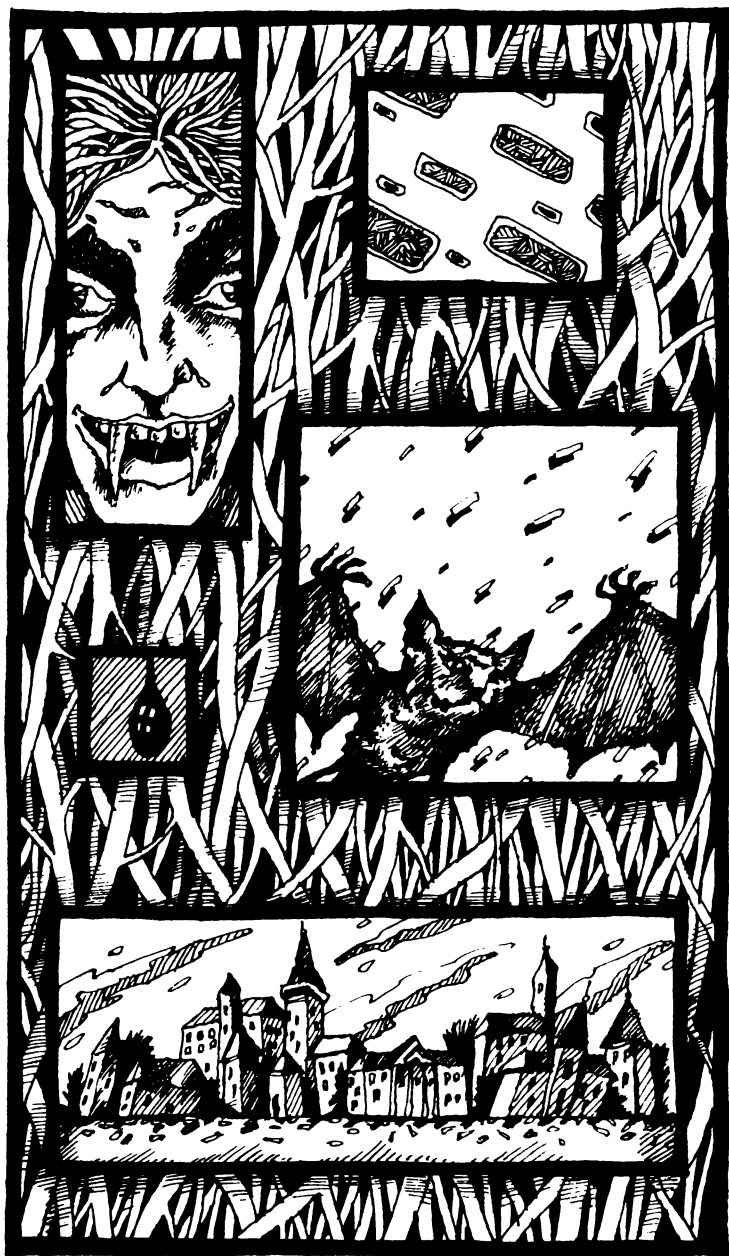
Сказав так, Хантер взял стоявший на одной из полок колокольчик и накрыл им освещающего комнату каменного светлячка.

После этого охотник лег в постель, повернулся на правый бок и почти моментально заснул.

3

Город был тихий, из тех, в которых Лисандра больше всего любила жить. Он был недостаточно большим, а стало быть, не таким шумным и многолюдным, чтобы это раздражало вампирушу. Одновременно он был не очень маленьким, и для нее трудностей с поисками пищи не возникало.

Как известно, в очень маленьких городах вампирам жить трудно, поскольку в них любое странное происшествие сейчас же становилось известно всем. Если же эти странные случаи шли косяком, рано или поздно кто-нибудь мог догадаться, что они указывают на присутствие вампира. А тогда...

Вампириша вспомнила, чем для нее закончилось проживание в предыдущем городе, и содрогнулась...

Толпа, вооруженная факелами и кольями, яростные крики, огонь, охвативший дом, в котором она жила... бр-р-р-р...

Ей тогда удалось ускользнуть буквально чудом, через подземный ход. Не позаботься она о нем в свое время, выпутаться из этой заварушки ей ни за что бы не удалось.

Осиновый кол в живот, чеснок в рот... бр-р-р-р-р... Лисандра остановилась и быстро огляделась.

Облака закрыли луну, и это было не так уж и плохо. По крайней мере для того, что ей предстояло сделать.

Она прислушалась.

В квартале от нее был патруль дэвов. К счастью, они шли совсем в другую сторону, так что никакой опасности не представляли. Еще в соседнем доме тихо скрипнуло открывшееся окно. Очевидно, в чью-то квартиру лез вор.

Это ей тоже никоим образом угрожать не могло.

И все же...

Она улыбнулась, вдруг сообразив, что, кажется, впервые за довольно долгое время чувствует себя как нельзя лучше. Пожар, в котором сгорел ее дом, собиравшаяся ее убить толпа, потом долгая, опасная поездка в город охотника... Зачем она туда поехала? Чтобы отомстить? Но за что? Ее дом сожгли не по его вине. Он был виноват лишь в том, что знал о ее существовании. Было ли этого достаточно чтобы пу- скаться в такое долгое и опасное путешествие?

Сейчас, когда прошло несколько месяцев, она могла сказать почти точно, что этого было мало. Значит, существовала и другая причина, по которой она устремилась в погоню за охотником. Какая?

«Ой, лукавишь ты, лукавишь даже сама с собой, — весело подумала Лисандра. — Конечно, ты знаешь эту причину, ты не можешь ее не знать. Все дело в том, что ты... Хотя теперь, когда все кончилось и

охотник мертв, это уже и в самом деле не имеет никакого значения».

Она снова оглядела улицу и вдруг поняла, что нужно что-то делать. Не нравились ей эта тишина и спокойствие. Что-то было в них неестественное, настораживающее.

«Ну и прекрасно!» — подумала Лисандра.

Подпрыгнув, она превратилась в летучую мышь и, взмахнув крыльями, взлетела. Поднявшись на высоту крыш, она полетела вперед, внимательно вглядываясь в проплывавшую под ней улицу.

Все было по-прежнему тихо и спокойно. Никакой опасности. Что же тогда ее насторожило? Уж не стала ли она по прошествии трех сотен лет своей жизни излишне подозрительной?

Да нет, вроде ничего подобного она за собой до сих пор не замечала.

И все же.

Было некое чутье, выработанное все теми же тремя сотнями лет, некое ощущение...

Круто развернувшись, она полетела обратно. На этот раз она поднялась выше крыш и, немного не долетев до того места, где почувствовала опасность, стала снижаться и забирать в сторону. Оказавшись над краем крыши, она резко нырнула вниз и зацепилась за него когтями.

Теперь оставалось лишь сложить крылья. Что она и сделала. В результате небо и земля поменялись местами. Проще говоря, она, как и положено настоящей летучей мыши, повисла вниз головой.

И затаилась.

Будь Лисандра более голодна, она поступила бы совсем по-другому. Постаралась бы улететь от этого места как можно дальше и занялась охотой. Но сейчас... Нет, сейчас ее любопытство было сильнее, чем жажда крови.

Голод. Скверная штука, способная сделать глупцом самое мудрое создание. Но только не сейчас и не ее.

Она висела на карнизе, неподвижная, безмолвная, и ждала, сама не зная чего. Но ждала.

Шло время. Где-то, в паре кварталов от нее слышались проклятия, свист рассекающего воздух клинка, короткий вопль и звук упавшего тела. Наступила тишина, но длилась она всего лишь несколько мгновений, чтобы смениться тихим удаляющимся шорохом торопливых шагов.

Кто-то с кем-то свел счеты и, убедившись, что жертва мертва, поспешил скрыться. Если она поторопится, то может попробовать крови убитого, до того как на него наткнется патруль дэвов.

И все же она осталась висеть на краю крыши и таращиться в ночную темноту. Для нее она не была непроницаемой. Все-таки вампиры видят в темноте просто прекрасно. Иначе они давно бы уже вымерли от голода.

Голод.

Она знала, что если ее предположения не подтвердятся, то на рассвете, вернувшись в свое убежище, прежде чем лечь в новенький, обитый еще не полинявшим материалом гроб, она будет честить себя последними словами.

Но это будет потом. А сейчас она все еще надеялась обнаружить то, что ее так встревожило. Или убедиться в том, что у нее разыгралась самая обычная мания преследования.

Кстати, вполне может быть. Она попробовала подсчитать, сколько раз за две недели, до того момента, как попала в этот город и нашла себе надежное убежище, могла погибнуть. И не смогла это сделать.

Девять, десять раз? Может быть, больше.

Немудрено тут начать шарахаться от каждого подозрительного куста, от каждого непонятного звука.

Топот и скрежет когтей по брусчатке мостовой возвестили ей о том, что неподалеку бродит какой-то зверь. Он приближался. Судя по всему, зверь брел вдоль улицы, то и дело останавливаясь возле домов и приносясь.

Лисандра явственно слышала его хриплое дыхание. Принюхиваясь, он издавал звук, похожий на поскуливание брошенной собачонки. Может быть, так оно и было?

Вампирша уже почти знала, что это за зверь, но все же пока не торопилась делать выводы. Когда он оказался от нее всего лишь через два дома, она все же не выдержала и повернула в его сторону голову.

Так и есть. Это оказался динозавр-сопровождающий. Длинный, на тонких, изящных лапах, то и дело приседая на хвост и оглядываясь, он шел по улице зигзагами, не пропуская ни одного стоявшего на ней дома, принюхиваясь и то и дело принимаясь скулить.

На тонкой, длинной его шее поблескивал серебряный ошейник, указывающий на то, что динозавр не дикий, лесной, а кому-то принадлежит.

«Что же тогда он делает ночью на улице? — подумала Лисандра. — В это время все имеющие хозяев динозавры-сопровождающие лежат на своих циновках и мирно спят. Потерялся он, что ли?»

Очевидно, так и было.

Динозавр явно искал свой дом, свою циновку, своего хозяина и, не находя, скулил от отчаяния.

Когда динозавр оказался совсем близко от дома, на краю крыши которого висела вампирша, она заметила на его теле несколько ран, из которых медленно сочилась кровь.

«Ого, да он, похоже, с кем-то дрался, — размышляла Лисандра. — Интересно, кто это мог не побояться вступить в схватку с динозавром-сопровождающим? Да мало того, что вступить, так он еще довольно прилично его и отделал».

Она великолепно знала, как свирепы бывают эти, с виду почти безобидные зверюги, когда их хозяину угрожает опасность, и как их самозабвенно защищают. Когти у них очень длинные, а клыки могут соперничать в остроте с самым лучшим джихадианским клинком. И молниеносная реакция.

«Нет, что-то тут не так, — подумала Лисандра. — Положительно, это ночь загадок. И чем дольше она длится, тем их становится больше».

Динозавр-сопровождающий обнюхал дверь очередного дома и двинулся дальше по улице. Вампириша проводила его задумчивым взглядом. Ей хотелось разобраться в этой истории, узнать, что же произошло с хозяином динозавра, но чутье подсказывало ей, что стоит еще немного подождать.

Эта ночь должна была, просто обязана преподнести ей еще какой-то сюрприз.

Динозавр-сопровождающий ушел недалеко. Совсем рядом слышались топот и звон оружия патрульного отряда дэвов. Их было трое, и шли они не спеша. Еще бы, эта ночь была всего лишь ночью странных воспоминаний. Конечно, самой безопасной ночью в году ее назвать было нельзя, но все же она не шла ни в какие сравнения с ночью белых всадников или кровавых ножей. В такую ночь дэвы могли позволить себе несколько расслабиться.

Топот дэвов и скрежет когтей динозавра медленно, но неотвратно сближались. Встретились они в квартале от дома, на краю крыши которого устроила наблюдательный пост Лисандра.

Некоторое время дэвы рассматривали динозавра, который, видимо, каким-то образом угадав в них людей, способных помочь его горю, радостно повизгивал. Наконец один из них сказал:

— Гля, этот-то откуда взялся?

— Ты поосторожнее, — промолвил другой. — Эти динозавры-сопровождающие способны на что угодно. Порвет горло, и охнуть не успеешь.

— Как же. Ему вон и самому от кого-то досталось. Видишь, вся спина располосована?

— Да вижу я, вижу. Не нравится мне все это. Кто мог такое учинить? Может быть, в город опять забрели саблезубые тигры?

— Нет, это не саблезубые, — вступил в разговор третий страж порядка. — Нас бы предупредили. Это

центр города, а не окраины. Они не могли сюда пробраться так, чтобы их никто не заметил. Кроме того, сейчас середина зимы, а саблезубые начинают выходить из лесов лишь перед самой весной. Голову даю на отсечение, это был кто-то другой.

— Кто именно?

— Да почему я знаю? Мало ли в лесах водятся всяких тварей? Вполне достаточно. Вот одна из них и забрела в город.

Со своего места вампирша хорошо видела, как дэвы взяли на изготовку здоровенные шипастые дубинки и стали настороженно оглядываться. Однако все вокруг было тихо. Ни малейших следов напавшего на динозавра-сопровождающего зверя.

Убедившись в этом, дэвы несколько успокоились.

Один сказал:

— Смотри, и ошейник на нем богатый. Ох, чует мое сердце, принадлежит он какому-нибудь важному горожанину. Уж не городского ли казначея динозаврик?

— Гадать нечего, — решительно сказал его товарищ. — Все равно сейчас это определить мы не сможем. Только, думаю я, хозяин этой зверушки лежит где-то неподалеку мертвый. Иначе сопровождающий его бы не покинул. Правда, не исключено, что он попал весь, полностью в желудок напавшей на него твари.

— Как бы то ни было, — подытожил третий, — но, похоже, нахлобучки нам не избежать. Вот попомните мои слова, потом окажется, что хозяина этой зверушки слопали на нашем участке. Эх, как бы то ни было, все равно придется идти докладывать главному дэву.

— Это верно. Только давайте все же сначала пошарим в округе. Может, что и найдем.

Двое других дэвов признали, что их товарищ говорит дело, и патруль двинулся дальше. Динозавр-сопровождающий покрутил головой, заскулил и бросился вслед за ними.

Лисандра могла улететь прочь и сейчас. Логика подсказывала, что ничего интересного больше не произойдет. Вот только вампириша потому и сумела прожить триста лет, что время от времени действовала вопреки логике. Она хорошо знала, что бывают моменты, когда интуиция — важнее.

Шаги дэвов и динозаврика стихли в отдалении, а вампириша продолжала висеть вниз головой. Она ждала. Что-то должно было случиться.

Луна вышла из-за туч. Прошло время, и тучи опять закрыли ее. На улице было тихо так, словно город вдруг вымер, словно все жители его по мановению волшебной палочки исчезли, оставив после себя лишь гулкую пустоту домов да холод брусчатки, на которую больше не ступит ни одна нога.

«Все, хватит валять дурака, — сказала себе Лисандра. — Признай, что охота сегодня не удалась, кстати, по твоей вине. Ничего не остается, как лететь домой и лечь спать. Завтра тебе будет уже не до глупостей. Ты проснешься такой голодной, что сможешь думать только о крови, сладкой и ароматной, насыщающей, дающей силы жить дальше в этом трижды безумном мире».

Она грустно улыбнулась.

За все в этой жизни нужно платить. За бессмертие тоже. Причем цена за него гораздо больше, чем за что-либо другое.

Оставалось только отцепиться от края крыши, развернуть крылья и убраться восвояси.

И тут что-то на том куске улицы, за которым она наблюдала, изменилось. Совсем чуть-чуть, но все же...

Лисандра затаилась. Она знала, что поблизости от нее кто-то есть, кто-то, такой же ловкий и хитрый, как она, такой же осторожный и умный.

Кто же это?

Всей кожей, натянутыми до предела нервами она чувствовала его присутствие, знала о том, что он где-то рядом, но пока еще не могла определить, где именно.

Где он прячется?

Очень медленно, стараясь не выдать себя этим движением, она повернула голову в сторону и наконец увидела...

Возле соседнего дома был небольшой садик, из тех, которыми изобилует этот городок. Садик, ничего особенного из себя не представляющий. Несколько десятков деревьев-барabanщиков, заросли кустов по-колючек, пяток низеньких скамеек, в центре — неизменный фонтан, представлявший из себя фигуру кентавра-спасителя, поднявшего над головой квадратный ящик с неизменным цилиндрическим выступом в верхней части, из которого изливались потоки воды. Короче, самый обычный, ничем не отличающийся от других садик.

Вот только в зарослях кустов кто-то был.

Благодаря острому ночному зрению вампирша разглядела в кустах чью-то фигуру. Ветки закрывали ее, так что Лисандра не могла бы с точностью сказать, кому именно она принадлежит. Но главное было сделано. Она увидела.

Вот фигура шевельнулась и исчезла... Нет, она не исчезла, просто переместилась на несколько шагов в сторону. Лисандру поразило, как быстро и ловко она это сделала.

Дьявол забери, да кто же это там скрывается?

Теперь она хотела только одного. Чтобы этот кто-то, этот незнакомец хотя бы на секунду вышел на улицу, показался ей, так чтобы она смогла рассмотреть, кем он является.

Конечно, у нее уже появились кое-какие предположения о том, кем может быть этот таинственный незнакомец. Но их нужно было еще проверить.

«Ну же, — подумала вампирша. — Давай выходи. Все тихо и спокойно. Поблизости никого нет. И теперь, например, можно перебраться на другую сторону улицы. Давай!»

Фигура опять переместилась. Теперь, для того чтобы выйти на улицу, незнакомцу нужно было сделать всего лишь несколько шагов.

Сколько вампирша ни вслушивалась, она так и не смогла уловить ни малейшего шороха. Незнакомец двигался настолько бесшумно, насколько это возможно.

Теперь, все зависело лишь от того, решится он перейти улицу именно здесь или нет.

«Давай, — думала Лисандра. — Чего же ты медлишь? Мне так хочется тебя увидеть. Кстати, очень нехорошо заставлять порядочную девушку ждать. А ты... ты именно этим и занимаешься».

Кусты, в которых незнакомец теперь прятался, были менее густыми. Она уже могла рассмотреть, что он, скорее всего, является человеком.

Вот незнакомец сделал вперед еще шаг. Для того чтобы оказаться на мостовой, ему оставалось еще два. И тогда Лисандра сможет увидеть, кем же он является, кто еще кроме нее бродит по этому городу ночами в поисках добычи.

Почему-то вампирша была уверена, что этот незнакомец такой же хищник как и она. Но на какую добычу он охотится?

Скрывавшаяся в кустах фигура качнулась вперед, словно намереваясь сделать эти оставшихся два шага. Лисандра почувствовала, как у нее от напряжения сводит лапы, которыми она цеплялась за край крыши.

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

И тут произошло нечто странное.

Вместо того чтобы шагнуть вперед, незнакомец сделал шаг назад. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, словно к чему-то принюхиваясь или прислушиваясь, а потом метнулся прочь, в дальний конец сада.

Проклятие! Что-то его спугнуло.

Вампирша разжала лапы и отчаянно заработала крыльями. Ей нужно было обязательно догнать этого убегающего незнакомца, узнать, кем он является.

Она допустила ошибку.

Вместо того чтобы опуститься на землю и попытаться посостязаться с незнакомцем в беге, она положила на крылья. К тому времени, когда она оказа-

лась над садиком, незнакомца в нем уже не было. Она даже не могла определить, в какую улочку или проходной двор он нырнул.

А стало быть, продолжать погоню не имело смысла.

Лисандра опустилась на землю недалеко от фонтана и, вернувшись в человеческий вид, присела на скамейку. Этакая хрупкого вида брюнетка, тоскующая поздней ночью у старого фонтана. Пышные волосы закрывают заостренные уши, большие, с длинными ресницами глаза, невинное выражение лица. Чем не добыча для подвыпившего собирателя сладких корней хуму?

Она прислушалась.

Откуда-то налетел ветер и зашелестел валявшимися на земле сухими листьями. Там и тут сквозь ветви деревьев просвечивали белые холмы сугробов.

Луна снова выглянула из облаков, и черты лица стоявшего в центре фонтана кентавра стали четче, яснее.

Надо было возвращаться в дом-убежище. Конечно, до рассвета оставалось еще порядочно времени, но охота на эту ночь все равно была закончена. Случись все это месяца два назад, она бы обязательно что-нибудь придумала. Она могла бы, например, попытаться кого-то выманить из дома. Только такие штучки прекрасно удаются в маленьких-маленьких городках. Здесь же, она это знала точно, почти каждый дом был снабжен охранным амулетом, защищавшим его обитателей от всяческого магического воздействия, в том числе и от чар вампиров. Так что...

И все же отправляться в гроб на пустой желудок не хотелось — хоть плачь.

Лисандра встала со скамейки, вышла из садика и направилась в сторону своего дома-убежища.

«Так все же кто был этот незнакомец и почему он убежал? Может быть, он почувствовал, что за ним наблюдают? Вполне возможно, вполне возможно, — думала она. — Стало быть, он обладает чрезвычайно развитым чувством опасности. Примерно таким, ка-

кое бывает у хорошего вампира. Ба, да не вампир ли он?»

Она остановилась и стала задумчиво ковырять брусчатку носком туфельки.

«Вампир? А не ошибаюсь ли я? Вполне возможно — да. Так же, как и вполне возможно — нет. А стало быть, это надо узнать совершенно точно».

Она медленно двинулась дальше.

«Предположим, он вампир. Что дальше? Хорошо это или плохо? Скорее всего — плохо. Этот городок слишком тесен для двух вампиров. Одному из нас придется уйти. И, конечно, это будет он. Уж я постараюсь сделать именно так. Если, конечно, незнакомец является вампиром».

Она вспомнила все те опасности и трудности, которые пережила по пути в этот город, и отрицательно помотала головой.

Нет, больше переездов не будет. Если для того, чтобы остаться, ей придется принять бой, она будет драться, да так драться, что с ее соперника кожа слезет клочьями.

«Стоп, — подумала она. — Ты пока еще ничего не знаешь толком, ты пока еще даже не уверена, что этот незнакомец — вампир, а уже готовишься к драке. Так не годится. Прежде всего нужно удостовериться...»

Лисандра снова остановилась и принялась.

Уж что-что, а этот запах она не могла перепутать ни с каким другим. Этот сладкий, приятный запах.

Она еще раз принялась. В самом деле пахло кровью. Свежей.

Оглядевшись, она увидела, что стоит рядом с полуразрушенной церковью божественного феникса. Судя по толстому слою пепла и почерневшим, полуобвалившимся стенам, церковь эту совсем недавно, не более нескольких месяцев назад, сожгли.

Обычное дело. Время от времени секта поклонников божественного феникса, проводя какой-то очередной ритуал, сжигала свою церковь. После этого,

естественно, они отстраивали ее вновь, но уже на другом месте. До следующего ритуала. Этот ритуал, по каким-то законам их религии, проводился нерегулярно. Случалось, церковь божественного феникса стояла в целости и сохранности более десятка лет, а потом сгорала, и следующие пожары следовали с интервалом в несколько месяцев.

Кровью тянуло из развалин.

Лисандра быстро огляделась.

Уж не ловушка ли это?

Чувство опасности молчало. Видимо, ничего опасного поблизости не было.

И все же... Она решила не рисковать. Сняв туфли и взяв их в руки, вампириша бесшумно пошла к развалинам. Если на нее там кто-то нападет, то она отделает его острыми каблучками так, что он надолго забудет о каких-либо засадах. Конечно, ей никто не мешает пустить в ход клыки и когти, но это только на самый крайний случай.

И еще, если это все же ловушка, то ее подстроили не люди. Они слишком уж глупы для подобной хитрости.

Ноги ее по шиколотку погрузились в пепел, и, продолжая красться к дому, Лисандра поморщилась. Вернувшись домой, она должна будет их вымыть. Не ложиться же спать с грязными ногами!

Вода! Брр-р-р-р...

Она прошла вдоль стены церкви, поравнялась с аркой и снова принялась. Кровью пахло сильнее, гораздо сильнее.

Начиная догадываться, что она найдет в полусгоревшей церкви божественного феникса, Лисандра улыбнулась.

Все-таки трем патрульным дэвам на орехи от начальства достанется. И еще как!

Она перешагнула через кучу головешек, которые остались от сгоревшей двери, и вступила в церковь. Пробираясь между валявшимися на полу обгорелыми стропилами, вампириша прокралась в ее дальний конец.

Так и есть.

Труп был здесь. Она быстро осмотрела его и раздраженно фыркнула. Безусловно, над этим человеком в богатой одежде поработал вампир. Но как поработал!

— Кретин! — пробормотала Лисандра и покачала головой. — Как есть кретин.

Человек был буквально растерзан, чуть ли не разорван на клочки. Горло — вырвано. Левая рука соединялась с телом лишь лоскутком кожи. Одежда порвана в лохмотья. И кровь! Лужа пропавшей совершенно зря крови.

Вот это было совсем уж плохо.

Лисандра прислушалась.

Того, кто это сделал, несомненно, здесь уже не было. Кровь успела свернуться.

Вампириша быстро огляделась. Неподалеку лежала куча обгорелых досок, стоял покрытый копотью алтарь, возле которого тускло поблескивала лужица меди, оставшаяся от расплавившейся скульптуры священного феникса.

Она подошла к алтарю и, взяв обломок доски, стала разгребать покрывавший пол слой пепла. Через несколько минут ее поиски закончились. Она нашла железный люк в подвал. Люк уцелел. Огонь не повредил ему. И это было здорово.

Нашупав вделанное в люк кольцо, Лисандра ухватила его крепче и потянула. Люк оказался тяжелым, но только не для вампирши.

Резкий рывок, и тот с противным скрипом распахнулся.

Довольно улыбнувшись, Лисандра схватила труп за ноги, подтащила его к люку и толкнула вниз, в подвал. Теперь оставалось только закрыть люк, закидать его обгорелыми досками и засыпать пеплом кровь.

С этим она управилась буквально за несколько минут.

После этого Лисандра выбралась из полусгоревшей церкви и постояла возле нее, прислушиваясь и при-

нующаясь. Убедившись, что улица совершенно пустыня, она решила отправиться домой. Но прежде надо было придумать, что делать с туфельками.

Надевать на ноги она их не хотела, чтобы не запачкать. Таким образом, ей оставалось лишь отправиться домой босиком, неся туфли в руках. Вот только ей этого тоже не очень хотелось. Проще всего было превратиться в летучую мышь и попасть в дом-убежище по воздуху.

Но как же быть с туфлями?

Когда вампир превращается в летучую мышь, вся его одежда и обувь растворяется в ее теле. Таким образом, для того, чтобы захватить с собой туфельки и улететь домой, их надо было все же надеть.

Еще можно было их оставить здесь, на улице.

«Ну уж нет, — решила Лисандра. — Дудки! Не хватало еще оставлять в этом месте следы своего пребывания. Кто знает, может быть, труп скоро найдут. И рядом с церковью, в которой он лежит, валяются мои туфельки. Не пойдет».

В конце концов она все же нашла выход.

Превратившись в летучую мышь, Лисандра подхватила туфли лапами и взлетела.

Вот так, знай наших!

Она летела над спящим городом и думала о том, что, похоже, опять вляпалась в очень большие неприятности. Может быть, дело обстоит даже хуже, чем она может сейчас представить.

Итак, все очень просто. Теперь она была почти уверена, что в этом городке появился еще один вампир. Может быть, он даже и не появился, а жил здесь всегда. Просто тот месяц, в течение которого она здесь живет, этот подлец спал.

«Кстати, а с чего я решила, что — он? — подумала Лисандра. — Может быть, это она? Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения».

Итак, их было двое, и надо было как-то решить, кто именно останется в городе, а кто уйдет. Но главное было даже не в этом. Главное было в том, что

этот неведомый конкурент являлся либо сумасшедшим, либо новичком. Что лучше?

Лисандра так задумалась, что едва не налетела на шпиль стоявшей в центре города старинной башни. Едва не выронив туфли, она все же сумела с ним разминуться и, мысленно обрував себя последними словами, полетела дальше.

«Это вполне может быть новичок, — размышляла она. — Только новичок, у которого не было наставника. Он научился прятаться, понял, кем является, но охотиться так, как нужно, не умеет. Некому было научить».

Эту догадку подтверждало то, как именно был убит человек. Так убивать могут только полные неумехи. Стоит кому-нибудь из людей найти этот труп, как в городе поднимется настоящая паника. А тогда — прощай охота. Кроме того, когда людьми овладевает паника, они становятся жутко подозрительными. Они способны на основании малейшего просчета, который в другое время запросто сошел бы тебе с рук, попытаться для пробы проткнуть тебя колом.

Таким образом, если этот труп найдут, ей придется на долгое время затаиться, впасть в спячку.

Хотя некоторое время у нее все же есть. Скорее всего, завтра этого трупа не найдут. Стало быть, у нее впереди по крайней мере еще одна ночь. Завтра она напьется крови до отвала, до тошноты и ляжет в своем гробу не менее чем на месяц. За это время все само собой решится.

Новичок, понятное дело, еще раз выйдет на охоту, и еще раз, и еще... Он не понимает, что делает. Кроме того, поначалу им всем требуется много крови. Итак, начнется паника, и на него откроют настоящую охоту. А стало быть, и убьют. После этого люди успокоятся и город останется в полном ее распоряжении.

Просто и без особых хлопот.

Зачем воевать с идиотом? Гораздо проще не мешать ему свалиться в ту пропасть, к которой он так стремится.

Так бы Лисандра и поступила. Если бы не одна мелочь.

Вампирша могла поклясться, что тот, кого она видела в садике, и являлся этим новичком. Новичком? Что-то слишком уж ловко для новичка он скрылся от нее. Нет, новички такими прыткими не бывают. Будь он новичком, он ни за что бы не почувствовал ее присутствия. Подобное умение приходит лишь с очень большим опытом.

И все же кто он, этот незнакомец?

Сумасшедший вампир? Вряд ли. Те, как правило, встречаются только в очень больших городах и долго не живут. Сумасшедший вампир сюда просто не смог бы добраться. Так кто же это?

«Ничего не поделаешь, — подумала Лисандра, подлетая к дому-убежищу. — Придется следующей ночью устроить охоту. Только не на людей, а на этого незнакомца. Я должна, я обязана знать, кто он такой. Хотя бы из чувства самосохранения».

4

Младший маг сидел возле дерева мира и благоговейно взирал на его нижние ветки. Хорошо понимая, что не обладает достаточным рангом, чтобы смотреть на верхние, он даже и не пытался это сделать.

Ему хватало того, что он видел перед собой.

Нижние ветки дерева были прекрасны. Они вызывали трепет, они приносили наслаждение, они изгоняли из головы все посторонние мысли, оставляя только одно чувство — безграничное обожание.

Еще бы, разве можно испытывать какие-либо чувства кроме обожания к дереву, ствол которого не в силах обхватить и двадцать человек? К дереву, назначения всех плодов которого, он был в этом уверен, не знают даже черные маги. Может быть, только лендлорды...

Да, уж они-то наверняка знают о дереве все. Иначе они бы не были лендлордами.

Младший маг полузакрыв глаза и попробовал удлинить свои нити судьбы. Это ему удалось, и нити, словно намагниченные, медленно поползли к дереву.

Слишком медленно.

Младший маг нахмурился.

Конечно, он мог остановить нити, пока они не коснулись ствола, но не стал это делать. Он решил рискнуть. А вдруг?..

Кто знает, может быть, он уже достиг уровня настоящего черного мага? По крайней мере два его товарища уже прошли испытание дерева и теперь отбыли в города, которые им надлежало контролировать. Чем хуже он?

Нити ползли к дереву, ветвясь, изменяя цвет, где надо, утолщаясь, где надо — удлиняясь. Младший маг был совершенно спокоен. Какая-то часть его сознания управляла нитями, другая — продолжала заниматься созерцанием дерева.

Это было очень трудное упражнение, поскольку стоило ему перестать думать о дереве, и то восприняло бы его нити как нечто враждебное. Стоило же ему хотя бы на секунду забыть о них, как те запросто могли исчезнуть. И тогда упражнение придется начинать с самого начала.

Нити проползли уже больше половины отделявшего их от дерева расстояния. Вот они миновали двух каменных големов, денно и ночью охранявших дерево от тех, кто мог бы на него посягнуть.

Впрочем, такого не было уже многие десятки лет. С тех пор как лендлорды пришли в эту долину и выстроили вокруг дерева огромную стену, возле него не появлялось никого, кроме них самих, черных магов, и тех, кто готовился ими стать.

И все же каменные големы стояли, готовые уничтожить любого, кто попытается подойти к дереву, конечно, если он не лендлорд.

Пучок нитей был уже в нескольких шагах от дерева. Младший маг почувствовал, как по его телу пробежала дрожь. Силы его стремительно уходили, но все же он и не подумал остановить нити. Попытка есть попытка. Она должна быть доведена до конца. Каков бы он ни был.

Младший маг хорошо знал, что отступление с полдороги гораздо хуже поражения. По крайней мере так его учили лендлорды. Их уроки он запомнил очень хорошо.

Наконец нити достигли дерева и прикоснулись к его коре.

Младший маг замер. Сейчас должно было решиться все. Еще полсекунды...

И оно пришло, чувство единения с деревом мира, чувство принадлежности к его коре, корням, листьям. Время замедлило свой бег, словно река, которую медленно, но неудержимо сковывает мороз. Вот она течет все медленнее и медленнее, в ней проявляются первые льдинки, еще немного холода, и она встанет окончательно...

Боль!

Удар был так силен, что младший маг ничком рухнул на плотно утопанную землю, ударился о нее лицом. Падая, он успел заметить, как соединявшие его с деревом нити судьбы извиваются и обугливаются, словно бы их сжигал невидимый огонь. Собственно, так оно и было.

Он сжался, ожидая того момента когда его охватит бегущий по нитям судьбы огонь. Это случилось через несколько секунд.

Из груди младшего мага невольно вырвался стон. Перед глазами у него плясали языки пламени, легкие не получали воздуха из-за наполнившего их жара, сердце едва не остановилось. Младшему магу показалось, что кровь в жилах вспыхнула, словно нефть.

Это длилось не больше мгновения и сейчас же кончилось, но и мгновения младшему магу хватило на то, чтобы запомнить терзавшую его боль на всю жизнь.

Боль уже прошла, а он, все еще не в силах повернуть в то, что она больше не вернется, пополз прочь от дерева. Валявшаяся на земле острая сухая щепка глубоко вонзилась ему в руку. Младший маг этого даже не заметил. Что значила подобная боль по сравнению с той, которую он только что испытал?

Он остановился, лишь достигнув ворот в ограждавшей дерево стене, да и то лишь благодаря тому, что потерял сознание...

Очнулся он довольно быстро. Все-таки он уже был почти черным магом, а стало быть, способен выдерживать гораздо больше, чем обыкновенный человек.

Обнаружив вонзившуюся в руку щепку, он, не медля ни секунды, ее выдернул. Хлынула кровь. Впрочем, текла она совсем недолго. Сосредоточившись, младший маг остановил ее и приступил к заживлению раны. На то, чтобы от раны остался лишь маленький шрам, ушло совсем немного времени.

Бросив взгляд на солнце, младший маг убедился, что некоторое время у него еще есть. Его как раз хватит на то, чтобы добежать до дворца первого лендлорда и приступить к своим обязанностям.

Вскочив, он припустил бегом.

Дворец первого лендлорда находился не так уж и далеко от окружавшей дерево мира стены. Младший маг успел вовремя. Когда он пробежал между украшавшими вход в дворец стройными ребристыми колоннами, у него в запасе оставалось еще около двух минут.

Он использовал их для того, чтобы накинуть на себя рабочую одежду и поспешно схватить с полки ритуальную метелку.

Система была очень простой. Младшие маги, до того как сдавали экзамен и становились настоящими профессионалами, все свободное от занятий время должны были заниматься услужением лендлордам. Их можно было бы заменить обыкновенными людьми, но обыкновенным людям лендлорды не доверяли. И правильно делали. Стоило хоть одному из них сбе-

жать, и о создателях черных магов вполне могли поползти слухи. Ленлорды хорошо знали, что еще никому и никогда слухи пресечь не удалось.

А пищи для слухов было вполне достаточно. Начиная от вида лендлордов и того, как они питаются, и заканчивая некоторыми разговорами, которые слуги-люди могли случайно подслушать.

Младшие маги — другое дело. Тем, кто готовился со временем стать черными магами, бежать было вовсе ни к чему, а тем более болтать. Кроме того, многие вещи, которые обыкновенного человека повергли бы в шок, воспринимались ими совершенно спокойно в силу того, чему они учились.

Была еще одна причина, по которой лендлорды использовали младших магов на положении слуг. Выполняя черновую работу, те видели, как именно должны вести себя истинные господа, настоящие хозяева жизнью множества людей. Поскольку, становясь черными магами, они превращались в господ, то поневоле брали пример с лендлордов в том, как следует вести себя с простыми людьми, как именно их следует презирать, унижать и использовать. Это служило дополнительной гарантией того, что новоиспеченные черные маги даже и не подумают считать обычных людей своей ровней, а стало быть, им даже в голову не придет попытаться защитить этих простых людей, то есть восстать против лендлордов.

Итак, младший маг схватил ритуальную метелку и опрометью бросился в центральный зал дворца, который, в основном, использовался как гостиная. Перед дверью в зал младший маг перешел на плавный, почти неслышный шаг. Ритуальную метелку он держал в руках почти благоговейно, словно драгоценную реликвию.

И все же он на несколько секунд опоздал.

Лендлорды не нуждались в часах. Они всегда знали время с точностью до секунды.

Стоило младшему магу войти в зал, как сейчас же в голову ему полетел деревянный кубик с несколь-

ко скругленными гранями, который каждый лендлорд имел под рукой для того, чтобы наказывать нерадивых слуг.

Конечно, младшему магу ничего не стоило увернуться от летящего в него предмета, но он и не подумал это делать. Собственная жизнь ему была пока еще дорога.

Кубик попал точнехонько в лоб. У младшего мага из глаз брызнули искры. На секунду зал словно бы поплыл у него перед глазами, предметы утратили четкость очертаний.

Несколько очнувшись от удара кубиком, младший маг отвесил наказавшему его лендлорду почтительный поклон и все той же мягкой, неслышной походкой направился в центр зала, к стоявшей в нем скульптуре магического черного пятна, пожиравшего души нескольких людей. Магическое пятно олицетворял собой гигантский спрут, души людей изображали крохотные человеческие фигурки, безуспешно пытавшиеся вырваться из длинных цепких щупалец.

Смахивая ритуальной метелкой со скульптуры пыль, младший маг быстро огляделся. Лендлордов в зале было два. Один висел над полом, опираясь только на нити судьбы. Любому из тех, кто их не мог видеть, запросто могло показаться, что он висит в воздухе без всякой опоры. Второй лендлорд возлежал на пятиугольном кресле, очень удобном для его тела.

Они переговаривались, как всегда, неторопливо, с большими паузами, и производили впечатление очень медлительных созданий. Для того, кто их мало знает. Младший маг, например, прекрасно знал, насколько быстро, если это требуется, лендлорды могут сражаться и принимать решения.

Итак, то и дело делая паузы между фразами, лендлорды переговаривались:

— И все же, уважаемый первый лендлорд, прежде чем со мной согласиться, вы сделали слишком большую паузу. Позвольте истолковать ее как нежелание обидеть меня выслушиванием ваших возражений.

Первый лендлорд издал звук, более похожий на стон смертельно раненной лошади. Младший маг знал, что этот звук, если проводить аналогии с людьми, соответствует задумчивому вздоху.

Его собеседник сделал хватательными лапками знак, означающий, что он готов ждать бесконечно долгое время.

— Да, — наконец сказал первый лендлорд. — У меня возникли возражения, но они пока не вошли в завершенную форму. Мне не хотелось бы оскорблять ваш слух приведением несовершенных доводов.

— Иногда неоконченное творение может быть более оригинально, чем после того, как его доведут до совершенства...

— И все же я уверен, более того, я готов отстаивать это мнение в споре любой сложности, что не до конца продуманные доводы несут в себе больше негативного, чем позитивного. Они значительно снижают уровень спора и тем самым влияют на его результат, ставя под сомнение конечную непогрешимость.

— И вы пытаетесь мне доказать, что конечный результат любого спора, пусть даже и проведенного на самом высоком уровне, может быть полностью, то есть конечно, непогрешим?

Собеседник первого лендлорда потратил несколько секунд на размышления, потом осторожно сказал:

— Абсолютная непогрешимость, конечно же, недостижима, но достаточная, имеющая своей целью достижение некоей стандартной истины, не является такой уж большой диковинкой.

— Ах, так. Значит, вы пытаетесь утверждать...

Младший маг усиленно работал ритуальной метелкой.

«Вот когда я стану настоящим черным магом, — думал он, — ни за что не буду вести подобные разговоры. Я построю себе огромный дом, в котором будет все, что моей душе угодно, и стану жить в свое полное удовольствие».

В этот момент ему в голову врезался еще один деревянный кубик. Поскольку это произошло неожиданно, младший маг едва не уронил метелку. Она уже было выскользнула из его рук, но тут судорожным движением он ее все же поймал.

Бросив взгляд в сторону лендлордов, младший маг увидел, что они, как ни в чем не бывало, продолжают разговор. Правда, возле первого лендлорда лежало еще несколько кубиков и над ними, словно раздумывая, висела нить молочного цвета. Вот она изогнулась и приняла позу, которую принимает рассерженная змея.

Младшего мага охватило чувство раскаяния.

Не стоило думать о таких вещах в присутствии лендлордов. Уж они-то подобные мысли по нитям судьбы слуг угадывали запросто. И как следствие — наказание.

Продолжая испытывать чувство раскаяния, младший маг с удвоенной энергией принялся обмахивать священную скульптуру. В голове у него слегка гудело. Но он был почти рад, поскольку понимал, что все могло закончиться и гораздо хуже.

«Это просто здорово, — размышлял он, — что я думал о собственном доме и той жизни, которую буду вести после того, как стану черным магом, совсем недолго. Иначе наказание могло бы быть более суровым».

Конечно, лендлорды ничего не имели против того, чтобы черные маги жили в роскоши. Напротив, это даже поощрялось. Просто для младших магов существовал запрет думать в их присутствии на некоторые темы. Каждый, кто пробовал не думать на определенные темы, знает, что сейчас же возникает непреодолимое желание думать только о запрещенном. Таким образом, этот запрет служил еще одним упражнением, которое должны были усвоить будущие черные маги.

«А я его еще недостаточно усвоил, — покаянно подумал младший маг. — И вот наказание. Интересно, эти кубики... Заведу ли я их себе, когда...»

Он вовремя оборвал эту мысль и бросил испуганный взгляд в сторону лендлордов. Молочного цвета нить уже сжимала один из кубиков и угрожающе покачивала им из стороны в сторону.

— И все-таки, таким образом, мы невольно опять приходим к определению идеального спора, в результате которого где-то на горизонте, словно мираж в жаркий день, начинает маячить определение идеального результата, — сказал первый лендлорд.

— Но это только в теории, — опять после секундного раздумья возразил его гость. — Если бы кто-то и в самом деле возжелал вести идеальный спор, совершенно понятно, что его попытка была бы обречена на неудачу.

— Почему же, — возразил первый лендлорд. — В истории зафиксировано несколько случаев, когда двум спорщикам удалось вести то, что называют идеальным спором.

— Но как долго они его вели? Самый лучший результат не превышал, насколько я помню, пятнадцати реплик.

— И все же я позволю себе привести некий пример, очень несовершенный, но тем не менее порождающий ассоциации, способные служить неким доказательством истинности высказанных мной суждений.

— Я весь внимание.

— Если некий золотоискатель, не важно, кто именно, и не важно, в какой местности, после долгого и упорного труда добудет всего лишь пятнадцать крохотных кусочков золота, это еще не означает, что спустя некоторое время он не может наткнуться на огромный самородок.

Собеседник первого лендлорда задумался секунд на двадцать.

Младший маг закончил обмахивать скульптуру и перебрался к двум отгораживающим один из углов ширмам, на которых шелком были вышиты сказочные звери, всякие там верблюды, страусы и очень крупная, воспроизведенная с большим искусством корова.

Обмахивая ширмы, младший маг зашел за них и слегка расслабился. Он хорошо знал, что его нитей из-за этих ширм лендлордам не видно, но все же сильно мечтать не решился. Рано или поздно ему придется выйти. Он боялся, что лендлорды заметят в его нитях следы тех непотребств, которым он предавался, скрывшись от их глаз.

Тут он кубиком уже не отделается. Тут можно и схлопотать на полную катушку.

Как-то младший маг видел, как один из его товарищей получил по полной норме, и это зрелище запомнилось ему на всю жизнь. Уж лучше десять раз на дню получать по голове деревянным кубиком, чем такое!

Продолжая орудовать ритуальной метлой, он заглянул в щель между ширмами. Лендлорды продолжали беседовать. Нить молочного цвета лежала на полу без малейшего движения, словно впавший в спячку червяк.

«А вот когда я стану наконец-то черным магом, — быстро-быстро, испытывая наслаждение от возможности мечтать на запрещенную тему, думал младший маг, — я устрою себе дом, в котором обязательно будет бассейн, и в этом бассейне будут плавать золотые рыбки. Нет, я сделаю так, чтобы в нем плавала парочка карликовых ихтиозавров. Я буду их кормить только отборным мясом, а также теми врагами, которые станут мне сильно досаждать. И бассейн этот будет обязательно золотым... с вделанными в бортики рубинами... через каждые полметра... нет, рубины будут вделаны через каждые десять сантиметров... пять, да через пять... очень крупные рубины, размером с мой кулак...»

Он испуганно посмотрел на свои нити судьбы. Те, что отвечали за мысли, были очень опасного цвета и уже почти достигли определенной длины, после которой образуется оттенок, который не исчезнет довольно долго.

Испугавшись, младший маг заглянул в щель между ширмами. Молочного цвета нить зашевелилась, словно бы заподозрив какой-то непорядок, требующий ее вмешательства.

Чувствуя, как по спине у него заструился холодный пот, младший маг попытался думать о дереве мира. Это ему удалось почти сразу же, и он даже почувствовал некоторую гордость.

«Все-таки быть, быть мне черным магом!» — подумал он.

Дальнейшие его мысли были о дереве мира, и только о нем.

Младший маг уже заканчивал обметать ширмы и даже рискнул вновь показаться в зале, как вдруг послышался короткий гудок. Прервав разговор, первый лендлорд слабо махнул рукой.

Тотчас же одна из его нитей судьбы подала ему лежавшую на хрустальном столике прямоугольную коробочку.

Младший маг затаил дыхание.

Несомненно, лендлорды обладали волшебством, недоступным пониманию их слуг. И все же младшего мага не покидала надежда однажды разобраться, как оно действует. Коробочка как раз к подобному волшебству и принадлежала.

Лендлорд произвел какое-то трудноуловимое действие, и из коробочки послышался голос:

— Докладываю.

Лендлорд преобразился. От его вальяжности и неги не осталось и следа. Теперь движения его были резкими и уверенными.

— Слушаю, — сказал он в коробочку.

— Мы проследили весь путь серого мага и пришли к выводу, что он не выполнил возложенной на него миссии.

— Как это получилось?

— Он проделал долгий путь, который закончился в небольшом городке, где обитал тот человек, который убил черного мага.

— Почему серый маг его не наказал?

— Неизвестно. Нити его судьбы оборвались в нескольких десятках метров от дома предполагаемого убийцы. Но труп не обнаружен. Судя по всему, серый маг изменил свою сущность, а стало быть, и изменились его нити. Поскольку больше месяца сохраняются лишь следы серых магов, дальнейшую его судьбу мы выяснить не смогли. Нам не удалось узнать, в какой он сущности находится теперь и даже, жив ли он на данный момент.

Лендлорд издал звук, похожий на тихий, очень музыкальный свист. Услышав его, младший маг побледнел. Этот звук говорил о том, что первый лендлорд рассержен. Очень.

Первому лендлорду понадобилось лишь несколько секунд, чтобы обдумать следующий вопрос.

— Коробочка дальности?

— Не найдена.

— Тоже изменила сущность?

— Нет. — В голосе слышалось смущение. — Видимо, изменивший сущность серый маг унес ее с собой.

— Найдите ее по эху.

— Пробовали, не получается. Видимо, он ее не включает.

— Не теряйте надежды. Может быть, он ее все же включит. Пусть ненадолго.

— Мы так и сделаем.

— Предупредите всех черных магов в этой местности, что если они почувствуют своей сетью нити судьбы переродившегося серого мага или убийцы, то немедленно... ну, сами понимаете.

— Понимаем.

— Все?

— Да, это все. Мы вам нижайше служим.

— Могли бы и лучше, — рявкнул первый лендлорд.

Нить судьбы вернула волшебную коробочку на место.

Младший маг сунул ритуальную метелку под мышку и бочком-бочком стал выбираться из зала. Когда первый лендлорд в такой ярости, лучше находиться от зала подальше.

Конечно, он получит за это бегство кубиком по затылку. А может, и не получит. Сейчас первому лендлорду не до него. В любом случае получить кубиком гораздо лучше, чем попасться господину на глаза, когда он вышел из себя.

Последнее, что он услышал, выскальзывая из зала, были слова первого лендлорда:

— Похоже, с серыми магами мы допустили ошибку. Больше никаких серых магов. Понятно?

И голос другого лендлорда:

— А жаль. Проект был интересный. Многообещающий.

— Вот и прообещал...

Осторожно прикрыв дверь, младший маг опрометью бросился в отведенное для слуг помещение. Он торопился, как торопится в нору почувствовавшая запах лисицы полевая мышь.

Впрочем, вид у него был не такой чтобы уж и испуганный. В глазах читалось некое торжество. Он предвкушал, как в часы отдыха поделится с другими младшими магами услышанными сейчас новостями.

И обогатится. Эти новости им обойдутся дорого, очень дорого, поскольку они очень ценные.

Например, новость о том, что у черных магов, оказывается, есть враги. Кто-то, кто их убивает, кто-то, кого не могут поймать. И еще о судьбе серых магов. О том, что лендлорды занимаются их выведением, младшие маги, конечно же, знали. Это их очень тревожило. Младшие маги хорошо понимали, что те могут прийти им на смену, и совсем этого не хотели. Сегодня он их успокоит. Серые маги им теперь не страшны.

«А может быть, — подумал младший маг, забегая в помещение для отдыха, — ничего моим товарищам говорить и не стоит?»

Эта мысль ему понравилась.

Он вспомнил, что у него есть один знакомый, ставший черным магом всего месяц назад. Прежде чем отправиться в город, который был поручен его попечению, этот черный маг предупредил его, что за любые новости из долины магов заплатит, и очень хорошо.

«С него можно сорвать приличный куш, — подумал младший маг. — Гораздо больше, чем со своих товарищей. Вот только надо придумать, как передать эти сведения. Это будет трудно, очень трудно, но все же овчинка выделки стоит».

Решив так, он задумался над новой проблемой. Надо было сделать так, чтобы другие младшие маги не догадались по его нитям судьбы, что у него есть какие-то важные новости.

Эта задача была посложнее, но младший маг не сомневался, что сумеет что-нибудь придумать.

5

— А что мы будем делать сейчас? — спросил Христиан.

Хантер отодвинул в сторону пустую кружку и задумчиво почесал подбородок.

— Драться, что же еще?

— Прямо сейчас?

— Ну конечно. Как только выйдем за дверь, так сразу все и начнется.

— Чем драться-то?

— Вот это, конечно, вопрос... — ответил Хантер. — Видимо, поначалу придется драться просто кулаками. Потом, я думаю, мы чем-нибудь разживемся у нападающих.

Христиан иронически хмыкнул:

— Ну, ты и авантюрист.

— А как же иначе? — спросил Хантер. — Каждый охотник немного авантюрист. А иначе я стал был кем-нибудь другим, например, погонщиком динозав-

ров. Кроме того, уверен, что поначалу фанатики нас недооценят. Они пошлют против нас двух-трех убийц, не больше. С ними мы справимся и так. Все-таки они не профессионалы.

— Ладно. — Христиан сделал последний глоток из кружки и поставил ее на стол. — Будем надеяться, нам повезет.

Тотчас же к их столу подошел хозяин гостиницы.
— Пора расплачиваться.

Хантер бросил на него рассеянный взгляд.

Хозяин гостиницы, как и положено, имел большой живот, красное лицо и глаза человека, который видел все и вся, которого ничем нельзя удивить. И все же что-то в его лице наводило на мысль, что он не принадлежит к людям с совсем уж черствым сердцем.

Хантер расплатился.

— Вот что, — вполголоса сказал хозяин гостиницы. — Я могу спрятать мальчишку. Засуну в погреб, и никто его там не найдет. Потом, несколько дней спустя, я его выпущу. А тем, кто придет его убить, скажу, что он выскользнул через черный ход. Только тебе придется тогда выйти через главный и подороже продать свою жизнь. Чем дольше ты продержишься, тем больше шансов, что мальчишка спасется. Идет?

Охотник окинул взглядом зал. Он был пуст. Последний постоялец гостиницы покинул свою комнату полчаса назад и даже не стал завтракать.

— Как? — спросил он у Христиана. — Может, и в самом деле тебе спрятаться?

— Ни за что, — ответил мальчик. — Мы выйдем отсюда вместе.

— Вот видишь. — Хантер развел руками.

— Не дури, — сказал хозяин гостиницы. — Мальчишка, конечно, как все мальчишки, глуп. Но ты-то не дурак. Оставь его у меня. Неужели ты хочешь, чтобы его убили вместе с тобой?

— Нет, — ответил Хантер.

— Значит, ты его здесь оставляешь?

— Тоже нет. Мы уйдем вместе.

Хозяин всплеснул руками.

— Да как ты не понимаешь, что вам вдвоем не уйти из этого города? Вас просто-напросто убьют, едва вы сделаете несколько шагов от дверей моего заведения.

— Кишка тонка, — ухмыльнулся Христиан. — Нас убить не так-то и просто.

— Мальчик прав, — сказал охотник и посмотрел хозяину гостиницы в глаза. — Нас не так-то просто убить. И мы попробуем прорваться.

Видимо, хозяин гостиницы что-то прочитал в его глазах, потому что поежился.

— Ну, как знаете, — проворчал он и, вернувшись за стойку, навалился на ее край брюхом.

Лицо у него было безучастное, лицо человека, выполнившего свой долг до конца и теперь ожидающего, чем вся эта история закончится.

— Пошли.

Хантер встал из-за стола.

Христиан вскочил проворно и даже улыбнулся, словно бы им предстоял не смертный бой, а воскресная прогулка. Когда они шли к выходу из гостиницы, Хантер ему вполголоса сказал:

— Ты только в драку не суйся. Главное, что тебе надлежит делать, это вовремя предупредить меня о нападающих. Я вполне могу кого-нибудь и не заметить. Следи внимательно за нитями судьбы. Они наших врагов покажут точно.

— Понял, — коротко ответил Христиан.

Хантер бросил на него одобрителный взгляд.

Конечно, они шли с мальчиком по дороге уже несколько недель, но впервые оказались в такой опасной ситуации. Охотник понимал, что это будет для его ученика очень серьезным испытанием. Конечно, он мог спрятать мальчика у хозяина гостиницы, и тогда лично ему вырваться из города будет легче. А что потом? Не бросать же его здесь, в этом городе?

С другой стороны, Христиан должен был стать настоящим охотником. А стало быть, предстоящая

схватка будет для него не только испытанием, но и кое-чему его научит. Жизнь охотника полна опасностей, и мальчик должен был к этому привыкнуть.

Была еще одна причина. Откуда-то Хантер знал, что Христиан не подведет. Это подсказывала ему интуиция, а интуиции он, как каждый охотник, доверял. Не доверяй он своей интуиции, его уже давным-давно не было бы в живых.

Итак, они подошли к двери гостиницы и, не стовариваясь, остановились, для того чтобы приготовить к тому, что им предстояло. Им хватило секунды.

Охотник распахнул дверь и первым вышел на улицу. Мальчик следовал за ним. Лицо у Христиана было настороженное, руки слегка согнуты, словно он готовился тотчас же броситься в драку.

А снаружи был самый обыкновенный день. И самая обыкновенная улица. Дома тоже ничем особенным не отличались. Они были обычные, из кирпича и камня, с черепичными крышами и высокими каминными трубами, они полыхали отраженным в их окнах солнцем.

И еще были люди. Так, несколько человек, занятых своими каждодневными делами. Два торговца зеленью, девица в слишком коротком платье, небрежно прислонившаяся к стене одного из домов, точильщик ножей, чернобородый дядька угрюмого вида, ожесточенно доводивший до бритвенной остроты на своем точильном круге большой кухонный нож.

Все. Путь был свободен.

Если бы не линии...

Хантер прищурился.

— Идем налево, — шепнул он Христиану. — Держись чуть в стороне от меня, но не слишком далеко.

Мальчик едва заметно кивнул.

Они двинулись вдоль по улице, в сторону от торговцев зеленью, по направлению к точильщику и девице. На них, казалось, никто не обращал внимания.

Хантер увидел, как в окне одного из ближайших домов на секунду возникло чье-то лицо. Его облада-

тель бросил на двух путников испуганный взгляд и тотчас же отодвинулся от окна, скрылся из вида.

Охотник улыбнулся.

Эта улица ему чем-то напоминала театральную сцену, на которой стоят актеры и только ждут первой реплики, чтобы начать представление.

Он не ошибся.

Когда до точильщика ножей осталось всего несколько шагов, девица сунула два пальца в рот и пронзительно свистнула.

И началось...

Точильщик шагнул им навстречу. Его нож выплывал в воздухе замысловатые фигуры, словно птичка, перелетая из одной руки в другую. Чувствовалось, что им размахивает человек, для которого это делать не впервой. Сзади слышался топот зеленщиков. Хантер ничуть не сомневался, что они бегут к нему отнюдь не с голыми руками. Наверняка в их корзинках тоже были спрятаны ножи.

Впрочем, сейчас было не до них.

— В сторону! — скомандовал он Христиану.

Тот послушно отступил на шаг.

Точильщик подходил. Его рука с ножом не останавливалась ни на мгновение. Длинное острое, как бритва, лезвие плясало в десятке сантиметров от Хантера, выискивая место на его теле, в которое было бы удобно воткнуться.

Топот зеленщиков слышался уже совсем рядом.

В другой ситуации Хантер должен был бы дождаться того момента, когда точильщик допустит ошибку, позволив перехватить его руку с ножом. Сейчас у охотника на это не было времени. Ничего не оставалось, как рисковать.

Сделав обманное движение, Хантер упал на мостовую, одновременно делая подсечку. Прием получился. Точильщик рухнул на спину, едва не выронив нож, которым только что так ловко манипулировал.

Снова оказавшись на ногах, Хантер присел и, крутанувшись на пятке, сделал подсечку первому из на-

бегавших зеленщиков. Тот упал, как сбитая шаром кегля. Спешивший за ним по пятам другой зеленщик споткнулся о тело своего товарища и упал на живот. Голова его с громким стуком ударилась о мостовую. При этом из его руки выпала самая настоящая, стариннойковки дага.

Развернувшись, охотник резко выпрямился и ударил точильщика ногой в лицо. Удар был жестокий. Хантер явственно услышал, как хрустнула сломанная челюсть.

— За мной! — крикнул он Христиану и, подхватив с земли нож точильщика, со всех ног бросился прочь.

Задержавшись всего на секунду, мальчик бросился вслед за охотником.

Увидев бегущих на нее Хантера и Христиана, подавшая сигнал к нападению девица благоразумно юркнула за угол дома, возле стены которого до этого стояла. Лицо у нее было удивленное.

Еще бы, те, кого ее люди намеревались резать, как баранов, оказались не такими уж пентюхами.

— Может, поговорим с ней? — предложил на бегу Христиан.

— Не стоит тратить время, — ответил охотник. — Мы должны убежать как можно дальше, пока они не очнулись. Хотя, я вот думаю, они вполне могли предположить, что мы уйдем от первой засады, и приготовить еще одну. Или две. Кстати, ты почему не сразу побежал за мной?

Вместо ответа мальчик показал ему дагу.

Хантер бросил на Христиана одобрителный взгляд. Похоже, охотник из мальчишки и в самом деле получится стоящий. Если, конечно, в ближайшие несколько часов их не убьют.

Хуже всего было то, что город, в котором они оказались, был расположен несколько необычно. Собственно говоря, он имел всего лишь одну длинную-длинную улицу, вдоль которой и стояли дома. Произошло это из-за того, что с двух сторон к городу

почти вплотную подступали болота. Собственно говоря, он представлял из себя застроенный домами перешеек между двумя топями.

Хуже местоположение города выбрать было невозможно. Однако, очевидно, те, кто его основал, имели свои достаточно веские причины.

Именно поэтому Хантер и Христиан бежали со всех ног. Они знали, что фанатики ночи странных воспоминаний остались позади и никоим образом не смогут их обогнать, воспользовавшись другой дорогой.

Если, конечно, впереди нет еще одной, заблаговременно подготовленной засады.

Они бежали.

Вдруг Хантер сказал:

— Стоп, давай-ка сбавим темп.

Он остановился.

— Это еще почему? — спросил Христиан. — Мы пробежали меньше половины города. Чем быстрее мы...

— Вот тут ты неправ. Не во всяком деле стоит торопиться. Тем более если тебя впереди ждет засада, наверняка посерьезнее, чем та, на которую мы напоролись возле гостиницы.

— Откуда ты знаешь?

— Я заметил, как в окне вон того дома на мгновение появился какой-то человек, посмотрел в сторону гостиницы, а потом вытащил зеркало и посигналил им кому-то впереди. Туда, куда мы направляемся.

— Ты думаешь, нас там ждут?

— Еще бы. И наверняка не для того, чтобы вручить по букету цветов.

— Ничего. — Христиан взмахнул дагой. — Мы им покажем.

— Если только их не больше пяти-шести и среди них нет кого-нибудь, вооруженного посерьезнее, чем просто холодным оружием.

— Все равно пробьемся, — заявил мальчик.

— Кто знает, — промолвил охотник. — Иногда, когда противник очень силен, бывает лучше и отсту-

пить. Вот только сейчас этого бы мне не хотелось. Болота большие. Обходить их очень долго. Если мы сейчас отступим, то через некоторое время нам все же волей-неволей придется попытаться еще раз пробраться через этот город. А вторая попытка...

Он замолчал и взял нож поудобнее. Улица перед ними казалась вымершей. И все же что-то подсказывало Хантеру — надо быть поосторожнее.

— Приготовься, — сказал он Христиану.

Тот взял поудобнее дагу, так что ее клинок оказался параллельным земле. Теперь для того, чтобы воткнуть ее в чей-то живот, нужно было сделать лишь короткий замах.

Двинувшись вперед, Хантер подумал, что беспокоится о мальчишке зря. Годы, проведенные им на дороге, не прошли даром. Христиан явно мог постоять за себя. По крайней мере Хантер мог дать голову на отсечение, что драться ножом мальчику уже приходилось.

То и дело оглядываясь, они осторожно шли по улице. Улица позади них была так же пустынна. Те, кого они отделали возле гостиницы, видимо, догонять их не собирались.

— Но должны же быть здесь дэвы, — сказал Христиан. — Они есть в каждом городе.

— Конечно, должны, — ответил охотник. — Только наверняка еще вчера их выманили из города. Будь уверен, на помощь они нам не придут. Либо их здесь нет, либо...

— Либо?

— Понимаешь, малыш, им ведь в этом городе жить... Вполне возможно, что с ними поговорили, как надо, и они решили в это дело не вмешиваться. Тяжело поддерживать порядок в городе, когда против тебя добрая половина его населения.

— А если вся эта история подстроена черными магами?

— Сомневаюсь. Если в городе есть черный маг, он обязательно должен раскинуть паутину из нитей

судьбы. Ничего похожего я пока не заметил. Да и ты тоже. Верно?

— Верно.

Дальше они шли молча. Предчувствие близкой опасности к болтовне не располагает. Конечно, есть люди, которые в подобной ситуации, наоборот, начинают болтать как заведенные. Однако Хантер и Христиан были не из таких.

Улица слегка расширилась, образовав небольшую, сильно вытянутую площадь. Окинув ее взглядом, Хантер увидел полуразрушенный храм болотного царя, построенный из нетесаного камня. Возле входа стояли две каменные лягушки, чуть ли не до самых морд заросшие мхом, лежали связки сухого камыша — приношение каких-нибудь старушек, все еще не забывших о владыке болот.

«Так вот почему этот город построен именно здесь, — подумал охотник. — Из-за храма».

Он пошел дальше, намереваясь пересечь площадь. Христиан следовал за ним по пятам.

Площадь, так же как и улица, была пустынна. И все же у охотника было ощущение, что за ними наблюдают. Он поймал себя на том, что мысленно наметил некую черту немного подальше середины площади, за которой на них должны напасть. Просто обязаны.

«Сейчас, — думал он. — Еще три шага, и...»

Он прошел четыре. Никто на них нападать и не думал. Страшно удивившись, поскольку интуиция в таких случаях, как правило, его не подводила, Хантер сделал пятый шаг.

В этот момент из нескольких ближайших домов выскочили человек десять и перегородили им дорогу. Охотник заметил, что нападавшие вооружены не только ножами. По крайней мере трое из них сжимали в руках остроги на длинных ручках, которыми наверняка в другое время били на болоте водившуюся в нем живность.

Хантеру это очень не понравилось. Острога — оружие серьезное и очень жестокое. Оглянувшись, он

увидел, что другой конец площади теперь перегораживает еще одна группа фанатиков, численностью ничуть не меньше, чем первая.

В полном молчании обе группы стали сближаться.

Хорошо понимая, что прорваться не удастся, Хантер быстро оглядел площадь. Не было сомнения, что нет никакого резона стучать в двери выходявших на нее домов. Им не откроют. Единственным местом, в котором можно было скрыться, оказался храм болотного царя.

— Бежим! — крикнул охотник и, схватив Христиана за руку, потащил его к храму.

Фанатики было бросились им наперерез, но, увидев, что преследуемые добегут до храма раньше, сразу же перешли на шаг. Прежде чем нырнуть в дверь храма, охотник обернулся и увидел, как две группы преследователей в полном молчании объединились и двинулись по направлению к нему.

«Ну да, — подумал он. — Им кажется, что они нас поймали. Это еще как сказать...»

С одной стороны, они и в самом деле оказались в ловушке. С другой, поскольку, согласно обычаю, в храме болотного царя не было окон, а дверь была в ширину не более двух шагов, двое преследуемых, перегородив ее, могли попробовать отбиться от своих преследователей.

Вот только надо было позаботиться о баррикаде.

Хантер вбежал в храм и быстро огляделся.

Внутри храма по сторонам от входа стояли две огромные, искусно вырезанные из мрамора болотные гадюки. Это устраивало охотника как нельзя лучше.

— Давай помогай! — крикнул он Христиану и толкнул одну из гадюк всем телом, норовя ее повалить.

Христиан тотчас же пристроился рядом. На счастье, скульптура изображала змею в тот момент, когда она встала на хвост. Толчок вывел скульптуру из равновесия, и она тяжело рухнула на покрытый моза-

ичными плитками пол храма. Во все стороны полетела мозаичная крошка.

Хантеру было не до этого. Они с Христианом уже бросились к другой скульптуре. Еще один отчаянный толчок, и вторая гадюка повалилась на первую, почти полностью перегородив вход в храм.

Снаружи слышались яростные крики.

— Злитесь, злитесь! — ухмыльнулся Хантер. — Думали, так легко взять двух охотников, пусть даже один из них пока еще учится?!

— Что, выкусили?! — азартно закричал Христиан. Лицо у него было почти счастливое.

Скульптуры перегородили вход в храм так, что нападающим, для того чтобы добраться до Хантера и Христиана, пришлось бы перелезть через них по одному. Естественно, никто из фанатиков, хорошо понимая, что в этот момент неминуемо будет зарезан, на подобное не решился. Однако и бездействовать они не собирались.

Хантер заглянул в просвет между скульптурами и дверью в храм. Он едва успел отскочить в сторону. Нацеленная ему в лицо острога просвистела мимо.

— Ого, а им палец в рот не клади, — проговорил он.

Христиан проворно подхватил с земли острогу и ткнул ее острым концом в одного из фанатиков, намеревавшегося все-таки перелезть через скульптуры. Конец остроги угодил тому в бедро. Взвизгнув, фанатик юркнул обратно в дверь.

— Вот так-то, — промолвил Христиан. — Думали, нас очень легко взять...

— Правильно, — сказал Хантер. — Нет, через дверь они нас не возьмут. Вот дальше-то что?..

— А если они, для того чтобы попасть внутрь храма, попытаются проломить его стену? — спросил мальчик.

— Нет, — покачал головой охотник. — Все-таки это храм. Не станут.

— Тогда мы в надежном убежище.

— Так-то оно так. Но мы должны еще придумать, как отсюда выбраться. Собственно говоря, они заперли нас в ловушке. Они могут и не штурмовать. Им достаточно подождать несколько дней, пока мы не ослабеем от голода и жажды, а потом взять нас голыми руками. Понимаешь?

— Еще бы, — шмыгнул носом мальчик. — Значит, нужно что-то придумать.

— Будем придумывать, — мрачно сказал охотник. — Какую-нибудь хитрость.

Он еще раз выглянул за дверь. Фанатики, видимо, тоже сообразив, что добыча попала в ловушку, отошли от храма на несколько шагов и сели в ряд, не выпуская оружия из рук. Один из них затянул какую-то заунывную мелодию. Остальные слушали ее и покачивали в такт головами.

Больше всего они сейчас походили на стаю волков, загнавшую на дерево добычу и теперь ожидающую, пока она, ослабев от голода, сама свалится вниз.

«И тут они правы, — подумал Хантер. — Положение у нас и в самом деле незавидное. Конечно, нам удалось отсрочить угрозу смерти на некоторое время, но все равно пока полностью от нее мы не избавились».

Правда, в их положении было и некоторое преимущество. Те, кто их осадил, явно пока не собирались ничего предпринимать. Они были уверены, что уже **выиграли**, а их жертвы безоговорочно попались. Таким образом, у двух охотников было время на то, чтобы придумать какую-нибудь хитрость.

«А для этого надо сначала хорошенько осмотреть храм, — размышлял Хантер. — Может быть, я найду что-нибудь, способное нам помочь. Вот только как же быть со входом?»

В самом деле, если он отправится в глубь храма, фанатики могут воспользоваться этим и попытаться прорваться внутрь.

И все же ничего не оставалось, как рискнуть.

Наклонившись, Хантер шепотом сказал Христиану:

— Вот что, я, пожалуй, пойду погляжу, что тут есть внутри. Может быть, мне даже удастся придумать, как отсюда выбраться. Следи за дверью. Если убийцы попробуют ворваться, коли их острой и кричи как можно громче. Понял?

— Понял, — ответил мальчик. — Не беспокойся. Если что, я и один тут справлюсь.

— Не сильно-то на это надейся. Нам еще повезло, что против нас воюют самые обычные горожане. Будь среди них хоть пяток настоящих солдат, эта баррикада их остановила бы на пару минут, не больше. Так что, если они попытаются прорваться, кричи как можно громче, даже если тебе покажется, что ты с нападающими справишься.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Иди. Только держись поближе к стене. Чтобы они не заметили, как ты уходишь. Пусть они считают, что нас возле входа все еще двое.

— Я так и сделаю.

Христиан взял острогу на изготовку и кивнул охотнику. Хантер похлопал его по плечу и, стараясь держаться как можно ближе к стене, пошел в глубь храма...

6

Храм был очень старый. Стены его покрывали мозаичные картины, изображавшие болотного царя, скачущего на гигантской гадюке, огромных лягушек, которые поклонялись ему и приносили подношения, а также мелких динозавров — пожирателей пиявок, вооруженных дубинами. Хантер заметил, что лягушки на мозаике чем-то смахивают на людей. Остановившись возле одной, он окинул ее внимательным взглядом.

Да, и в самом деле эти лягушки походили на людей. Собственно, это, конечно, были еще не люди, но уже и не лягушки.

«Похоже, те, кто строил храм, верили, будто люди произошли от огромной лягушки, — подумал Хан-

тер. — Кстати, а почему бы и нет? Кто его знает, как там было в древности?»

Он прошел длинным коридором с голыми, потрепавшимися стенами. Заканчивался он обширным залом. Охотник не спешил в него, поскольку был почти уверен, что фанатики пока новой атаки не предпримут. В коридоре же было нечто, его заинтересовавшее.

Следы.

Пол коридора был покрыт толстым слоем грязи и испятнан множеством следов маленьких лапок. Большинство из них уже давно высохло, но виднелось и несколько свежих.

Наклонившись, Хантер внимательно осмотрел следы. Скорее всего, они принадлежали мелким болотным динозаврикам. Никакой опасности они, как правило, не представляли и питались, в основном, живущей на болоте еще более мелкой живностью.

И все же эти следы охотника насторожили.

Эти динозаврики каким-то образом проникли в храм. Каким? И могут ли этим же путем в храм попасть люди?

Сейчас это интересовало Хантера больше всего. С другой стороны, он хорошо понимал, что, зная фанатики о другом входе в храм, они им обязательно бы воспользовались. Стало быть, если этот вход и существовал, их противники о нем не знали.

И все же Хантер понимал, что обязан узнать, каким именно путем в храм попали болотные динозаврики. Хотя бы для того, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Он поспешил в главный зал храма.

Зал был огромен и имел почти квадратную форму. Одной стены, той, которая была наиболее удалена от Хантера, не было. Вместо стены, той, которая была в самом дальнем конце храма, начиналось болото. Вернее, задняя часть храма постепенно уходила в болото. Судя по всему, там была самая настоящая трясина. Это несколько успокоило охотника. По крайней мере

теперь ему было ясно, как проникли в храм болотные динозаврики, а также, что фанатики этим путем пройти не могли.

В середине храма стояли две толстые колонны из королевского мрамора, покрытые густой сетью странных знаков, очень похожих на руны древних пеликанцев. Перед ними двумя рядами стояли каменные скамьи, предназначенные для прихожан.

Охотник невольно представил, как в древности в одну из священных ночей на этих скамьях рассаживались прихожане храма болотного царя и под заунывные молитвы жрецов застывали в ожидании появления одной из сущностей их божества.

«И она, эта сущность, конечно же, появлялась», — подумал Хантер.

Он невольно поежился. Все эти древние божества у него большого доверия не вызывали. По слухам, отличались они довольно скверным нравом и страшно любили кровавые жертвоприношения. В том числе и человеческие.

Впрочем, сейчас ему надо было подумать о другом. О том, как избавиться от убийц. По крайней мере до сих пор он не нашел ничего, что могло бы помочь решить эту проблему.

Хантер прошелся по залу. Тот был пуст, совершенно пуст, если, конечно, не считать множества следов все тех же болотных динозавриков.

Охотник остановился возле колонн. В нескольких шагах от него начиналось болото. Сначала шла узкая полоса чистой воды, покрытая широкими листьями и белоснежными бутонами жабьих цветочков. Дальше, в глубине болота, вода становилась более мутной, покрывалась ряской и постепенно переходила в самую настоящую трясину.

«По крайней мере от жажды мы не помрем, — подумал Хантер. — Конечно, пить болотную воду — удовольствия мало, но все же некоторое время на ней продержаться можно».

Он хотел уже было отправиться обратно и вдруг замер. В метре от него из воды высунулась головка болотного динозаврика. Вот она покрутилась из стороны в сторону, и, проворно перебирая лапками, динозаврик поплыл вдоль берега, направляясь к одной из стен храма.

Охотник не поверил своим глазам. Динозаврик принадлежал к очень редкому виду, обладающему определенными свойствами. Именно за эти свойства их никто не называл иначе, чем огнеметами.

Огнемет! Это было именно то, что нужно.

Хантер шевельнулся, и огнемет проворно нырнул в воду, скрылся из глаз.

Охотник присел и задумчиво почесал в затылке.

Кажется, он нашел то, что искал. Теперь оставалось лишь придумать, как поймать хотя бы одного из этих болотных динозавриков. Вот тут-то и была главная загвоздка. Как?

Хантер еще раз прошелся по берегу болота. Ничего. Зал был совершенно пуст. Ни веревки, чтобы сделать ловушку, ни палок, ничего.

«И все же что-то нужно придумать, — сказал себе охотник. — Что-то...»

Со стороны входа в храм послышался крик Христиана. Охотник опрометью бросился туда и успел как раз вовремя.

Фанатики пошли в атаку!

Один из них даже умудрился перелезть через баррикаду и теперь сражался с Христианом. Мальчик довольно ловко отмахивался острой. Еще трое фанатиков пытались раскатать и развалить баррикаду из статуй. Получись у них это, и убийцам попасть внутрь храма стало бы гораздо легче.

— Не выйдет! — крикнул охотник, бросаясь на атаковавшего Христиана врага.

Тот едва успел повернуться в его сторону и поднять кинжал, чтобы отразить нападение. Сделав обманное движение, Хантер отвлек внимание убийцы и вонзил лезвие ножа ему в грудь.

Фанатик зашатался и рухнул на пол. Хантер наклонился, чтобы вытащить из его тела нож. Это спасло ему жизнь. Нацеленная в него острога пролетела мимо. На этот раз к ней была привязана прочная веревка. Видимо, это было сделано на тот случай, если острога все же попадет в цель, но жизненно важных органов охотника не заденет. Тогда фанатики с помощью этой веревки, словно большую рыбину, подтащили бы его к баррикаде и прикончили ножами.

Тот, кто метнул острогу, уже тянул за веревку, чтобы втащить ее обратно.

— Ишь чего захотел!

Хантер схватил веревку и, бросившись к перегораживавшему вход в храм укреплению, перерезал ее. Таким образом, у него в руках осталась острога с привязанным к ней довольно длинным куском веревки.

Впрочем, сейчас было не до этого. Первым делом нужно было отбить нападение. Христиан был уже возле баррикады и всюду орудовал острогой. Охотник присоединился к нему, но не успел даже пустить в ход свой нож. Увидев, что их товарищ погиб, а на успех атаки нечего надеяться, убийцы отступили.

Через несколько мгновений перед храмом вновь сидела шеренга фанатиков. Напевая какой-то заунывный мотив, они продолжали покачиваться. С трудом верилось, что некоторые из находившихся здесь людей только что с бешеной энергией пытались прорваться внутрь храма и убить двух путников.

— Ты успел вовремя, — сказал мальчик своему старшему другу. — Через пару мгновений они могли развалить баррикаду и ворваться внутрь.

— Угу, вовремя, — кивнул Хантер. — Почему ты не позвал меня раньше?

— Они напали совершенно неожиданно. Только что сидели перед храмом, а потом вдруг уже оказались возле укрепления.

— Именно так все и происходит, — промолвил охотник. — Враг имеет обыкновение нападать, когда

ты этого не ждешь... Ладно, давай-ка думать, как выбраться отсюда.

Мальчик бросил на него преисполненный надежды взгляд.

— А что, есть какая-то возможность?

— Конечно, есть, — ответил Хантер.

Сказано это было очень уверенно.

— Но как мы отсюда выберемся?

— А вот с помощью этого. — Охотник поднял с пола острогу и неторопливо стал сматывать привязанную к ней веревку.

— Каким образом?

— Увидишь. Только нужно, чтобы эти успокоились.

Они кивнул в сторону фанатиков, все так же продолжавших тянуть заунывную мелодию и покачиваться.

— Тогда придется подождать, — вздохнул Христиан.

— Конечно.

Хантер сел на корточки рядом с баррикадой и прижался спиной к стене. Христиан пристроился рядом, в точности скопировав его позу.

Было уже ближе к полудню. Солнце пригрело, и стало довольно тепло. От болота поднимались удушливые испарения. Фанатики все также тянули заунывный мотив. Через некоторое время охотник почувствовал, что у него поневоле закрываются глаза, и встал.

Он прошелся вдоль стены туда и обратно, потом от нечего делать стал рассматривать острогу. Сделана она была довольно искусно.

Христиан, тоже едва не заснув, встал и спросил:

— Нет ли там, внутри храма, воды? Пить хочется — страшное дело.

— Есть.

— Тогда я схожу попить?

— Нет, — решительно сказал Хантер. — Ты туда не пойдешь.

— Почему?

— Пока нельзя. Я боюсь, ты спугнешь того, кто нам поможет вырваться из этой ловушки.

— Кого? — спросил мальчик.

— Скоро увидишь, — ухмыльнулся охотник.

Они подождали еще немного. Ничего не изменилось. Жара, заунывное пение, жужжание мух, уже кружившихся над лежавшим в нескольких шагах от них трупом убийцы.

— Хоть бы в этом зале сугроб, что ли, оказался... — пробормотал Христиан. — Нет же, все снаружи.

В самом деле недалеко от входа в храм снаружи был довольно большой сугроб. Солнечные лучи, казалось, не оказывали на него никакого воздействия. Он по-прежнему сверкал чистой, белоснежной вершиной.

— Ладно, мне пора, — наконец сказал Хантер. — Похоже, в ближайшее время они не нападут.

Он отрезал от гарпуна веревку и сделал на ее конце скользящую петлю.

— Зачем это тебе? — спросил Христиан.

— Секрет, — с таинственным видом сказал Хантер.

Он еще раз взглянул на фанатиков. Те, похоже, полностью впали в транс, словно забыв о баррикаде и скрывавшихся за ней двух путниках, жизни которых должны были быть принесены в жертву.

Охотник великолепно знал, что это впечатление обманчиво. Он был уверен, что убийцы внимательно наблюдают за своими жертвами и караулят только подходящий момент, чтобы попытаться их убить.

«Это еще надо посмотреть, кто кого», — подумал он.

— Давай следи за баррикадой, — прошептал он мальчику. — Чуть что, при малейшем признаке опасности зови меня. Понял?

— Еще бы... — солидно проговорил мальчишка. — Второй раз они меня не обманут.

Хантер улыбнулся.

— Надеюсь.

Снова, стараясь держаться возле стены, он прокрался в глубь храма. Оказавшись в коридоре, оста-

новился и прислушался. Возле баррикады было тихо. Видимо, убийцы не заметили, что он ушел.

«Вот и хорошо!» — подумал охотник.

И он двинулся к внутреннему залу. Теперь крался вдвойне осторожно, старясь ступать по каменному полу абсолютно беззвучно.

Видимо, это ему удалось, поскольку, заглянув в зал, он узрел картину, которую и ожидал увидеть.

Совсем близко от него на полу лежали несколько динозавриков-огнеметов и, видимо, отдыхали. Рептилии, казалось, и думать не думали, что на них может кто-то охотиться.

Чувствуя, как его охватывает охотничий азарт, Хантер высвободил конец веревки, на котором была скользкая петля, и, шагнув в зал, быстро размотал его над головой.

Не ожидавшие этого динозаврики потеряли несколько секунд и кинулись наутек слишком поздно. Это решило судьбу одного из них. Охотник отпустил веревку, и петля, пролетев несколько метров, захватила шею одного огнемета.

Не будь тот так напуган, он бы еще успел освободиться, но динозаврик продолжал бежать к болоту, и петля натянулась. Бросившись к пойманной добыче, Хантер упал на колени и крепко схватил динозаврика руками.

Он был небольшой, в длину не более метра, и несколько смахивал на крокодила. На самом деле рептилия, которую поймал Хантер, походила на крокодила только внешне. Впрочем, вряд ли во всем этом мире могло найтись животное, обладавшее такими же, как и огнемет, свойствами.

Главное его отличие от всех других видов динозавров состояло в том, что огнемет принадлежал к редкому виду ящеров и обладал железами, позволяющими ему извергать струи огня. Без этого свойства от природы неуклюжим огнеметам на болоте выжить было бы трудновато. А так им частенько уступали дорогу

даже очень крупные хищники. Кому охота возвращаться в логово с обожженной мордой?

Продолжая крепко держать огнемета, который все еще отчаянно пытался вырваться, Хантер старался не дать тому повернуть в его сторону морду.

Не дал. Несмотря на не очень крупные размеры, огнемет был довольно сильный. Он даже, напрягая все силы, протащил охотника по полу храма с полметра. Но тот вцепился в него так крепко, что наконец динозаврик сдался.

— Тебе что надо-то? — спросил он. — Что ты ко мне привязался?

— Вот это уже хорошо, — ответил Хантер. — Поговорим?

— А ты меня отпустишь?

— Ни в коем случае. Только если ты дашь слово, что не убежишь и поможешь мне.

Огнемет попробовал вырваться еще раз, но безуспешно.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я согласен.

— Договорились.

Хантер разжал руки и, усевшись рядом с динозавриком, вытер со лба пот.

— Что, умаялся? — ехидно спросил тот.

— Ничуть, — ответил охотник, закуривая сигарету. — Мне и не таких приходилось ловить.

— Оно и видно, — проворчал огнемет. — Нужно-то тебе от меня что?

— Помощи, конечно.

— Что же еще? Вам, людям, вечно требуется помощь. Пожечь кого?

— Угу.

— А те, кого нужно поджечь, они плохие или хорошие?

— Плохие.

— Тогда согласен. Только ничего у меня не выйдет. Я совсем недавно истратил почти всю огненную жидкость. Осталось очень мало.

— Я же тебя держал, — улыбнулся Хантер. — Живот у тебя довольно округлый. Огненной жидкости там хватит поджечь весь этот город. Не финти. Пошли, обещания надо выполнять.

— Вот всегда так, — проворчал огнемёт и стукнул хвостом по полу. — Стоит этим людям дать кончик хвоста, как они норовят его забрать по самую голову.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Хантер, направляясь к выходу из зала. — Хорошие дела надо делать. Они всегда окупаются. А слово, если уж дал, то держи.

— Да знаю я, знаю, — бормотал огнемёт, проворно перебирая лапами, чтобы не отстать от охотника.

Когда они появились возле баррикады, Христиан от удивления вытаращил глаза.

— Кто это? — спросил он.

— Он нам поможет, — сказал Хантер.

Вид у него был довольный. Похоже, пока все шло по плану.

— Эти? — заглядывая в щель между статуями, спросил огнемёт.

— Они, — сказал Хантер.

— Понятно. Уж больно их много. А горячая жидкость, она восстанавливается не очень быстро. Если я ее всю израсходую, то чем от врагов отбиваться буду?

— Ничего, ничего, — поспешил успокоить его охотник. — Всех их жечь мы не будем. Пяток подпалим, остальные и сами разбегутся.

— Хорошо бы так. А то, я гляжу, это фанатики ночи странных воспоминаний. Вдруг они полезут на штурм всем скопом и, когда я их начну жечь, не остановятся?

— Остановятся. Иначе они эту баррикаду уже давно бы взяли штурмом.

— Кстати, насчет баррикады, — мрачно сказал огнемёт. — Статуи-то вы зря повалили. Непорядок это.

— Сам знаю, что непорядок. Только выхода у нас не было. Порезали бы они нас. Конечно, и мы кое-кого из них уложили, но только без укрепления они бы нас одолели.

— Может, это было бы и к лучшему, — проворчал огнемёт.

— Ну, ты даешь... — проговорил Христиан.

— А что такое? — бросил огнемёт. — Помочь вам я обещал — и помогу. А вот с чего это я вас любить должен? Незачем мне это делать... Ладно, давайте-ка начинать. А то мне обратно в болото пора. Не обедал я еще сегодня.

— Давай начинать, — согласился с ним Хантер. — Тебя как, повыше поднять?

— Обязательно. Возьми меня на руки и, самое главное, жми сильнее на живот. Струя огня будет длиннее и гуще. Понял?

— Еще бы.

— И это... хорошо бы их поближе подманить. Чтобы они в кучу собрались. Огненную жидкость экономить надо.

— Хорошо.

Охотник взял огнемёта на руки и встал рядом с баррикадой, так чтобы его не было видно убийцам.

— Давай подразни их, — сказал он Христиану.

— Это я сейчас, — озорно улыбнулся мальчишка.

Он вскочил на верх баррикады и замахал руками. Фанатики перестали петь и, все еще слегка покачиваясь, удивленно уставились на мальчишку.

А тот, приплясывая и гримасничая, закричал:

— Эй, вы, олухи царя небесного! Тупицы стоеросовые! Что же вы не пытаетесь нас убить? Что, взяли? И не возьмете. Куда вам!

Реакция убийц была точно такой, на которую рассчитывали охотник и его ученик. Молча вытащив кинжалы и ножи, фанатики скопом кинулись к баррикаде.

Христиана с нее как сдуло. Прекрасно понимая, что сейчас начнется, он отскочил в сторону и при-

жался спиной к стене храма. А фанатики подбежали к укреплению и навалились на него. Толчок был так силен, что верхняя скульптура свалилась вниз и рухнула внутрь храма.

Фанатики радостно завывали.

Однако это было только на руку Хантеру.

Передние убийцы уже готовы были ринуться внутрь храма, когда охотник появился перед ними и нажал огнемету на живот. Жаркая струя ударила из пасти динозаврика, и словно огненное щупальце охватило нападавших.

Все это произошло так неожиданно, что убийцы в первое мгновение не могли понять, что же произошло, а когда поняли и кинулись назад, было уже поздно...

Минут через пять все было кончено. Удрать удалось всего лишь половине осаждавших, да и то почти все они получили довольно серьезные ожоги.

Смердело паленым мясом. Христиан сидел недалеко от баррикады, закрыв лицо ладонями. Хантер спустил огнемета на землю. Тот улыбнулся. Зубы его все еще светились красным.

— Как? — спросил огнемет. — Здорово?

— Куда уж лучше, — мрачно сказал охотник.

— Не пойму я вас, людей, — пробурчал огнемет. — Вроде бы все получается так, как вы хотели, а вы все же недовольны. Нет, по-моему, вы и сами не знаете, что вам нужно.

— Наверное, так, — сказал Хантер.

Он подошел к Христиану и положил ему руку на плечо.

— Пошли, парень. Нам надо отсюда уходить, пока враги не опомнились. Пока есть возможность.

— Кстати, насчет уходить... — сказал огнемет. — Может, мне уже пора вернуться в родное болото? То есть я считаю, что слово мое выполнено, а стало быть...

— Нет, — покачал головой охотник. — Еще не все. Вот когда мы выберемся из города, тогда будет

все. На окраине я тебя прямиком в болото и выпущу.

— Да к вам после этой бойни никто и подойти не посмеет, — сказал огнемёт.

— Конечно, если ты будешь с нами. А если нет, то тут фанатики и попробуют сквитаться. Давай, начал дело, так доведи его до конца.

— О, святой болотный царь, — пробормотал огнемёт. — Воистину эти люди ненасытны, и угодить им невозможно. Ладно, прах с тобой, поехали!

— Поехали? — удивился Хантер.

— Ну, конечно. Чтобы отбить возможное нападение, тебе придется нести меня на руках. А как иначе?

— Придется, — согласился охотник.

Христиан отнял руки от лица и ошарашенно помотал головой.

— Как они горели, как они горели! — пробормотал он. — И кричали. Им было очень больно.

— Да, им было больно, — жестко сказал Хантер. — Им было больно. Только не забудь, что, сумеи они до нас добраться... Ладно, все это не имеет сейчас значения. Пошли. Мы еще в городе, и убийцы в любую секунду могут напасть опять.

— Ты прав, — вяло сказал мальчик.

И все же встал он быстро, поспешно сунул за пояс нож Хантера, собственную дагу и сказал:

— Я готов.

— Вот и отлично, — промолвил Хантер. — Из тебя выйдет настоящий охотник.

Что еще он мог сказать? Бывают ситуации, в которых, что ни говори, что ни делай, все равно чувствуешь себя негодяем, пусть даже ты и действовал абсолютно правильно.

А правильно ли?

«А что еще я мог сделать? — спросил у себя Хантер. — Сдаться на милость этих идиотов? Так они бы нашего благородства не оценили. Они бы с большой радостью нас на кусочки этими самыми ножами...»

Он хорошо понимал, что прав. И также прекрасно видел, что объяснить свою правоту мальчику не сможет. Или сможет? Все-таки Христиан прожил несколько лет на дороге и навидался на ней многого. Конечно, не такого, но все же...

«Что ты делаешь? — спросил себя охотник. — Вместо того чтобы заниматься самокопанием, давай-ка, братец, делай отсюда ноги. Уходить пора, уходить».

Он наклонился и осторожно взяв огнемета поперек туловища, поднял его на руки. Правая ладонь уверенно легла на живот динозаврика, теперь не такой уж упругий, как десять минут назад.

Старательно обходя все еще дымящиеся трупы, они двинулись прочь от храма.

Улица все еще была безлюдна. Окна одного из домов, мимо которого они проходили, были открыты. Из них неслись крики и стоны. Видимо, в него забежали несколько обгоревших фанатиков. Досталось им, конечно, по первое число.

Больше никто на охотника и его ученика напасть не посмел. Огнемет шурился и окидывал дома самодовольным взглядом. Он уже, видимо, представлял, как расскажет своим товарищам об этом приключении.

Христиан молчал и, похоже, о чем-то напряженно думал. Однако рука его лежала на рукояти даги, и чувствовалось, что он готов в любой момент начать драться. Хантер тоже особенных тем для разговоров придумать не мог. Он хмурился и думал о том, что жизнь устроена довольно паршиво.

Он никак не мог понять, как получается, что не плохие, не хорошие, самые обычные люди становятся пленниками какой-нибудь абсурдной идеи. Почему она овладевает ими, заставляя забыть о том, что они люди, почему во имя ее они способны на любое преступление, пусть даже эта идея совершенно пустая и глупая? Сумасшествие? Нет, это что-то другое...

«Что-то ты, брат, не о том думаешь, — сказал он себе. — Еще ничего не кончилось. Ты еще даже не

вышел из города. Будь настороже. На тебя могут напасть в любую секунду».

Он окинул взглядом ближайшие дома. Они казались пустыми. Никто не подходил к окнам, никто не пытался на них взглянуть.

— Ну и нагнали же мы страху на этот город, — вполголоса сказал Хантер.

— Хвастун, — ухмыльнулся огнемет. — Вы-то тут при чем? Если бы не я...

— Кстати, — сказал Хантер. — А родственники тех, погибших, когда мы покинем город, они не придут, чтобы тебе отомстить?

— Ни за что, — ответил огнемет. — А если и придут...

Он зловеще улыбнулся.

Охотник кивнул.

— Так я и думал.

Мимо один за другим проплывали дома. Шаги Хантера и Христиана звучали глухо, тяжело. И пустота, странная, иссушающая душу пустота, убивающая радость по поводу того, что они так удачно избежали смерти.

Да, смерти.

Хантер подумал, что большинством поступков людей управляет, наверное, самое сильное из всех чувств, которые они могут испытывать. Страх смерти. Может, и фанатиками люди становятся лишь потому, что та глупая, лживая идея, в которую они верят, сулит либо возможность о нем забыть, либо отрицание смерти, а стало быть, и отрицание страха перед ней?

А смерть — это такая дама, которая собственного отрицания не выносит. И неизбежно приходит.

«Вот забавно, — подумал он. — А может, я и сам фанатик? Может быть, идея уничтожить всех черных магов тоже является не более чем фанатичной?»

Они миновали последний дом и оглянулись.

Город остался позади. Безмолвный, казалось, опустевший город, в котором поселился страх. Об этом страхе забудут не скоро, очень не скоро.

— Так им и надо! — вдруг зло сказал Христиан. — Какого праха они не отпустили нас? Почему их урожай должен зависеть от смерти двух ни в чем не повинных путников? Так им и надо!

— А парень-то, кажется, начинает понимать, что к чему, — промолвил огнемёт. — Держу пари на десяток болотных крыс, он уже кое что в жизни видел.

— Да, видел, — мрачно сказал Хантер. — И действительно много кое-чего. А теперь уходи.

— Конечно, уйду, — хмыкнул огнемёт. — Я выполнил наше соглашение, и мне пора домой, в родное болото.

— Да, соглашение выполнено, — сказал охотник. — Тебя отнести к нему?

— Нет, я сам. Уж к болоту-то я дорогу найти смогу. Кстати, в порядке дружеского одолжения...

— Проси.

— Тут, говорят, в этом мире завелись какие-то мерзкие людишки — охотники на огнемётов. Якобы они вылавливают моих сородичей, а потом дрессируют и продают в оружейные магазины. Если они вам встретятся, не говорите им, где мы живем. Согласны?

— Мы не скажем, — промолвил Хантер.

— Ну, вот и хорошо. Я вам верю. Вы из тех редких людей, которые держат свое слово.

— Это-то ты откуда знаешь? — удивился Хантер.

— Вы люди странные, — покачал головой огнемёт. — Будь вы не такими, то ни за что меня бы не отпустили.

— А ты бы, конечно, безропотно подчинился...

— Понятное дело — нет. И уж поджарить вас обоих я бы изловчился. Беда в том, что люди, которые не держат своего слова, как правило, считают себя умнее и хитрее других. Они думают, что будут обманывать всех и вся вечно и не понесут за это наказания.

Он соскочил с рук охотника и, прежде чем скрыться в высокой траве, росшей возле дороги, крикнул:

— Пока! И помните, мы договорились! О нашем болоте вы не проболтаетесь.

— Будь спокоен! — заверил его Хантер. — Пока! Огнемет скрылся в траве.

Охотник еще раз взглянул на город. Улицы его были по-прежнему пустынные. Видимо, отправляться за ними в погоню желающих не было.

Два путника пошли по дороге прочь от города. Они шли, пока он не остался далеко позади. Тут они свернули с дороги и устроились отдохнуть на одном из поросших вереском холмов.

Христиан сел на землю и, задумчиво прищурившись, стал смотреть на летавшего неподалеку птеродактиля, явно высматривавшего добычу. Время от времени птеродактиль устремлялся к земле, видимо, заметив какого-нибудь сурка или мелкого степного динозаврика. Но каждый раз он промахивался и, раздраженно шипя, поднимался в небо.

Хантер молча вытащил у мальчика из-за пояса дагу и нож, взвесил их на ладонях. Дага была явно тяжелее. Сунув ее за пояс, охотник протянул нож Христиану.

— Но почему?! — возмутился тот. — Дага — настоящее боевое оружие. А этот нож...

— Я уверен, что ножом ты действовать умеешь, — объяснил Хантер. — А вот дага... Ею драться еще сначала нужно научиться. Кстати, орудовать ею я умею. Стало быть, она и должна быть у меня.

— И все-таки это тирания, — проворчал Христиан.

Правда, ворчал он скорее для порядка, поскольку понимал, что его учитель прав.

А Хантер тем временем вытащил из кармана плоскую коробочку размером с портсигар. С одной стороны у нее был экранчик, поперек которого змеилась большая трещина. Но, несмотря на это, экранчик светился, и на нем можно было разглядеть две точки — красную и зеленую.

Охотник заметил, что расстояние между ними стало меньше.

Он покрутил коробочку. Зеленая точка оставалась неподвижной, а красная двигалась, реагируя на все изменения положения коробочки.

Христиан заглянул ему через плечо.

— Ну как, мы не сбились с дороги?

— Нет, все верно. Мы идем в нужном направлении.

— Вот и отлично. А ты уверен, что зеленая точка обозначает то место, где прячутся хозяева черных магов?

— Почти. Теперь почти. Видишь, расстояние между точками изменилось? Значит, мы уже прошли некоторую часть пути. Пусть небольшую, но все же...

— Но все же прошли, — и Христиан слегка улыбнулся.

Хантер улыбнулся тоже. Но совсем по другому поводу.

«Все-таки из мальчика получится настоящий охотник, — подумал он. — Получится».

Он вдруг понял, чего боялся с того момента, как они вышли из храма болотного царя. Он боялся, что Христиана сломает бойня, которую они там устроили.

Нет, он ошибался. С мальчишкой все в порядке. Годы, которые он провел на дороге, закалили его, приучили к мысли, что бывают моменты, когда либо ты — либо тебя.

Облегченно вздохнув, он взглянул Христиану в глаза. А тот больше не улыбался, смотрел серьезно, почти сурово.

— Это война, — сказал Хантер.

— Да, это война, — согласился Христиан. — А на войне, случается, пощада — слишком большая роскошь. Недопустимая.

— Ну вот и отлично, — промолвил охотник. — Вот и хорошо. Кажется, первый экзамен на охотника ты сдал.

Христиан кивнул.

— А теперь, — сказал Хантер, — давай-ка пойдем дальше. Нам еще топать и топать. Кроме того, хорошо бы найти место, в котором можно будет позавтракать. На войне полный желудок — половина успеха.

— Ты прав. Пошли.

Они встали и стали отряхивать одежду от приставших к ней сухих травинок.

Птеродактиль все еще кружил неподалеку, то камнем падая к земле, то опять набирая высоту. И шипел, шипел...

Прежде чем сунуть коробочку в карман, Хантер еще раз взглянул на ее экранчик. Ему показалось, что он светится несколько ярче, чем обычно.

7

Куда бы Лисандра ни попадала, везде и всюду она стремилась устроиться с наибольшим комфортом.

Она прожила в этом городе всего месяц, а гроб у нее уже был с прекрасной, очень мягкой, белой как снег обивкой. В изголовье лежала небольшая, обшитая тончайшими кружевами подушечка. Да и сам гроб был сделан не без изыска, из пахучего чайного дерева, украшен бронзовыми литыми ручками и ножками в виде львиных лап.

Так ей нравилось.

Солнце спряталось за горизонтом. Наступили сумерки. Вампириша проснулась и некоторое время лежала, не без удовольствия вдыхая чайный запах и прислушиваясь к жужжанию мух в комнате.

Эх, если бы у нее по-прежнему была росянка, сейчас в этой комнате не было бы ни одной мухи. Но нет, ее любимая росянка погибла, а пока она найдет новую, пройдет еще много времени, когда, просыпаясь, она будет слышать ненавистное жужжание.

Лисандра откинула крышку гроба и, сев в нем, сладко потянулась.

Пора было приниматься за дела, среди которых не последнее место занимала охота. Есть хотелось просто ужасно. Проснись она такой голодной сутками раньше, то не смогла бы думать ни о чем другом, кроме сладкой теплой крови. Но сейчас...

Сейчас у нее появилась еще одна забота. Соперник, который рыскал по ее городу, убивающий людей совершенно по-варварски, плевать хотевший на них или ничего не знавший о правилах, по которым это надо делать. Соперник, способный так напугать этот город, что в нем спустя многие месяцы не посмеет появиться ни один приличный вампир.

С этим надо было покончить.

Как именно она это сделает, Лисандра пока еще не знала, но была полна решимости найти соперника и поучить уму-разуму, пока дело не зашло слишком далеко.

Вот это и было сейчас ее основной заботой. Конечно, если подвернется случай насытиться, она его не упустит, но все же главное сейчас было — соперник.

Она с тоской подумала о том, что, если бы не жестокая шутка судьбы, эту проблему сейчас решить было бы легче. Хантер. Охотник. Вот кто сейчас очень бы ей пригодился. С его помощью она могла легко выследить соперника. Да и вдвоем одолеть его было бы легче.

Однако судьба над ней жестоко насмеялась. Охотник был у нее в руках, она даже вонзила зубы в его шею... но тут вмешалась судьба, и вместо того, чтобы превратиться в вампира, Хантер умер. Самым подлым образом.

Если бы только он остался жив! Двоим им противостоять не смог бы никто. Даже такой опасный и хитрый враг, как этот неизвестный соперник.

Тьфу! Они раздавили бы его, как жалкого червяка.

Лисандра вылезла из гроба и аккуратно вернула крышку на место. Нечего хорошей вещи пылиться то

время, что она будет отсутствовать. Все-таки он обошелся ей в довольно приличную сумму.

Вообще достать хороший гроб сейчас не так уж легко.

Она прокралась к окну и, осторожно раздвинув плотные шторы, выглянула наружу.

Ее дом-убежище выходил фасадом на небольшую площадь. Конечно, это было не очень хорошо. Обычно умные вампиры предпочитали дома где-нибудь на задворках или в глухих переулках. Из таких домов легче исчезать и гораздо проще в них возвращаться. Кроме того, на подобные дома меньше обращают внимания.

Вампирша прекрасно понимала, что это является недостатком ее дома-убежища. К счастью, это был его единственный недостаток. Во всем остальном дом ее вполне устраивал.

Все-таки найти что-либо вообще без недостатков очень трудно, почти невозможно.

Конечно, тот дом, в котором она жила раньше, ни на какую площадь не выходил. Но и у него был свой недостаток. Сосед. Жутко любопытный сосед, который усиленно за ней шпионил.

Лисандра довольно улыбнулась, вспомнив, как этот сосед провалился в яму с ядовитыми змеями.

И поделом. Жил бы, как все. Так нет же, любопытство его одолело.

Она задвинула шторы и подошла к шкафу. Открыв его дверцу, Лисандра задумчивым взглядом окинула висевшую на плечиках одежду.

Нет, сегодня никакого шика не надо. К черту вечерние платья и узкие туфли на высоких каблуках. Пожалуй, сегодня она наденет что-нибудь свободное, удобное, не стесняющее движения. И обязательно те маленькие башмачки из мягкой кожи, на низком каблуке. В них можно ходить совершенно бесшумно.

Сделав выбор, она быстро оделась и обулась, а потом прошла по комнате, чтобы проверить, не ошиблась ли, выбирая именно это одежду. Она не

ошиблась. И башмачки и одежда просто идеально подходили к тому, что ей этой ночью предстояло.

Вампирша довольно улыбнулась. Все-таки кое-какие маленькие радости, доступные обычным людям, не чужды и ей. Например, удовольствие надеть хорошую одежду, удобную для того, чтобы претворить в жизнь задуманное.

А теперь пора и на охоту.

Осторожным, крадущимся шагом она прошла через несколько комнат, открыла последнюю дверь, которая выходила в сад, и шагнула на посыпанную белым песочком дорожку. Теперь ей оставалось только закрыть дверь.

Звякнул в замке ключ. Вампирша подбросила его на ладони, грациозно поймала и спрятала за стоявшего возле двери каменного льва с невообразимо грустной мордой.

Не удержавшись, она похлопала его по голове и пробормотала:

— Стеречь, стеречь. Понял?

Лев, понятное дело, безмолвствовал. С каких это пор скульптуры стали разговаривать? Хотя...

Лисандра представила, что будет, если в сад в ее отсутствие проникнет вор и попытается этот ключ взять. Вот тут-то и сработает то заклинание, которому она когда-то давно, еще лет сто пятьдесят назад, научилась у странствующего волшебника.

Тот умел делать и в самом деле поразительные вещи. В том числе — оживлять скульптуры. Впрочем, это не уберегло его от укуса вампириши.

А вор...

Лисандра не удержалась и хихикнула, представив, что будет с тем наглецом, который попытается обворовать ее дом.

Она отошла от дома на несколько шагов и, гибко изогнувшись тоненьким, на вид очень хрупким телом, посмотрела в небо. Оно было закрыто облаками, и это ее тоже вполне устраивало. Самое время для охоты на крупную дичь.

«Крупную? — подумала она. — Да, похоже, очень крупную. Как он от меня прошлой ночью ушел... Нет, противник на этот раз мне попался серьезный... Тем лучше, тем лучше».

Прежде чем взлететь, она все же не удержалась и, обернувшись, еще раз полюбовалась домом-убежищем.

Он и в самом деле подходил для убежища почти идеально. Не очень большой и не очень маленький особняк, крытый вместо черепицы чешуей морских динозавров. Да, конечно, фасад его выходил на площадь, но это не имело большого значения. У дома был сад, обнесенный высокой, почти в два человеческих роста каменной стеной. Из этого сада было удобно улетать и возвращаться. А забор хорошо предохранял от любопытных взглядов соседей. Хотя и соседи-то у нее были совсем не опасные. Справа жил какой-то чужак, занятый поисками эликсира молодости. Он почти все время сиднем сидел в подвале, занимаясь какими-то химическими опытами, а когда из него все же вылезал, то был настолько погружен в свои мысли, что не обращал на окружающий мир равно никакого внимания.

«Эликсир вечной молодости, — усмехнулась Лисандра. — Кретин. Есть только один способ получить вечную молодость, и никакой химией тут не поможешь. Для того чтобы получить вечную молодость, нужно всего лишь познакомиться поближе со мной, Лисандрой. Я могу. Раз в двадцать лет, но все же могу сделать любого, конечно, по моему выбору, молодым навечно. И стоит этому ученому обратиться по адресу...»

Она сейчас же одернула себя. Нет, так не годится. Хорошая куница никогда не охотится возле своего гнезда. Именно поэтому старичок ученый мог безбоязненно делать свои химические опыты. Стать вечно молодым ему не грозило. Особенно учитывая то, что она способна сделать кого-то вампиром, только когда пройдет ближайших двадцать лет, не раньше.

Слева от ее дома была обитель проживания ночных слепунов. Жило их там много, человек тридцать, но вся прелесть такого соседства была в том, что в знак поклонения какому-то своему, очень древнему богу ночные слепуны пили напиток, настоянный на корнях куриного кустарника. Благодаря этому напитку они с наступлением сумерек и до самого утра фактически слепли.

«Они, наверное, до сих пор считают этот дом обитаемым, — подумала Лисандра. — Ну и пусть считают. Мне это очень даже подходит».

Таким образом, с соседями был полный порядок. Если только она будет хотя бы минимально осторожна, от них никакого вреда не последует.

Но и это не исчерпывало достоинств дома-убежища. Еще одним из них являлся подземный ход. Честно говоря, вступив во владение этим домом, другими словами, поговорив с его хозяином, да так, что тот на данный момент спокойненько себе гнил в подвале, вампирша ни о каком подземном ходе и не мечтала.

Через неделю после того, как она переехала в этот дом, Лисандра в очередной раз проснулась и лежала в гробу, машинально прислушиваясь к тому, как в подвале бегают мыши. Конечно, обычный человек не уловил бы в их беготне ничего странного. А она уловила.

Несколько мышей бегали там, где, по ее расчетам, была лишь глухая стена. Причем бегали они слишком уж свободно, так, словно внутри стены было обширное пустое пространство.

Дождавшись наступления сумерек, она вылезла из гроба и спустилась в подвал. Ей пришлось потратить некоторое время на его обследование, но в результате подземный ход она все же обнаружила.

Он заканчивался на берегу реки, протекавшей за ее садом. Естественно, там, возле реки, вход в него был прикрыт большим камнем. Несмотря на тонкую и, казалось, очень хрупкую фигурку, вампирша обладала недюжинной силой. Она ничуть не сомневалась,

что в случае серьезной опасности сможет скрыться через этот ход и легко, без усилий уберет камень.

«А не пора ли тебе, голубушка, браться за дело? — спросила она себя. — Не тяни время. Этой ночью у тебя слишком много дел, чтобы тратить время на пустые воспоминания».

Это было верно.

Вздохнув, вампирша снова посмотрела в небо. Она широко развела руки и, подпрыгнув, превратилась в летучую мышь. Похожие на половинки зонтика крылья ударили ночной воздух. Где-то в городе пронзительно завизжала женщина.

«Ну да, — подумала Лисандра, набирая высоту. — Сегодня ведь ночь преступной любви. Охо-хо, не самая удачная ночь для охоты на соперника. Слишком много народу на улицах, много шума, много свидетелей... Хотя кто его знает... Может быть, в такую ночь как раз на соперников охотиться легче? Во всяком случае, сегодня голодной я не останусь».

Она набрала нужную высоту и, неумоимо работая крыльями, полетела в сторону центра. Чутье подсказывало ей, что соперник может появиться именно там.

А город встречал ночь любви. Там и тут, как правило в центре площади, горели ритуальные костры из веток медоносного дерева. Их дым стлался по улицам, неся с собой сладкий, слегка одурманивающий запах. Возле костров веселились группки молодых парней и девушек, в немеряных количествах потреблявших пиво, слегка горьковатую южную акучу и нектар дурманных цветов.

Жители постарше встречали ночь преступной любви по домам. Согласно обычаю, окна домов были распахнуты настежь, но Лисандра знала, что проникнуть в них не так-то легко. За окнами бдительно следили вооруженные скалками, вениками или каминными щипцами хозяйки дома. Конечно, они могли бы взять что-нибудь посуше, вроде топора или копья, но обычай требовал, чтобы они отгоняли

тех, кто пытался проникнуть в их дом, именно этими предметами. И конечно, согласно все того же обычая, отец семейства был прикован к кровати стальными ритуальными наручниками или, на худой конец, привязан к ее ножке крепкой веревкой.

Итак, ночь только начиналась. Юнцы разогревались с помощью разнообразных напитков, матери семейств следили за окнами, отцы семейств, опять же согласно обычаю, в меру отпущенного им природой темперамента пытались освободиться от пут, приковавших их к семейному ложу. Все шло так, как и должно было идти.

Вампирша не торопилась. Она знала, что потом, когда ночь преступной любви будет в разгаре, насытиться станет гораздо легче. Так зачем же понапрасну рисковать?

Чем ближе она подлетала к центру города, тем больше становилось костров, а дым от них, казалось, уже пропитал весь город. Молодежь шумела и веселилась. Молоденькие, едва достигшие совершеннолетия девочки распевали заклинания на непонятном языке и крутили ритуальные волчки. Та, возле которой волчок останавливался, становилась на эту ночь жрицей преступной любви. Кроме заклинаний выборы жриц сопровождалось обязательным в таких случаях хихиканьем и истошным визгом.

Теперь Лисандра старалась лететь, прячась за крышами домов, а улицы пересекала лишь в самых затемненных и немногочудных местах. Впрочем, рисковала она не сильно. Молодежь настолько была занята празднованием наступающей ночи преступной любви, что не обратила бы никакого внимания даже на пролетевшую прямо над ними эскадрилью вампиров.

И все же для наблюдения вампирша выбрала самый затемненный, видимо, нежилой дом. Подлетев к нему, она уже привычно уцепилась за край крыши когтями и повисла вниз головой.

Вот. Все. Теперь осталось только ждать. Если соперник не появится, она часа через два насытится и опять будет ждать. Конечно, она могла попробовать найти соперника, летая над городом. Но вампирше казалось, что этот метод успеха не принесет.

Только засада. А только ли?.. Она подумала о том, что есть способ, с помощью которого она может наблюдать, совершенно ничем не рискуя. Особенно в эту ночь. На улицах так много костров и дыма... И этот соперник. В прошлый раз он ее заметил и сумел ускользнуть. Так почему бы не попробовать выследить его другим способом?

«Но ведь я не пользовалась им уже давным-давно, может быть, лет двадцать — тридцать, — подумала вампирша. — Вдруг у меня ничего не получится, вдруг я уже разучилась?»

Она окинула улицу взглядом.

Как раз в этот момент один из парней подкинул в костер еще веток, и дым от него стал гораздо гуще. Какая-то девчонка со смехом надела на голову венок из ромашек — знак того, что она выбрана жрицей преступной любви. Ей передали бутылку с акучей, и она сделала из нее несколько глотков.

«Все верно, — подумала Лисандра. — Только так я смогу выследить соперника. Держу пари, что он об этом способе и не слышал, а стало быть, все преимущества на моей стороне».

Она прислушалась к своему телу, прислушалась по-особенному, так, как было нужно в этой ситуации, и убедилась, что все в порядке. Она была готова, и никаких причин для того, чтобы отказаться от задуманного, не существовало.

Ей не нужно было никаких заклинаний и ритуалов. Ей достаточно было сгруппироваться, овладеть своим телом, каждой его клеточкой, так чтобы они подчинялись ей идеально, стали подвластны ее разуму.

Для того чтобы это случилось, ей понадобилось несколько минут. Хотя сейчас вампиршу время не интересовало. Ничего, кроме собственного тела.

Она уже знала, она чувствовала, как оно теряет вес и словно бы распухает. Это был признак того, что у нее все получится как нельзя лучше.

Предвкушая удовольствие, Лисандра улыбнулась.

В самом деле, что может сравниться по остроте ощущений с полным обладанием собственным телом, с особым обладанием, которое и не снилось обычным людям?

Она знала, что остался еще один, последний барьер, перевалив который, она сможет легко сделать задуманное. Барьер неверия, который никогда не сможет преодолеть обыкновенный человек. А она сможет.

Так и получилось. Тело ее становилось все легче и легче, оно как бы расплывалось, растворялось в воздухе, и последний барьер легко остался позади, поскольку она уже верила в то, что произойдет, она уже знала, что иначе быть не может.

И произошло.

Прекрасно понимая, что все будет так, как она хочет, не испытывая ни капли сомнения, Лисандра растворилась в воздухе окончательно, превратившись в легкий, даже не очень плотный туман.

Мир снова перевернулся. Впрочем, на этом все не закончилось, ибо теперь, став другой, она и воспринимала его совсем по-другому.

Ее тело разрослось, охватив собой дом, на краю крыши которого она только что висела, и улицу с горевшим на ней костром и сидевшими возле него парнями и девчонками, и часть дома на противоположном конце этой улицы.

Все это стало как бы частями, составляющими ее тело, несомненно, принадлежавшими ему и одновременно не принадлежавшими, поскольку она не могла ничего с этими частями сделать, не могла ими овладеть и подчинить своим желаниям.

Впрочем, если парни и девчонки пробудут внутри ее тела достаточно долго... Нет, они были слишком трезвыми...

Один из парней поставил возле ног наполовину опустошенную бутылку и сказал:

— Что-то мне этот туман не нравится. Определенно, не нравится. Какой-то он не такой.

Сидевшая рядом с ним девчонка с длинной русой косой презрительно хихикнула и проговорила:

— Только, не говори мне, что ты боишься самого обыкновенного тумана!

— Я не боюсь его, — резко сказал парень. — Просто не нравится он мне, совсем не нравится. Давайте уйдем. И, кстати, не пора ли начинать штурм домашних очагов?

— Нет, еще рано, — сказал юнец, сидевший с другой стороны костра. — Ночь преступной любви только начинается. Ближе к полуночи — самое время. А пока, может, и в самом деле уйдем? Не скажу, чтобы этот туман мне не нравился, но все же хочется, чтобы он не забивал запаха дыма от нашего костра. С детства люблю запах горящих веток медоносного дерева. Жаль, оно такое дорогое, а то бы я жег подобные костры хоть каждый день. Уйдем, а?

— Да ты спятил, — снова засмеялась девчонка. — Убегать от тумана? Да его через несколько минут развеет ветер. Опять же, переносить костер... Давайте останемся здесь.

— И все же сделаем именно так. — Парень, который начал разговор, решительно встал. — Прямо сейчас. Моя мамаша, она, конечно, как и все женщины, особым умом не блещет, но как-то в детстве она рассказывала мне о туманах и говорила, что есть среди них такие, в которых люди испытывают страх. Это туманы вредные, и в них задерживаться надолго нельзя.

— О-го-го, так, стало быть, твоя маменька разбирается в туманах? — насмешливо сказала девица. — Может быть, ты еще веришь в дедовские суеверия?

— Да, верю, — решительно промолвил парень и, наклонившись, взял бутылку. — И мы сейчас же перенесем костер метров на сто дальше по улице. Не

забывайте, ветки медового дерева, из которых он сложен, покупал я.

Девушка с русой косой хотела сказать еще что-то язвительное, но тут другая девушка, как раз в этот момент собиравшаяся вертеть бутылочку, проговорила:

— Да ладно, чего ты к нему привязалась? Халборну не нравится туман. Это его полное право. Давайте и в самом деле перенесем костер. Разве трудно? Кстати, мне тоже этот туман не нравится. Он мешает следить за окнами вон того дома. А в нем живет продавец растительного молока. Тот еще тип. Видели бы вы, какими масляными глазками он смотрит на меня, когда приносит нам молоко! Нет, я ему сегодня устрою, ух, устрою! Вот, а из-за тумана я могу пропустить момент, когда пора будет начинать. Так что давайте перенесем костер.

И в подтверждение своих слов она схватила большую охапку веток медового дерева, лежавшую неподалеку от костра.

— А что? Перенесем! — поддержал ее кто-то из юнцов.

Сказано — сделано. Через несколько минут юноши и девушки перенесли костер шагов на сто дальше. Подкинув в него несколько веток, они опять расселись кружком и продолжили веселье.

«Ну и ладно, — подумала Лисандра. — Ну и хвост динозавра вам в руки. Конечно, можно было бы вас подразнить, погоняться за вами... но не буду. Я здесь для другого».

Чтобы больше не пугать юнцов, она даже передвинулась от них подальше, шагов на пятьдесят. Теперь она захватила своим телом перекресток и могла наблюдать сразу за двумя улицами.

За последующие полчаса через этот перекресток прошел патруль дэвов. Вид у стражей порядка был довольно-таки беспечный. Они прекрасно знали, что в такую ночь ничего слишком уж трагичного произойти не могло. Пробежали две девчушки, толкая

друг друга локтями и хихикая. Потом появился какой-то пьяный бродяга. Он брел, пошатываясь, стараясь как можно шире ставить ноги.

Лисандра чуть было не польстилась на него. Все-таки насытиться-то ей было нужно! Но тут она по запаху изо рта бродяги определила, что тотпил чесночную настойку, и ей едва не стало дурно.

Будь бродяга потрезвее, он бы страшно удивился. Стоило ему войти в туман, как тот вокруг него раздвинулся на расстояние по крайней мере метра.

Дальше стало еще интереснее.

Пока бродяга шел через туман, тот поспешно перед ним раздвигался и почти сразу же смыкался за его спиной. Бродяга прошел через туман, словно в колпаке чистого воздуха.

Больше за полчаса через перекресток не прошел никто.

Лисандра уже начала подумывать, не перебраться ли ей на другой перекресток, когда послышались шаги еще одного человека. Это был парень лет восемнадцати. Худой, длинный, нескладный. Он неторопливо приближался к перекрестку. Стоило взглянуть на его лицо, как все становилось предельно ясно. Очевидно, юноша был из тех застенчивых, нескладных, все время попадающих впросак типов, которых не принимает к себе ни одна компания.

Похоже, он ушел из дома, желая доказать самому себе, что тоже способен участвовать в ночи преступной любви, но так ни к одной компании и не прибил. Это Лисандру более чем устраивало.

До утра паренька никто не хватится. Такой подарок судьбы упускать было нельзя.

Она подождала, пока парень не вошел в ее тело, и мгновенно материализовалась за его спиной.

Когда воздух вокруг него неожиданно стал чистым, юноша от удивления остановился. Он хотел было обернуться, но в этот момент Лисандра схватила его сзади за шею. Легкое нажатие на нужную точку, и юноша потерял сознание.

Не дав ему упасть на мостовую, вампириша взвалила бесчувственное тело на плечо и юркнула в ближайший проходной двор. Оказавшись в проходном дворе, она опустила тело на покрывавшую его брусчатку и прислушалась.

Нет, вокруг все было тихо. Никто ничего не услышал.

Чувствуя, как ее тело бьет дрожь предвкушения наслаждения, вампириша закатала на правой руке юноши рукав куртки. Безошибочно определив, где находится вена, она осторожно надкусила ее и стала с наслаждением глотать кровь.

Выпив вполне достаточно, чтобы утолить голод, Лисандра прикинула, что с этого парня хватит. Конечно, она слегка переборщила, но все-таки потеря той крови что она успела высосать, юношу не убьет. Наверняка ему придется с недельку полежать в кровати, но это не такая уж большая плата за встречу с вампиром.

Она удовлетворенно фыркнула и вытерла ладонью губы.

Все-таки когда желудок полон — окружающий мир кажется гораздо лучше, чем он есть на самом деле.

Теперь надо было придумать, что сделать с ее жертвой.

Лисандра была уверена, что, очнувшись, он так и не сможет толком объяснить, что же с ним произошло. Ну, шел себе по улице и вдруг ни с того ни с сего потерял сознание. А когда очнулся...

Да, очнулся...

Быстро оглядевшись, Лисандра обнаружила разбитую бутылку. Вытащив из кучки осколков наиболее подходящий для того, что она задумала, вампириша сделала им разрез на руке юноши, как раз там, где был след от ее зубов. Отшвырнув осколок в сторону, она наклонилась и несколько раз лизнула ранку.

Порядок, теперь кровь из нее больше не будет течь. Лисандра не любила убивать просто так, без всякого повода. Тем более потенциальных жертв. Парень от-

лежится, восстановит силы, кровь, и тогда где-нибудь через месяц с ним можно встретиться снова.

А утром... Ну что ж, утром, очнувшись, парень подумает, что потерял сознание и, упав на мостовую, поранил себе руку. Поскольку Лисандра полизала ему руку, он не только не потеряет даже капли лишней крови, но наверняка и не заметит этой ранки. По крайней мере пока не вернется домой и не снимет куртки.

А там, дома, он и не подумает о такой мелочи, как отсутствие на мостовой крови, которая должна была вытечь из ранки.

Осторожно расправив закатанный рукав курки, Лисандра бросила последний взгляд на неподвижно лежавшего на мостовой парня и вернулась на улицу.

На этот раз она превратилась в туман гораздо быстрее. Ей для этого хватило и полминуты. Благодаря тому, что она насытилась, туман получился несколько более густым, но вампиру это не беспокоило ничуть.

Сейчас, на полный желудок, можно было заняться и охотой на соперника. Откуда-то Лисандра знала, что она будет удачной. Она чувствовала это и заранее предвкушала тот момент, когда выследит соперника.

Убьет она его или, наоборот, попробует с ним подружиться, чтобы научить уму-разуму? Этого вампира еще не знала.

«Там видно будет, — подумала она. — Как получится».

8

Младший маг осторожно открыл глаза и посмотрел на свои нити судьбы. Похоже, задуманное ему почти удалось. Вот только в той нити, которая тянулась от его правой ноги, было слишком много зеленоватого оттенка.

Это нужно было исправить. Любой лендлорд этот оттенок заметит сразу, и тогда... страшно подумать.

Тут не отделаешься ударом по затылку деревянным кубиком.

Младший маг снова закрыл глаза и сосредоточился. Тщательно, старательно используя те навыки, которые приобрел за время своего ученичества, он представил выходящие из его тела линии, нашел среди них одну второстепенную, ту, которая отходила от правой ноги, и попытался убрать из нее зеленый оттенок.

Мысленно это ему удалось без большого труда.

А как в реальности?

Младший маг снова открыл глаза.

В самом деле зелени в его нити стало гораздо меньше, значительно меньше, но все же... Нужно было повторить операцию деформации цветов линий судьбы по крайней мере еще раз.

Он это сделает. Благо, какое-то время у него есть. Все-таки деформация второстепенных, отвечающих за текущие события нитей — не такая уж сложная задача, как, например, попытка деформировать первостепенные. Он слышал, что цвет первостепенных линий может изменить даже не каждый черный маг. Конечно, кое-кому это удастся, но только на очень короткое время.

А второстепенные... Такая задача по плечу даже ему.

Прилежно закрыв глаза, младший маг провел всю операцию еще раз, причем в этот раз он старался гораздо сильнее, чем в предыдущий, действительно на полном пределе сил.

Опять оглядев нить, он убедился, что проклятая зелень исчезла из нее начисто.

С трудом удержавшись, чтобы не завопить от радости, он все же ограничился лишь легким удовлетворенным вздохом.

Вот так! Все-таки из него еще получится толк. И быть, быть ему черным магом!

Он еще раз полюбовался нитью, над которой так славно потрудился, и прислушался. Со стороны двор-

ца первого лендлорда не доносилось ни звука. Это было не так уж и плохо. Похоже, первый лендлорд погрузился в свои философские размышления. А если так, то это означало что у него есть часа два-три свободного времени. Их надо было использовать с максимальной выгодой.

Младший маг хитро улыбнулся. Уж он это сумеет. В первый раз, что ли?

«Только как бы не встретиться с другими младшими магами, — подумал он. — И совсем это мне сейчас ни к чему. Еще поймут по моим линиям судьбы, что мне стали известны кое-какие новости, и тогда — все, не отвяжутся».

Осторожно оглядываясь, он выбрался из кустов возле дворца первого лендлорда и поспешно пошел в сторону мельницы. Дорогу к ней оживленной назвать было никак нельзя, и это младшего мага вполне устраивало.

В действительности младших магов в долине находилось не более двух десятков. Для того чтобы обеспечить их мукой, мельница работала лишь время от времени и очень недолго. Что касается лендлордов и других обитателей долины, то они в муке не нуждались.

Таким образом, направляясь к мельнице, младший маг мог вполне уверенно сказать, что никого на дороге к ней не встретит.

«Вот и отлично», — подумал он.

Настроение у него было такое безоблачное, что он даже позволил себе, когда дворец первого лендлорда скрылся за деревьями, проскакать шагов десять вприпрыжку. Конечно, после этого он опомнился и перешел на размеренный, более приличествующий ученику лендлордов шаг, но от этого настроение его ничуть не ухудшилось.

«Обычно, — рассуждал он, — всякие лохи и неудачники попадают лишь потому, что не знают меры. Кто-нибудь из них, оказавшись сейчас на моем месте, не удержавшись, пробежал бы вприпрыжку с

километр. Хоп — и в его нитях судьбы появились определенные оттенки. А избавиться от оттенков, возникающих в результате скачков вприпрыжку, чрезвычайно трудно. Кстати, как и от всех других оттенков, возникающих от быстрого движения.

Таким образом, лох и неудачник влипнет. Он вернется во дворец, и, конечно же, оттенок его нитей привлечет внимание лендлорда. Тот, естественно, поинтересуется, не бегал ли лох вприпрыжку.

Лоху ничего не останется, как сказать, что да, бегал. Тут лендлорд спросит его: а куда он, собственно, бегал? И все! Амба! Конец! Был лох, и не стало лоха».

Еще немного подумав на эту тему, младший маг не без удовольствия признал, что он не такой. Совсем не такой. Он еще всем им покажет. Они узнают у него кузькину мать.

Дорога, по которой он шел, петляла между деревьями. С одного из них свешивался хвост древесного ползуна. Ловко прыгнув к дереву, младший маг ухватил пучок нитей судьбы ползуна и попытался стянуть того с дерева. Древесный ползун раздраженно зашипел и вцепился когтями в ветку, на которой сидел.

Младший маг хитро улыбнулся.

Ничего, он знает, что делать в таком случае. Нужно отделить от пучка те нити, которые тянутся от лап ползуна, и, потянув за них особым образом, заставить того отцепиться от ветки.

Это будет неплохой тренировкой, причем одной из тех, которые одобряют лендлорды.

Он так и сделал. Ему понадобилось не больше минуты, чтобы отделить от пучка четыре нити почти одинакового цвета и резко потянуть за них. Ползун отцепился от ветки и рухнул вниз. И все же младший маг допустил ошибку.

Правда, понял он это слишком поздно. Извернувшись в воздухе, ползун расцарапал ему щеку когтями. Младший маг от неожиданности отпустил его нити

судьбы, и зверек в ту же секунду с раздраженным фырканием скрылся в кустах.

Схватившись за щеку, младший маг яростно выругался.

Нет, какой он все-таки кретин! Надо было дернуть еще за одну нить и, прежде чем стаскивать древесного ползуна, хотя бы его обездвигить. И это тот, кто вот-вот станет черным магом! Кошмар, просто кошмар.

Он вернулся на тропинку и, сокрушенно покачивая головой, отправился дальше. Он клял себя и сокрушался по поводу собственной бестолковости еще добрых шагов пятьдесят.

Сделав их, младший маг сосредоточился на царапинах и на протяжении еще пятидесяти шагов заставлял их исчезнуть. Проведя рукой по щеке и убедившись, что на ней не осталось и следов от царапин, он удовлетворенно крикнул.

Все-таки он что-то умел. А в следующий раз он этому древесному ползуну еще покажет. Он его заставит падать с дерева и взбираться на него раз десять, не меньше.

День был чудесный, на небе ни облачка, от то и дело попадававшихся сугробов веяло приятной прохладой. И вообще он шел по очень серьезному делу, которое должно было принести довольно неплохие барыши. Если только он поведет себя правильно и сумеет договориться с водяником, живущим на мельнице.

Почему-то младшему магу казалось, что он это сумеет. И вообще он вдруг снова поверил, что все будет в лучшем виде. А этот древесный ползун... Ну, он ему еще попадется. И узнает.

Дорога теперь бежала между поросших тонкими молодыми деревцами холмов. До мельницы оставалось рукой подать.

Младший маг несколько приободрился и даже пробежал еще десять шагов вприпрыжку. Вовремя перейдя на неторопливый шаг, он поднялся на очередной

холм и наконец увидел реку, а также стоявшую возле нее мельницу.

Спустившись с холма, он неторопливо, прикидывая, с чего начнет разговор с водяником, прошел по плотине. Построена она была из могучих стволов слезкиного дерева, которые, как известно, в воде совершенно не гниют.

Миновав плотину, младший маг подошел к мельнице и некоторое время ее внимательно рассматривал. Похоже, водяник был дома. Младший маг осторожно постучал в дверь мельницы.

Некоторое время за ней было тихо, потом послышался булькающий, недовольный голос:

— У вас что, у всех разжижение мозга? Я же только три дня назад смолот очередную порцию зерна и теперь отдыхаю.

Водяник был страшно ленив.

— Это я, — осторожно сказал младший маг. — И по делу.

Некоторое время за дверью было тихо, потом слышался скрип отодвигаемых засовов. Дверь осторожно приоткрылась, и из-за нее высунулся на стельке большой, размерами с блюдце глаз. Некоторое время он изучал младшего мага, потом спрятался обратно.

— Стало быть, ты пришел по делу, а?

— Ну конечно. У меня к тебе довольно серьезное дело. Можно даже сказать, деловое предложение.

— Деловое предложение? Это я люблю. Кстати, оно очень деловое?

— Достаточно.

— Гм.

«Он заглотил наживку, — подумал младший маг. — Теперь главное — не торопиться».

Он знал, что разговор с водяником ему предстоит тяжелый. И главное — еще впереди. Сторговаться с водяником так, чтобы не остаться в проигрыше, очень непросто. А младшему магу даже этого было мало. Он хотел остаться в выигрыше. И выиграть много.

Дверь скрипнула еще раз, и в ее проеме наконец-то появился водяник. Больше всего он смахивал на большую, метра три высотой, каракатицу, которая вдруг, ни с того ни с сего научилась передвигаться по суше. И глаза... у него их было две пары, на длинных узких стебельках.

Солнца водяник просто не переносил, но и на мельницу никого пускать не желал. Именно поэтому он устроился в проеме двери. И в тенечке, и гостю вроде бы незачем заходить на мельницу.

Итак, водяник показался в проеме двери мельницы. Его четыре глаза испытующе уставились на гостя.

Тот слегка поежился. Все-таки, когда на тебя внимательно смотрят четыре таких больших глаза, поневоле почувствуешь себя не в своей тарелке.

«Ладно, хватит, — подумал младший маг. — Если я сейчас не смогу овладеть собой, не видать мне того, за чем я пришел, как своих ушей».

Он мысленно произнес формулу овладения сознанием и вспомнил ее правильно, потому что вдруг почувствовал себя гораздо увереннее.

— Ну, давай выкладывай свое дело, — сказал водяник. — И если ты меня обманул, придется мне засунуть тебя под мельничное колесо. Чтобы другим было неповадно приходить сюда по пустякам.

— Не беспокойся, — заверил его гость. — Дело действительно серьезное и прибыльное. Только сначала мне хочется, чтобы ты пообещал держать наш разговор в тайне, независимо от того, договоримся мы с тобой или нет.

— А не слишком ли многого тебе хочется?

— Может быть, и многого. Только учти, я и риску многим. По сравнению с тем, что могу получить. Поэтому мне бы хотелось сделать этот риск минимальным.

— Другими словами, ты хочешь переложить часть этого риска на меня.

— Ни в коем случае. Я просто хочу уменьшить риск для себя. На тебе это никак не отразится.

— Хм... Да?

— Ну конечно.

Водяник, словно борец, оценивающий силу противника, бросил на собеседника испытующий взгляд. Наконец он сказал:

— И ты, стало быть, можешь мне это гарантировать?

— Могу.

— И даже можешь в этом поклясться?

Вот тут уже замолчал младший маг. Не хотелось ему давать водянику никаких клятв. Он ничуть не сомневался, что тот сможет вывернуть каждое его слово по собственному разумению и использовать против него же. Уж это-то хозяин мельницы умел.

— Конечно, могу, — наконец заявил младший маг. — Но неужели твое недоверие ко мне так велико, что я обязан подтверждать каждое свое слово клятвой? Если так, то давай закончим наш разговор прямо сейчас. Разве можно иметь какие-то дела с тем, кто тебе так не доверяет?

— Почему? — Водяник поводил щупальцем возле глаз, потом почесал второй слева. — Почему ты так решил? Уверяю тебя, мой юный друг, я доверяю тебе так, как вообще можно доверять людям. И просил поклясться только по привычке.

— Так, может быть, если ты и в самом деле считаешь меня своим другом, — вкрадчиво промолвил младший маг, — ты все же не будешь заставлять меня клятвенно подтверждать каждое мое слово?

Наплевать ему было на все клятвы. Понадобись, он мог бы клясться хоть каждые две минуты. Дело было в другом. Если он сейчас не поставит на место водяника, тот к концу разговора вообще сядет ему на шею.

Водяник улыбнулся. Клыки у него были длинные, острые, в два ряда, как у акулы.

— Конечно, ты прав. Я больше не буду требовать от тебя пустых клятв. Но если уж я записал тебя в число своих друзей, то считаю себя вправе рассчиты-

вать на большую откровенность. Не желаешь ли ты рассказать мне, в чем дело?

Младший маг вздохнул. Кажется, приближался самый ответственный момент. Если водяник посчитает, что овчинка не стоит выделки, он зря потратил свое свободное время. Останется только попробовать что-то содрать с других младших магов. Но большой выгоды с них не поимеешь.

— Я хочу, чтобы ты, — сказал он, — передал кое-какие сведения черному магу из города Ванхнила. Эти сведения будут оплачены, и очень щедро. Предлагаю разделить плату пополам.

Крайний справа глаз водяника задумчиво прищурился.

— А другим путем эти сведения ты доставить не можешь?

— Ты хорошо знаешь, что нет. Без ведома ленд-лордов из нашей долины можно выбраться только по этой реке. Да и то лишь твоим посланцам.

— Ага, стало быть, эти сведения касаются ленд-лордов?

Младший маг вздохнул. У него было ощущение, что он сейчас должен нырнуть головой вниз в глубокий омут, из которого уже не выплывет.

— Да, — тихо сказал он. — Именно так.

— Хм.

На этот раз водяник замолчал надолго. Его глаза смотрели на младшего мага, как будто тот был необычайной редкостью. Тот почувствовал себя очень неудобно.

«А вдруг водяник тоже может видеть линии судьбы? — подумал младший маг. — Кто его знает, эту сухопутную каракатицу?»

— Стало быть, ты считаешь себя большим хитрецом, а?

Младший маг потупился.

— Где уж... Если точнее, то не совсем глупым человеком.

Водяник немного помолчал. Вдруг его правый глаз подмигнул младшему магу.

— Я слышал, что лендлорды могут знать, о чем думает тот или иной человек. Правда?

— Да.

— Как же ты рассчитываешь сохранить наше приглашение в тайне?

— Я уже почти черный маг. А у черных магов на этот случай есть свои методы.

— Стало быть, у черных магов есть от лендлордов какие-то секреты?

— Почему бы и нет? У слуг всегда есть секреты от своих хозяев.

— А бывает и так, что когда этих секретов накапливается много, то хозяева и слуги меняются местами. Не правда ли?

— Ну, это уже слишком, — осторожно сказал младший маг. — Слуги всегда остаются слугами, а хозяева — хозяевами. Так устроено, и не нам это менять.

Он чувствовал себя так, будто падал, летел, и ни в какой не в омут, а в самую настоящую медвежью яму, на дне которой острые колья.

— Вот и я так считаю, — промолвил водяник. — Пусть слуги остаются слугами, а хозяева — хозяевами.

— Уверен, это пожелание касается и тех, кто заботится о своей выгоде, — как бы про себя сказал младший маг.

Водяник моргнул сразу всеми глазами и взмахнул щупальцем.

— Ладно, я передам эти сведения. Причем половина прибыли — твоя. Решено.

Младший маг остолбенел.

Даже в самых смелых мечтах он не рассчитывал на такую легкую победу. С трудом овладев собой, младший маг улыбнулся так, как и было нужно, слегка радостно, слегка сдержанно, давая этой улыбкой понять, что на иное он не рассчитывал.

Водяник взмахнул щупальцем и проговорил:

— Но при одном условии...

Улыбка младшего мага увяла.

— Да?

Водяник снова улыбнулся.

— Я, конечно, понимаю, что в этом мире слуги и хозяева местами не меняются. И все же иногда случаются очень странные вещи. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Кажется... — выдавил из себя младший маг.

— Так вот, мне хочется, чтобы, если вдруг в ближайшем будущем все же произойдет одна из таких невозможных вещей, я мог бы рассчитывать на то, что у меня есть некоторые друзья, которые помнят, что именно я для них сделал. Ты понимаешь?

— Еще бы, — кивнул младший маг.

— Ну вот и хорошо. Хотя, еще раз повторяю, подобное случается очень редко. Но все-таки... случается. Говори, что ты хотел передать черному магу из города Ванхнила.

Младший маг подумал, что водяник все-таки чудовищно умен. Иногда даже слишком. Так, что никто из окружающих его не понимает вовсе.

«А так ли? — размышлял младший маг. — Для чего какой-то черный маг платит большие деньги за сведения о лендлордах? Для чего ему нужно позарез знать о них как можно больше? Да для того, чтобы в нужный момент использовать эти сведения себе на пользу.

Правильно и логично».

Однако ему показалось, что водяник имеет в виду что-то другое, более серьезное. Вот только что именно, пока не мог сообразить.

— Давай, — поторопил его водяник.

Младший маг вздохнул и четко, без запинки отбарабанил те сведения которые собирался передать черному магу. Когда он замолчал, водяник несколько раз мигнул самым правым глазом и промолвил:

— Понял и хорошо запомнил.

— Все, — развел руками младший маг.

— Вот и отлично! — Водяник еще раз продемонстрировал зубы. — А теперь, дружок, не пора ли тебе отправляться обратно? Будет очень нехорошо, если твое отсутствие заметят лендлорды.

— Да, да, конечно. — Младший маг потоптался на месте, но уходить не стал.

— Да не волнуйся ты, — успокаивающе проговорил водяник. — Твои сведения дойдут куда надо. Мои слуги об этом позаботятся. Приходи через три-четыре дня. Думаю, сразу и получишь половину своей платы. Усек?

— Усек.

— Ну и отлично. А мне пора. Что-то солнце сегодня жаркое.

Водяник взялся за дверь шупальцем и осторожно ее закрыл. Младший маг повернулся и пошел по дороге прочь от мельницы. В голове у него одна за другой, как бешеные, скакали разные мысли.

«Нет, так нельзя, — наконец решил он. — Давай-ка, братец, успокаиваться. Если в таком виде явиться к первому лендлорду, он моментально все поймет. Тебе надо срочно успокоиться».

Он остановился и, внимательно оглядев свои нити судьбы, пришел к выводу, что они никуда не годятся. В самом деле с такими нитями на глаза лендлорду не стоило и показываться.

Значит, над ними нужно было поработать.

Следующие двадцать минут он потратил на нити. Наконец, приведя их в порядок, младший маг удовлетворенно вздохнул и пошел по дороге дальше.

«А сделку с водяником, — думал он, — я обмозгую ночью, когда другие младшие маги заснут. Надо только будет проследить, чтобы никто из них не проснулся и по моим нитям судьбы не определил, что я думаю о чем-то ужасном и преступном. Если это случится, как пить дать, доложат лендлордам. Ну, ничего, уж я постараюсь, чтобы они спали крепко, как убитые. Есть средство».

Он подумал о бутылочке с соком травы сплюшки, спрятанной как раз на такой случай в укромном уголке. Стоит добавить несколько капель этого сока в напиток из трав, который перед сном пьют все младшие маги, как ночью никто из них не проснется, пусть даже под ним загорится постель.

— Так я и сделаю, — пробормотал младший маг.

Дорога снова привела его ко дворцу первого лендлорда. Младший маг прикинул, что вернулся как раз вовремя. Пора было приниматься за очередную уборку.

Войдя во дворец, он вооружился ритуальной метелочкой и отправился в главный зал.

На этот раз первый лендлорд был один. Он неподвижно лежал на своем ложе и, похоже, о чем-то напряженно думал. Об этом говорило то, что, войдя в зал, младший маг не получил, как обычно, деревянным кубиком по голове. Это было даже как-то непривычно.

Чувствуя легкую радость, младший маг занялся уборкой. Равномерно переходя от одной скульптуре к другой, он орудовал ритуальной метелочкой и старался думать о чем-нибудь постороннем.

Давалось это ему почти без труда. Сказывалась долгая тренировка.

Вдруг послышался короткий гудок. Одна из нитей судьбы лендлорда схватила коробочку дальносвязи и протянула ее хозяину.

— Что случилось? — спросил в нее первый лендлорд.

Некоторое время он слушал, потом спросил:

— Вы уверены что эта коробочка принадлежала именно серому магу?

Видимо, ему ответили утвердительно, поскольку первый лендлорд спросил:

— И она приближается к нашей долине?

Видимо, и второй ответ был утвердительным.

Лендлорд задумался. Младший маг понял это по тому, как слегка изменился цвет его нитей судьбы. Наконец лендлорд сказал:

— Не думаю, что это может быть серый маг. Очевидно, это тот, кто его убил, — наш враг. И он, пользуясь коробочкой, как компасом, идет к долине. Его нужно остановить.

На этот раз он слушал своего собеседника долго. Когда тот закончил, лендлорд промолвил:

— Нет, это не пойдет. Если бы тот, кто завладел коробочкой серого мага, был способен попасться в такую ловушку, мы бы его уже давно поймали. Поэтому мы сделаем не так. Черные маги будут за ним только следить, не больше. Никакой черный маг не может покинуть свой город и свою сеть. А нам нужен кто-то мобильный, способный быстро передвигаться и перехватить врага до того, как он окажется в опасной близости к долине. Для этого поручения нам требуется кто-то быстрый, ловкий, обладающий способностями черного мага и его силой, но одновременно черным магом не являющийся...

Линии судьбы первого лендлорда на секунду почернели, как антрацит.

— Да, — сказал он в коробочку. — Я, кажется, придумал, где мы достанем такого слугу. И лучше всего послать его сейчас же. Учтите, враг, который приближается к долине, убил черного мага, может быть, даже не одного. Кроме того, он справился с серым магом. А иначе откуда бы у него была коробочка дальности? Так вот, я уже сказал, что придумал, кого мы пошлем, чтобы его остановить.

Первый лендлорд помедлил секунду, а потом сказал, кого именно он пошлет навстречу приближавшемуся к долине магов врагу.

9

Вслед за городом на болоте вновь потянулся густой лес.

— Как ты думаешь, удастся нам сегодня найти ночлег? — спросил Христиан.

— Не знаю, — ответил Хантер. — Может быть, и удастся. А если и не получится... Ничего, переночуем под кустом. Разве в первый раз? По крайней мере некому будет обвинить нас в том, что благодаря нам будущий урожай будет неудачным.

— Это правильно. Чтобы у жителей болотного рода вместо пшеницы на полях выросли сплошь сорняки.

Солнце уже склонялось к горизонту. До темноты оставалось не более двух часов. Отбрасываемые стволами деревьев тени слились в непроглядную черноту.

Охотник вытащил из кармана черные очки и осмотрел их. Убедившись что в схватке они уцелели, он облегченно вздохнул.

Христиан бросил на очки заинтересованный взгляд и спросил:

— А когда такие будут у меня?

— Это еще зачем? — Хантер едва заметно улыбнулся и спрятал очки в карман.

— Я имел в виду... вот у тебя в темноте глаза светятся, и, чтобы не пугать людей, ты должен носить эти очки. А когда такое произойдет со мной? Раз я буду охотником, то с моими глазами должно произойти то же самое. Значит, мне скоро понадобятся очки.

— Не скоро, — сказал Хантер. — Еще года через три. Это связано не только с тем, кем ты являешься, а еще и с возрастом. Вот когда тебе исполнится пятнадцать-шестнадцать лет... Давай не будем загадывать на такой большой срок. Ладно?

Христиан огорченно вздохнул и все же мужественно ответил:

— Хорошо, договорились. Ну, хоть поносить-то дай.

— Вот подзатыльник я тебе хороший дам, — проворчал Хантер. — Еще разобьешь случайно... А хорошие черные очки не так-то легко достать.

— Жадина, тухлая диплодонятина... — затынул было Христиан, но, поймав взгляд охотника, осекся и замолчал.

Послышался шум мотора, и на дороге показалась ехавшая в сторону болотного города грузовая машина. Борта и кабина ее были размалеваны знаками от сглаза и порчи, кузов был затарен до предела деревянными ящиками и бочками.

Когда машина проезжала мимо, Хантер успел заметить, что в кабине кроме водителя, что-то оживленно рассказывавшего, сидит девица в открытом платье и большой соломенной шляпе.

— Знаешь, — сказал он Христиану. — А ведь сегодня ночь любви.

— Ага, — кивнул мальчишка. — Ну и что?

— Как думаешь, будут жители болотного города ее праздновать как положено? Учитывая, сколько у них сегодня погибло людей.

Мальчик задумался, потом решительно тряхнул головой.

— Будут. Обычай есть обычай. Что бы в предыдущую ночь ни произошло, законы наступающей должны соблюдаться неукоснительно.

— Вот и я так думаю. А это означает, что погони за нами не будет. Кто же в ночь любви будет устраивать погоню?

— Правильно. И спешить совсем некуда. Давай устроим привал. И поедем. Вон, кажется, впереди ручеек.

— Прежде всего нужно добыть еду.

— Ничего, что-нибудь придумаем.

Через ручеек был проложен еще довольно крепкий деревянный мост. Не дойдя до него шагов десять, два странника свернули направо и пошли по берегу. Удалившись от дороги шагов на двести, они обнаружили небольшую полянку, на которой совсем не было сугробов.

— Здесь, — сказал Хантер.

Христиан огляделся и удовлетворенно кивнул.

— Пойдет. Самое главное, место очень удобное. Даже если мы разожжем костер, с дороги его не будет видно, закроет излучина реки. Теперь бы раздобыть

чего-нибудь поесть... Хотя, стоп, я, кажется, что-то придумал.

Мальчик нашел длинную, средней толщины палку, вытащил из кармана крепкий сыромятный шнурок и крепко примотал им к концу палки нож. Получилась самодельная острога.

— Пошел ловить рыбу! — крикнул он Хантеру.

— Темновато уже.

— Ничего, все равно наловлю. А в этом ручье кто-то да должен водиться.

Он убежал к ручью, а охотник стал собирать хвост. Набрав кучу, которой, по его мнению, должно было хватить на всю ночь, он развел небольшой костер и стал ждать возвращения мальчика.

Солнце садилось. Ветер играл дымком костра, дул то с одной стороны, то с другой. Казалось, он делал это специально, потому что Хантеру то и дело приходилось пересаживаться. Он не любил, когда дым попадал ему в лицо.

Впрочем, кто это любит?

Из ближайших кустов выглянуло зеленое личико гамадриады. Было оно, как и положено, слегка печальное, но молодое и свежее. Стало быть, с деревом, в котором эта гамадриада жила, было все в порядке. Личико пропало, и Хантер подумал было, что зеленокожая гостья ушла, но спустя минуту из кустов вылетел небольшой камешек и упал в костер. В воздух взвились искры.

Хантер встал и подошел к кустам поближе. Он знал, что гамадриада все еще здесь, и, стараясь, чтобы голос у него звучал как можно почтительнее, проговорил:

— Я приветствую тебя, властительница дерева. Я знаю, тебя беспокоит наш костер. Но могу заверить, что он останется таким же маленьким, какой сейчас. Я не допущу чтобы он вырос и съел твоё дерево. Утром, прежде чем уйти, я его затушу так тщательно, что не останется ни огонька, ни струйки дыма.

Гамадриада молчала. Хантер взгляделся и наконец-то различил в сплетении ветвей ее зеленое задумчивое лицо. Вот гамадриада подняла с земли еще одну ветку, но потом решительно ее отбросила и улыбнулась.

Хантер вздохнул облегченно.

— Только знай, — послышалось из кустов, — если ты меня обманешь, духи леса найдут тебя и покарают.

— Я не обману тебя, — сказал охотник.

Посмотрев на то, как гамадриада уходит, Хантер вернулся к костру и снова уселся возле него. Он ничуть не сомневался, что хозяйка дерева еще вернется. Немного погодя, когда станет совсем темно. Но только ничем плохим это для них не кончится. Гамадриада вернется, чтобы за ними понаблюдать. Все представительницы рода гамадриад — жутко любопытные.

Христиан вернулся, когда из-за горизонта показывался лишь самый краешек солнца.

— Смотри! — радостно закричал мальчик.

На сделанном из ветки кукане у него висело несколько крупных рыб. Большую часть их тела, за исключением хвоста, закрывали кожистые панцири.

— Ого, ландскнехтики! — обрадовался и Хантер. — Говорят, они очень вкусные.

— А вот сейчас мы это узнаем.

Христиан отвязал нож от палки, спрятал шнурок в карман и стал потрошить рыбу. Делать это было не так-то уж легко. Кожаный панцирь с трудом поддавался даже остро наточенному лезвию. Тем временем Хантер заготовил несколько подходящих палочек. Отодвинув в сторону горящие ветки, обнажил угли. Нанизав рыбу на ветки, охотник и его ученик принялись ее жарить.

Принюхиваясь к исходящему от рыбы вкусному аромату, Хантер сказал:

— Тут гамадриада приходила. Ты смотри, с костром поаккуратнее. Чтобы не сильно разгорелся. И утром, уходя, надо его хорошо потушить.

— Это мы сделаем, — согласился мальчик. — С духами леса путнику ссориться никакого резона нет. Только себе во вред.

Он перевернул рыбину к огню другим боком и спросил:

— А как же оборотни?

— В каком смысле?

— Что мы будем делать, если они на нас ночью нападут?

— Вряд ли, — ответил охотник. — Оборотни остались на той стороне болотного города. Чтобы попасть сюда, им нужно перебраться через болота. Я не думаю, что они попытаются это сделать.

— А через город?

— Так там же сегодня ночь любви. Там такой шум и тарарам стоят — любой оборотень убежит, поджав хвост.

— Тоже верно.

Христиан внимательно осмотрел рыбину.

— Кажется, готова.

— И у меня.

— Тогда чего мы медлим, давай есть. Мне кажется, у меня в желудке сейчас устроили шабаш все ведьмы этого мира.

— У меня — тоже.

Рыба оказалась и в самом деле вкусная. Съев по рыбине, путники поджарили себе еще. Так они и действовали, пока кулан не опустел.

Христиан похлопал себя по животу и лег возле костра. Вид у него был очень довольный. Хантер прилег с другой стороны костра, благо ветер прекратил свои штучки и дым от него теперь поднимался строго вверх. Пошарив по карманам, охотник вытащил сигарету и закурил.

Он уже докуривал сигарету, когда со стороны ближайших кустов прилетел снежок и выбил у него из руки окурок.

Хантер покачал головой и вытер мокрую ладонь о куртку.

«Насколько я знаю, — подумал он, — гамадриады снег недолюбливают. И все же нашла поблизости сугроб, слепила и кинула. Интересно».

Христиан было приподнялся на локте и стал оглядываться, но Хантер махнул рукой.

— Лежи, лежи. Просто шуточки нашей знакомой, хозяйки дерева.

— А-а-аа...

Мальчик устроился поудобнее у костра и стал смотреть в огонь. Лицо у него было задумчивое и в то же время удивительно безмятежное.

Костер потрескивал. В ручье плескались ландскнехтики. Вдалеке слышались тяжелые шаги какого-то динозавра. Вот они стихли, но несколько минут спустя зазвучали вновь, на этот раз удаляясь.

— И все равно не могу я этого понять, — сказал Христиан.

— Чего именно?

— Ну вот, черные маги. Да, конечно, живут они в роскоши. Имеют все, что только пожелают. Но ведь они абсолютно одиноки, у них нет ни одного друга. Никого, кто мог бы их по-настоящему любить. Ладно, даже не это... У них нет никого, с кем они могли бы просто пообщаться. Только рабы, которые, я уверен, втайне их ненавидят. Неужели им такая жизнь нравится?

— Может быть, — сказал Хантер. — Вполне может быть.

— Но как же?

— Да очень просто. Мне кажется, они просто боятся, страшно боятся обыкновенных людей. И даже рабов, тех, кто попал под их контроль. Они боятся всех людей так, что без устали наращивают и наращивают свои сети, стараясь обезопасить себя от всего, от всех. Страх — это штука жуткая.

— Ну хорошо, а что ты рассчитываешь обнаружить там, куда мы идем? В том месте, которое обозначено на твоём приборчике неподвижной точкой?

— Не знаю, — пожал плечами Хантер. — Скорее всего, ответы на кое-какие вопросы. Я хочу узнать, откуда берутся черные маги. Может быть, удастся сделать так, чтобы они больше не появлялись. А для этого нужно знать то, чего мы сейчас не знаем. Если же черных магов не остановить, то лет через десять этот мир попадет под их контроль окончательно. И тогда все, кто в нем живет, станут их рабами.

— Да, это будет страшно, — промолвил Христиан.

— Еще бы. Вот поэтому мы и отправились в путь. Поначалу я думал, что черные маги появляются, так сказать, сами. Просто есть люди с определенными способностями. Большая их часть становится черными магами, поскольку не в силах преодолеть искушение властью и богатством.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что не все так просто. Есть и другие объяснения.

— Другие?

— Ну да. Может быть, эта точка обозначает то место, в котором черных магов готовят. Помнишь, ты рассказывал мне, что удрал из приюта, в котором стараются выявить детей, потенциально способных видеть нити судьбы? Может быть, они попадают как раз в то место к которому мы идем, и там из них делают черных магов.

— Но кто?

— Не знаю. Пока не знаю. Может быть, люди, которые решили с помощью черных магов подчинить себе этот мир. А может быть...

— Говори, говори.

— А может быть, и не люди. Это был бы самый худший вариант. Понимаешь?

— Еще бы. Наверняка это какие-то чудовища. И мы с ними вступим в бой. И победим.

— Конечно, победим, — усмехнулся Хантер. — Тем более что мы не одни. Найдя то место, в котором готовят черных магов, мы вызовем подмогу, других охотников. И уж тогда черные маги пусть поберегутся.

— Да, мы им покажем, — заявил Христиан и, словно в доказательство своих слов, взмахнул ножом.

— Ладно, давай-ка засыпай, — промолвил Хантер.

Он вытащил из кармана сигарету и, выудив из костра пылающую ветку, стал от нее прикуривать. На этот раз ему удалось сделать всего пару затяжек. Метко брошенный снежок вышиб у него из рук сигарету.

— Вот так-так, — пробормотал Хантер. — Кажется, наша соседка не одобряет курения.

— Что ты сказал? — спросил Христиан.

Глаза у него закрывались. Мальчик явно собирался засыпать.

— Ничего, спи. Все хорошо.

— Аа-а-а... понятно.

Христиан положил голову на сгиб правой руки и затих.

Хантер хитро улыбнулся. Незаметно подобрав с земли белую палочку, похожую на сигарету, охотник сделал вид, что вытащил ее из кармана. Сунув конец палочки в рот, он протянул руку, чтобы взять из костра горящую ветку...

Снежок попал ему точнехонько в лоб.

— Вот ведь зануда какая. — Хантер вытер рукавом лицо. — Похоже, мне сегодня покурить не удастся.

Он прилег у костра и стал вспоминать о том, как в юности, странствуя по дороге, вот так же много раз лежал у костра, смотрел в звездное небо и думал о том, что на свете нет более одинокого человека, чем он.

Прошло больше двадцати лет. У него был дом, у него были деньги, у него было все. И вот теперь он это потерял. Снова костер, звездное небо и... одиночество? Нет, только не одиночество. Теперь у него есть ученик.

А деньги, дом — все это наживное.

Когда они покончат с черными магами...

Хантер повозился и сел. Сна не было ни в одном глазу. Христиан уже спал как убитый.

«Умаялся, — подумал охотник. — Естественно, день-то сегодня был еще тот. И побегать пришлось. И драться тоже. И вообще хорошим этот день назвать нельзя».

Он вспомнил запах горелого человеческого мяса и содрогнулся.

Вот такого с ним не было уже давно.

Послышался заунывный крик, больше всего похожий на предсмертный вой волка. Тот, кто не часто бывает в лесу, так бы и подумал. Но Хантер хорошо знал, что этот крик издает маленькая серая птичка — покоришка.

Он сунул было руку в карман за сигаретой, потом вспомнил о гамадриаде и не стал ее вытаскивать. Через несколько секунд из кустов вылетел какой-то маленький предмет и устремился к нему.

Хантер поймал его и едва сдержал удивленный возглас. В руке у него был цветок, привязанный несколькими травинками к маленькому камешку.

«Что же это происходит? — подумал охотник. — Нет, этой лесной нимфе от меня что-то нужно».

Он посмотрел в сторону кустов. Нимфа пряталась где-то в глубине. Он прекрасно видел в темноте, но даже это не помогало ему рассмотреть зеленокожую девушку.

«Может быть, сходить к ручью? — подумал Хантер. — Попить, сполоснуть лицо. Гамадриада не может далеко отходить от дерева, в котором живет. Стало быть, к ручью она за мной не пойдет. Через час я вернусь. К этому времени она утомится».

Он уже было привстал, чтобы отправиться к ручью, но тут взгляд его упал на спящего мальчика.

Христиан! Его нельзя оставлять одного. Мало ли кто может шататься по ночному лесу! Какой-нибудь плотоядный динозавр, например. Он-то не посмотрит, что сейчас очень мирная ночь преступной любви. Ему до этого совершенно нет дела...

«Ночь преступной любви, — вдруг подумал Хантер. — И гамадриада, которая не может отойти даль-

ше чем на несколько десятков метров от дерева, в котором живет. Так, стало быть, она...»

Он еще раз посмотрел в сторону кустов. Из них послышался тихий призывный смех.

«Нет, бред, полный бред, — покачал головой Хантер. — Она же не человек».

Он повернулся спиной к кустам, выудил из кармана сигарету и осторожно ее прикурил. Криво ухмыльнувшись, он быстро сделал затяжку, потом вторую.

В спину ему ударил снежок, но охотник даже не пошевелил ухом. Между третьей и четвертой затяжками прилетел еще один снежок. Хантер не обратил на него ни малейшего внимания.

Больше снежков не было.

Хантер докурил сигарету, выкинул окурочек в костер и повернулся к кустам.

Ни звука, ни движения.

— Вот так-то, — пробормотал он.

Он поразился, вдруг обнаружив в своем голосе нотки сожаления. Но, как бы то ни было, дело было сделано. Похоже, лесная нимфа поставила на своих планах относительно него крест.

«Вот давно бы так», — подумал Хантер, снова укладываясь поудобнее у костра.

Он лежал на боку. Живот его приятно согревало идущее от костра тепло. Огненная стена отгородила его от ночного леса, от кустов, в которых уже наверняка не было гамадриады. Конечно же, она ушла спать.

Хантеру захотелось сходить в кусты и проверить, там ли она, удостовериться, что зеленокожая девушка и в самом деле отправилась отдыхать.

«Не надо, — сказал он самому себе. — Ничего не выйдет. Ты останешься лежать здесь, у костра, и сейчас уснешь».

Он и в самом деле стал засыпать.

Реальный мир кружился и уходил, вытесняемый сумрачным покрывалом сна, которое укутывало его, ласковое, словно колыбельная матери, нежное, слов-

но первый майский ветерок, непреодолимое, словно молчание мертвых.

Мир сна принимал его в себя, уводил по своим обманчивым дорожкам туда, навстречу неизвестности, почти безопасной и именно поэтому такой приятной неизвестности.

Он проснулся.

Судя по положению звезд, спал он совсем недолго, может быть, полчаса.

Хантер попробовал определить, что же его разбудило, и поначалу не смог, а потом понял, потому что услышал...

Из ближайших кустов доносился очень тихий, но, несмотря на это, до краев наполненный горем плач. Охотнику хватило секунды на то, чтобы понять, кто это плачет. Следующее мгновение ему понадобилось, чтобы решиться.

Он встал и осторожно пошел к кустам. Когда он подошел к ним вплотную, плач стал чуть громче. Хантер тихо раздвинул ветки кустов и увидел ее.

Гамадриада лежала на спине, закрыв лицо руками, и даже уже не плакала, а словно бы скулила, как побитый щенок. Она была очень красива, но сейчас Хантера волновало не это.

Он оглянулся в сторону костра. Мальчик спал. Охотник знал, что он будет спать до утра как убитый.

Стараясь раздвигать ветки как можно бесшумнее, он подошел к гамадриаде и опустился рядом с ней на колени. Та никак не прореагировала на его появление, хотя не заметить его не могла.

— Ну что ты... — ласково сказал Хантер. — Не надо.

Нимфа вдруг замолчала, но продолжала лежать неподвижно, закрывая лицо руками. Сейчас она удивительно походила на прекрасную скульптуру из зеленого мрамора.

Хантер осторожно положил руку ей на плечо.

— Не надо... Понимаешь, я человек... А ты... ты совсем другая. Мы не должны...

Гамадриада молчала.

— О, великий дух, ну как мне тебе объяснить? Понимаешь, гамадриады и люди, они отличаются друг от друга. Мы принадлежим к разным племенам...

Гамадриада не издала ни звука.

— Будь здесь повелитель леса, он бы тебя наверняка наказал. Уж он-то понимает... Ты это знаешь?

Гамадриада, похоже, отвечать ему не собиралась.

— А если в результате того, что ты хочешь, появится...

Он попался. Он знал это абсолютно точно. В тот момент, когда он отошел от костра, все уже было предрешено.

Гамадриада вдруг отняла руки от лица и обхватила его ими за шею. Уступая этим рукам, Хантер наклонил голову, и лицо его почти уткнулось в улыбающееся лицо гамадриады.

Она что-то сказала на своем лесном, певучем языке.

— А может, все-таки не надо? — спросил охотник.

И тогда нимфа засмеялась. Смеялась она недолго, а потом нежно поцеловала Хантера.

«Черт побери, — подумал он. — Бывают ситуации, в которых настоящий мужчина отступить просто не может. А, да гори все ясным пламенем!»

И он обнял лесную нимфу покрепче. Она улыбнулась и снова что-то сказала на лесном языке. Но Хантер даже не пытался ее понять.

В некоторых случаях слова — лишнее. Бывает, все и так понятно, без слов.

10

Они проснулись.

Точнее, первым проснулся Христиан. Он открыл глаза и некоторое время смотрел на зацепившееся за верхушки деревьев солнце, на карликовых археоптериксов, которые весело щебетали, перепрыгивая с

ветки на ветку. Время от времени один из них расправлял крылья и планировал на соседнее дерево.

Костер давно угас. Хантер спал на спине, откинув в сторону правую руку. Мальчик разглядел, что в кулаке у него зажат зимний цветок, смахивающий на орхидею.

Христиан приподнялся, чтобы рассмотреть цветок получше, и в этот момент охотник проснулся.

Проснувшись, он быстро сел и огляделся. Убедившись, что опасности поблизости нет, Хантер расслабился и с удовольствием потянулся.

— Малыш, а не пора ли нам идти дальше?

— Пора, конечно, пора.

— Только сначала неплохо бы позавтракать.

— Понял, — улыбнулся Христиан.

Он проворно примотал к палке нож и отправился ловить рыбу. А Хантер стал разводить костер.

Он несколько раз бросал взгляды в сторону кустов, но лесной нимфы в них не было.

«Ну да, — подумал охотник. — Все верно. Ночь преступной любви кончилась. Да и отдохнуть зеленокожей красавице после всего, что было ночью, тоже нужно».

Спать ему хотелось просто невероятно. Но он крепился. В конце концов, что значила для него одна бессонная ночь? Охотясь на черных магов, он мог не спать хоть трое суток подряд.

Христиан вернулся быстро. На куране у него было четыре рыбины. Поджарив их на костре, охотник и его ученик позавтракали. После этого Хантер собрал все кости и куски панцирей, завернул их в большой лист папоротника и закопал в прибрежном песке. Песком же они забросали костер. Христиан снова отвязал нож от палки и сунул его за пояс.

Пора было и уходить.

— В путь, в дорогу, — вполголоса пропел мальчик.

— Да, навстречу опасностям и невзгодам, — улыбнулся Хантер. — И очень хочется, чтобы их было поменьше.

— А может, останемся? — спросил Христиан. — Все-таки тут было так здорово. Ни о чем не надо думать...

— Нет, — уже серьезно сказал охотник. — Не получится. Мы должны идти. Да и потом, когда ты слышал, чтобы люди дороги надолго останавливались на одном месте?

— Вот когда все кончится, — промолвил мальчик, — мы обязательно найдем похожее место и построим новый дом, еще лучше, чем тот, который у нас сожгли. Хорошо?

— Обязательно, — кивнул Хантер. — Конечно, если война с черными магами закончится быстро. Она ведь может и затянуться. И если с нами...

Он осекся. Ни к чему было напоминать мальчику о том, что они могут погибнуть. По крайней мере сейчас.

Но Христиан и так все понял.

— Мы уцелем, — твердо заявил он. — Мы обязательно уцелем. И накостыляем этим магам по первое число.

— Ладно, пошли. — Хантер решил, что разговаривать на эту тему больше не стоит.

Кроме того, им и в самом деле пора было отправляться дальше. Солнце уже поднялось достаточно высоко.

Они пошли к дороге. Отойдя от костра шагов на двадцать, охотник все же не удержался, оглянулся. И увидел. Из кустов на мгновение высунулась зеленая ручка и помахала ему.

Хантер хмыкнул и тайком от Христиана помахал в ответ.

Через несколько минут путники уже шагали по дороге.

— Ты вообще бывал в этих местах? — спросил Христиан.

— Не довелось, — ответил охотник. — А ты?

— Тоже как-то не заносило.

— Жаль. Так мы могли по крайней мере знать, что нас ждет впереди. И подготовиться. Никогда не помешает быть готовым к той опасности, которая ждет тебя впереди.

Они вступили на мост. На мгновение из-под него высунулся дух-хранитель, бросил на них любопытный взгляд и сейчас же спрятался.

Почему-то те, кто охраняет мосты, — самые любопытные из всех духов-хранителей.

— Кажется, у меня есть идея, — сказал Хантер.

Он подошел к перилам моста и стал выстукивать по ним рукояткой ножа незамысловатый мотивчик. Дух-хранитель появился почти сразу.

— Эй, прекрати, — мрачно сказал он. — Ты этот мост строил? Так зачем портишь его перила?

— Ну, не так чтобы уж и порчу, — промолвил Хантер. — И вообще мне хотелось побеседовать с тобой.

Услышав, что кто-то с ним хочет побеседовать, дух-хранитель приосанился.

— А о чем?

— О дороге, которая идет через этот мост. Ты должен знать, что там, впереди. Расскажи нам.

— Откуда духу-хранителю знать, что-нибудь о дороге? Я охраняю этот мост, а по дорогам не шляюсь. И правильно делаю. Вообще не понимаю, как это вы, люди, способны куда-то идти. Разве там, куда вы так спешите, может быть лучше, чем здесь?

Охотник почесал в затылке.

— Тут ты прав. Конечно, по дороге ты не ходил. Но, с другой стороны, по этому мосту часто проходят путники, и они наверняка разговаривают между собой о том, что встретили на своем пути. А ты слишком любопытен, чтобы не подслушать их разговоров. Ведь так? Сознайся.

Дух несколько смутился, но все же гордо сказал:

— Вот еще, охота мне подслушивать, о чем разговаривают побродяжки! Порядочный дух такого себе ни за что не позволит. А поскольку я считаю себя...

— Понятно, — перебил его Хантер. — Значит, ты не хочешь нам помочь?

— С чего это я должен вам помогать? — проворчал дух-хранитель.

— погоди, — вступил в разговор Христиан. — Стало быть, ты хочешь сказать, что не подслушиваешь, о чем говорят путники, из-за собственной бестолковости?

— А? — Дух-хранитель вытаращил глаза.

— Ну конечно, — мило улыбнулся мальчик. — Какой же ты дух-хранитель, если не пытаешься узнать о тех, кто ходит по твоему мосту? Вдруг им придет в голову твой мост поджечь? Они будут разговаривать об этом, стоя у тебя над головой, а ты даже не будешь ничего знать.

— Как это не буду?! — возмутился дух-хранитель.

— А каким образом ты об этом узнаешь? — спросил Христиан.

— Да услышу же...

— Понятно, — кивнул мальчик. — И после этого ты говоришь, что не подслушиваешь, о чем разговаривают путники?

— Я не подслушиваю, я интересуюсь, — гордо заявил дух-хранитель.

— Ага! — Христиан поднял вверх палец. — Значит, интересуешься? Ну-ка, быстро выкладывай, что говорили путники об этой дороге.

Дух-хранитель тяжело вздохнул.

— Ладно, ваша взяла. Только, учтите, я расскажу это вам единственным. Стоит людям дать хотя бы маленькую поблажку, как не будет никакого покоя. Буквально задержают вопросами.

— Ближе к делу, — промолвил Хантер.

— Ладно, ладно, я же сказал что вам помогу.

— Мы тебя слушаем, причем очень внимательно.

Дух-хранитель задумчиво подергал усы и начал:

— Итак, я не знаю, на каком расстоянии, но дальше будет город. Однако, прежде чем попасть в него, вам придется преодолеть зиму и, может быть,

сразиться со снежными гоблинами. По крайней мере каждый третий из проходивших по этому мосту упоминал про снежных гоблинов.

— Ага, значит, шансы встретиться с ними: один — к трем, — сказал Христиан.

— Не обязательно, — ответил дух-хранитель. — Я думаю, что часть из тех, кто с ними в конце концов встретился, по этому мосту так никогда и не пройдут.

— Насчет снежных гоблинов — согласен, — сказал Хантер. — Непонятно только, что означает — преодолеть зиму? Сейчас, например, зима. Почему мы должны ее преодолевать?

— Ничем не могу помочь, — развел руками дух-хранитель.

— Да уж, сведения... — задумчиво протянул Христиан.

— Все-таки это лучше, чем ничего, — сказал Хантер.

Дух-хранитель гордо вскинул голову.

— Конечно, это лучше, чем ничего. А теперь я вернусь обратно под мост. Не люблю солнечного света.

Он и в самом деле исчез под мостом.

Хантер и Христиан переглянулись.

— Не поворачивать же обратно, — сказал охотник.

— Конечно, нет, — согласился с ним мальчик. — А снежные гоблины... Что-нибудь придумаем. Тем более они встречаются не каждому.

— Но встречаются, — промолвил Хантер. — Поэтому давай-ка вооружимся чем-нибудь более серьезным, чем ножи.

— Чем?

— Копьями. Привяжем наши ножи к палкам, как ты сделал, чтобы ловить рыбу. Ведь их можно, таким образом, использовать не только как остроги, но и как копья. А копьём со всякой нечистью воевать удобнее.

— Согласен.

Два друга перешли мост, срезали по длинной прочной палке и быстро соорудили себя копыя. Конечно, этим копиям было далеко до настоящих, но тем не менее сражаться ими было можно.

Закинув копые на плечо, Хантер вышел на дорогу и махнул мальчику рукой.

— Пора идти дальше.

Христиан тоже вышел на дорогу и, поглядев на учителя, водрузил копые на плечо. Оно было для мальчика несколько великовато, но Хантер и не пытался улыбнуться. Он знал, что в руках этого мальчишки оно является серьезным оружием.

Они пошли по дороге. Подошвы их гулко стучали по мощенной брусчаткой дороге. Солнце то пряталось за кроны деревьев, то било им в лицо. По сторонам дороги тянулся лес. Временами попадались поляны, сплошь заросшие сорным кустарником и высокой травой. Когда заросли сорного кустарника подступали вплотную к дороге, путники видели растущий на некоторых кустах сор, состоящий из старых ботинок, каких-то щепочек, стружек, обгрызанных веников, пустых надорванных пакетиков с надписями «чай» и «кофе».

Некоторое время они шли вдоль большого болота, покрытого ряской и широкими округлыми листьями неизвестного Хантеру растения. Христиан ткнул пальцем в сторону скопления таких листочков и сказал:

— Вот тут, скорее всего, основная трясина и есть.

— Почему?

— Это листья растения, которое называется сусанinka. Оно, как правило, растет над самой страшной трясиной.

— Ну-ну.

Хантер постарался запомнить эти листочки. За последний месяц он понял одну простую вещь. Конечно, он всю свою жизнь охотился на черных магов, но эта охота происходила в городах. Конечно, он бродяжничал, но было это в юности, много лет назад. С определенной точки зрения, Христиан был более под-

готовлен к жизни на дороге. Он-то, если не считать нескольких дней, в течение которых жил в доме Хантера, только и делал, что бродяжничал.

Стараясь делать это незаметно, чтобы не уронить своего достоинства учителя, Хантер потихоньку перенимал у мальчика кое-какие навыки кочевой жизни. Таким образом, хотя Хантер был учителем, а Христиан учеником, были моменты, когда охотник учился у своего подопечного.

Надо добавить, что болото так и кишело всевозможной мелкой живностью, вроде болотных ножек, форма которых и в самом деле напоминала человеческую ступню, снабженную множеством помогавших держаться на поверхности жгутиков, ворончатых червей, смахивавших на закрученные в спираль ленты, ластоногих поскакушек, то и дело перескакивавших с одного листа сусанинки на другой, и зеленых паучков, передвигавшихся по болоту внутри пузырьков. Время от времени появлялись создания и побольше. Путники даже видели жабозавра, высовывавшего из глубины болота огромную бородавчатую морду.

Когда болото кончилось, они сделали привал. Христиан нашел водоносное дерево и сорвал с него несколько плодов, похожих по форме на большие колючие шары. Странники вскрыли их ножами и утолили жажду.

— Все-таки я не могу понять одного, — сказал Христиан.

— Что именно? — поинтересовался Хантер и отбросил в сторону колючую оболочку водоносного плода.

— Мы решили, что, возможно, кто-то где-то делает из людей с определенными способностями черных магов. Ведь так?

— Да.

— Прекрасно. А теперь скажи мне, откуда берутся люди с этими способностями? Почему они появляются не у всех жителей этого мира, а лишь у некоторых?

Хантер развел руками.

— Вот этого-то я и не знаю. Мне кажется, если нам удастся решить эту загадку, победить черных магов и их хозяев будет гораздо легче. Может быть, совсем просто. И еще... я думаю, что этого не знают даже сами хозяева черных магов.

— Почему?

— Да потому, что они выискивают по всему нашему миру детей, обладающих свойством видеть нити судьбы. А обладая этим секретом, они могли бы делать будущих черных магов хоть сотнями.

Христиан задумался. Наконец он возразил:

— Не обязательно. Те, кто делает черных магов, могут знать, почему появляются дети с определенными способностями. Но они могут и не знать, как подобных детей создавать.

— Может быть, вполне может быть, — промолвил Хантер. — Только мне все равно кажется, что если бы нам удалось узнать, почему в нашем мире появляются дети, способные видеть нити судьбы, то победить черных магов было бы легче.

Они отдохнули еще немного и снова тронулись в путь. Теперь начался подъем. Солнце немилосердно палило головы путников. Дорога была пустынна. Ни пешехода, ни всадника, ни машины.

Подъем становился все круче. Но вот он кончился.

Два путника остановились на вершине горы и стали осматриваться. Дальше начинался спуск, а еще дальше, у подножия горы, виднелась странная белая полоса.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Христиан.

— Не представляю, — ответил Хантер. — Может быть, это какая-то особая белая земля?

— Может быть. Как думаешь, эта полоса широкая?

Охотник прикинул и сказал:

— Может быть, километров пять — десять, не больше.

— Надеюсь, нас не поджидает там никакая опасность.

— Я тоже надеюсь, — сказал Хантер.

И все же лицо у него было озабоченное. Быстро проверив, хорошо ли прикреплена его дага к древку, Хантер посмотрел на мальчика. Тот тоже проверял надежность самодельного копья.

Вытащив из кармана коробочку, охотник бросил на нее озабоченный взгляд. Все верно, они пока шли в нужную сторону. Точнее, почти в нужную, но на это отклонение можно было не обращать внимания. Редко какая дорога бывает прямой, словно стрела.

Они двинулись дальше. Теперь идти стало легче, поскольку дорога шла под уклон. Вскоре стволы деревьев закрыли им обзор. Так заинтересовавшая их белая полоса пропала из поля зрения.

Через час Хантер заметил некоторую закономерность.

Зимние сугробы становились все больше и попадались гораздо чаще. Лес тоже несколько изменился. Теперь он состоял почти сплошь из хвойных деревьев, по веткам которых то и дело пробегали маленькие зверьки, покрытые пушистым мехом. Несколько похолодало. И солнце, казалось, уже не жарило так сильно, как в начале дня.

Хантер подумал, что, похоже, уже догадывается, что за белая земля поджидает их впереди, но Христиану ничего не сказал. Он только стал чаще останавливаться, чтобы прислушаться и оглядеться.

Правда, пока никаких признаков серьезной опасности им не попадалось.

Впрочем, один раз неподалеку от них на дорогу вышел огромный зверь, покрытый длинной шерстью, с двумя здоровенными, торчащими вперед кривыми клыками и выростом между ними, которым он, словно человек рукой, обламывал ветки придорожного кустарника и отправлял их в пасть.

Путники нырнули в лес и спрятались за толстым деревом.

— Кто это? — спросил Хантер. — Ни разу не видел такого зверя.

— Похоже, мамонт, — вполголоса ответил мальчик. — Сталкиваться мне с ним не приходилось, но один старик бродяга рассказывал, что это очень опасное животное.

— Ну да, — с некоторой долей скепсиса сказал Хантер. — Насколько я понимаю, этот мамонт — травоядный. С чего бы ему быть таким уж опасным?

— Ага, ты посмотри, какой он здоровый! На него только тиранозавру-рексу и охотиться. И еще, говорят, разозлить его ничего не стоит. А разозлившись, он становится просто ужасен.

— Но не вечно же нам ждать, пока он освободит дорогу? — проговорил Хантер. — Он может кормиться здесь до самого вечера. А мы, стало быть, так и должны прятаться за деревом и ждать, пока он утопает обратно в лес?

Мальчик бросил на мамонта задумчивый взгляд и предложил:

— А давай его напугаем огнем.

— Сначала попробуем обойти его по краю леса, — предложил охотник. — Может быть, он нас не заметит.

Но стоило им, прячась за деревьями, несколько приблизиться к мамонту, как тот раздраженно зафыркал, перестал объедать кустарник и повернул голову в сторону охотника и его ученика.

— Учужал, — прошептал Христиан.

— Похоже, — согласился Хантер. — Кстати, обрати внимание, как быстро некоторые его нити судьбы меняют свой цвет. Похоже, нашим зверьком постепенно овладевает ярость. Видишь?

— Угу, вижу. Но нам-то что делать? Может быть, все же попробуем напугать его огнем? Сделаем факелы и прогоним мамонта с их помощью?

— Ничего не остается...

Путники стали подыскивать палки, из которых было бы удобно сделать факелы, но тут над дорогой показалась большая стая птеродактилей. В ней насчи-

тывалось наверняка не менее сотни летающих ящеров.

С противным, мерзким шипением птеродактили атаковали мамонта. Они пикировали на него, пытаясь выстричь длинными зубастыми клювами из его тела куски мяса. Пока мамонта спасала только длинная густая шерсть.

И все же, понимая, что от нападающих будет отбиться не так уж и легко, мамонт отчаянно затрубил, а потом закружился на месте, вытаптывая кустарник, ветками которого только что лакомился, пытаясь схватить хоботом или зацепить бивнями летающих агрессоров.

Хантер и Христиан, широко открыв глаза, следили за происходившей перед ними битвой.

А она, похоже, разгорелась не на шутку.

Нападая на мамонта, птеродактили старались укунить его за морду, отхватить хобот, выцарапать глаза. Несмотря на огромный вес, мамонт двигался очень легко и быстро. Его хобот крушил оказавшихся в пределах досягаемости хищников. Несколько мертвых летающих рептилий уже валялись под ногами мохнатого слона.

— Так им, так им! — не удержавшись, закричал Христиан.

Хантер поспешно зажал ему рот.

— Тише. Сейчас эта зверюга вне себя от ярости. Кроме того, тебе же не хочется познакомиться поближе с теми, кто на него нападает?

Он был прав. Собственно, на мамонта нападали всего около десятка рептилий. Остальные носились кругами вокруг места сражения. Как только один из нападающих погибал, ему сейчас же находилась замена. Таким образом, основная масса стаи не участвовала в схватке и могла в любой момент заняться более мелкой дичью.

— И все-таки подобного я еще не видел, — прошептал Христиан. — Такой огромной стаи птеродактилей! И чтобы они нападали на еще живого зверя!

Мальчик покачал головой.

Хантер был с ним согласен. В тех местах, в которых он побывал, охотясь на черных магов, птеродактили не летали большими стаями и питались, в основном, падалью и отбросами. Случалось, конечно, что они нападали на большое, ослабевшее животное, но вот так, огромной стаей и на полного сил, здорового мамонта...

А мамонт сражался. Птеродактили все же умудрились добраться до его тела, и по бокам огромного зверя потекли первые струйки крови.

— Они его одолеют, — прошептал Хантер.

— Похоже, — согласился с ним Христиан.

Видимо, мамонт понимал это тоже. Вот он умудрился сшибить на землю сразу двух нападающих. Один остался недвижим, а второй, неловко волоча сломанное крыло, заковылял прочь. В этот момент мамонт бросился наутек. Он развернулся и нырнул в самую гущу деревьев. Вся стая с громким шипением последовала за ним. Треск обламывающихся сучьев и мерзкое шипение стали удаляться. На дороге остались только около десятка покалеченных и мертвых птеродактилей.

— Давай-ка побыстрее отсюда, — проговорил Хантер.

Осторожно, прячась за деревьями, они миновали место сражения.

На дорогу путники вышли, только когда оно осталось далеко позади. И первое, что сделали, это дружно посмотрели на небо. Птеродактилей не было видно. Похоже, вся стая пустилась в погоню за мамонтом, и эта погоня не должна была закончиться быстро.

Все же, отправившись дальше, Хантер и Христиан старались идти поближе к обочине, чтобы в случае нападения успеть нырнуть в лес, под защиту деревьев.

Через час склон горы кончился. Закончился и лес. Теперь дорога петляла между холмов, сплошь зарос-

ших густым кустарником. На вершинах многих холмов стояли высокие и узкие, похожие на вонзившиеся в небо иглы, памятники древних пеликанских королей.

— Может, поднимемся к одному из этих памятников и попробуем прочесть, что на нем написано? — предложил Христиан. — Говорят, тот, кто сможет прочесть хотя бы строчку из древних пеликанских надписей, узнает свою судьбу.

Хантер улыбнулся.

— Нет, нам некогда. Да и не думаю я, что, узнав свою судьбу, мы станем от этого более счастливыми.

— И все же мне бы хотелось... — упорствовал мальчик.

— Хорошо, — сказал Хантер. — Только давай пройдем немного вперед. Еще три поворота, и мы поднимемся на один из этих холмов, чтобы отдохнуть. Заодно можем и почитать надписи. Хотя сомневаюсь я, что нам удастся что-то разобрать. Насколько я помню, еще никому это не удалось.

— Однако попытаться стоит, — промолвил Христиан.

Этому плану не суждено было исполниться. Через два поворота дорога вывела их к той белой полосе, которую они видели с вершины горы.

Охотник и его ученик остановились и стали рассматривать расстилавшееся перед ними белое пространство. Наконец Христиан сказал:

— Откуда он здесь взялся? Нет, я хотел сказать, что за всю жизнь не видел ничего подобного. Ну, один большой сугроб, ну, несколько, но чтобы снег покрывал всю землю до горизонта... Бред!

— Мы живем в очень странном мире, — философски произнес Хантер. — В котором нет ничего невозможного. Вот, пожалуйста — снег. И надо через него перебраться. Причем ни обувь, ни одежда у нас для этого не годятся. Кстати, ты чувствуешь, как холодно?

— Чувствую. Меня больше интересует, что с этим снегом происходит, когда наступает весна. Исчезает он или нет?

Хантер окинул взглядом расстилавшееся перед ними белое поле. Снега не было лишь на дороге.

«По крайней мере мы не заблудимся», — подумал охотник.

— Все это не важно, — наконец сказал он. — Давай-ка двигаться дальше. Надо миновать эту полосу снега до того, как настанет вечер. Ночевать мне в этом белом поле совсем не хочется. Пошли.

— Да, надо идти дальше, — сказал Христиан. — Как ты думаешь, мы успеем добраться до города засветло?

— Не знаю. Можем и не успеть. К счастью, как мы видели с вершины горы, полоса снега не очень широкая. Километров пять — десять, не больше.

— Может быть, стоило лететь самолетом? — спросил мальчик.

— Нет, не стоило. Ты забываешь о том, что черные маги, вполне возможно, сейчас пытаются нас выследить. Воспользовавшись самолетом, мы наверняка попались бы им на глаза. Черные маги есть во многих городах. И они всегда берут аэропорт под наблюдение. Стоит нам воспользоваться самолетом, и нас обязательно обнаружат. А потом...

— Понятно, — вздохнул Христиан. — Только самолетом было бы гораздо удобнее.

— Кто спорит... — согласился с ним Хантер.

Снега на дороге, по которой они шли, не было. Но все же исходивший от расстилавшегося вокруг них снежного поля холод давал о себе знать. Временами на дороге попадались обледеневшие участки, и по ним путникам приходилось идти вдвойне осторожно.

Они прошли уже почти половину снежной полосы, когда по сторонам дороги стали попадаться здоровенные сугробы. Хантер оглянулся. И впереди и позади них расстилалась теперь казавшаяся бесконечной девственная белизна.

Впрочем, любоваться ею было некогда. Им снова попался участок обледеневшей дороги. Чертыхаясь и цепляясь друг за друга, чтобы не упасть, путники преодолели его и остановились перевести дух.

Налетел пронизывающий, холодный ветер и так же неожиданно стих.

Христиан подышал на замерзшие, посиневшие пальцы и сказал:

— Единственным хорошим моментом во всей этой истории является то, что мы прошли уже половину пути. Таким образом, половина наших трудностей позади.

— Не согласен, — промолвил Хантер и тоже подышал на руки. — Ты забываешь о снежных гоблинах.

— Они наверняка нам уже не попадутся, — заявил мальчик.

— Вот тут ты, сосунок, ошибаешься!

Сказано это было хриплым, противным голосом. И раздавался он из ближайшего сугроба.

11

— Ой, ой, ой, — испуганно пробормотал Христиан.

Хантер мгновенно повернулся в сторону сугроба и, выставив копьё, занял оборонительную стойку. Христиан сделал то же самое секундой позже.

— Ага, значит, вы решили защищаться? — слышалось из сугроба.

— Обязательно, — ответил Хантер. — А ты, значит, решил на нас напасть?

— Пренебреженно.

— Тогда что же ты болтаешь? Вылезай! — Охотник произнес это очень спокойно, даже ласково.

Вот только глаза у него были настороженные, внимательные. Со снежными гоблинами он еще не сталкивался и не представлял, насколько они могут быть опасны.

Сутроб разлетелся на куски, и путники увидели снежного гоблина. Ничего слишком уж необычного он из себя не представлял. Так, огромный детина, облепленный снегом, с красными злобными глазами, маленьким, почти крошечным носом и огромным ртом, в котором поблескивали острые зубы. В лапах снежный гоблин сжимал здоровенную, усаженную шипами дубинку.

— Красавец, — пробормотал Христиан и сделал шаг в сторону. Похоже, он намеревался напасть на противника сбоку.

— Не торопись, — вполголоса сказал ему Хантер.

Слишком уж серьезным противником этот гоблин не выглядел. Хантера беспокоило другое. Он подозревал, что вокруг в сутробах вполне могут скрываться товарищи этого страшилища. А вот это было бы уже плохо. Если снежные гоблины накинута всей стаей, охотнику и его ученику придется плохо.

Гоблин широко улыбнулся и взмахнул дубинкой.

— Я разобью вам головы. И тебе и твоему маленькому другу. Из этой холодной земли вы не уйдете. Дошло?

— А зачем? — спросил Хантер.

— Как это? — удивился снежный гоблин. — При чем тут «зачем»? Просто я так всегда делаю.

— Всем, кто проходит через твои владения?

— Нет. Я не трогаю тех, кто проходит по дороге, когда я сплю. А сегодня я не сплю, и этому есть причина. Очень важная причина. А значит...

Он снова взмахнул дубиной. Очень убедительно взмахнул. Воздух аж загудел.

— Да что ты с ним разговариваешь? — удивился Христиан. — Драться надо. Он же нежить, а стало быть, обязательно на нас бросится.

— И брошусь, — подтвердил снежный гоблин. — Только сначала поговорю. Редко кто из тех, кого я убиваю, со мной разговаривает. Все больше сразу пытаются пуститься наутек.

— И, конечно, удрать им не удастся? — спросил Хантер.

— Нет, — ответил гоблин. — Да и как удерешь, если дальше по дороге их убивают мои братья?

Хантер бросил взгляд в сторону дороги. Да, действительно вдоль нее было еще не менее десятка сугробов наподобие того, из которого выскочил снежный гоблин.

— А если они все же не проснутся? — спросил Хантер.

Снежный гоблин покачал головой.

— Они уже проснулись.

Как бы доказывая его слова, ближайший к ним сугроб пошевелился. Словно в нем, как в коконе, лежал кто-то очень большой. Он лежал себе, а потом решил лечь еще удобнее, сменить позу. Слегка. И сменил.

— А ты, случайно, не врешь? — спросил Христиан.

— Попробуй проверь, — осклабился снежный гоблин.

— Тебя как зовут? — спросил Хантер.

— Меня? Гвирдин.

— Вот что, Гвирдин, хватит трепаться, — сказал Хантер. — Рассказывай, что тебе нужно. Если бы ты хотел непременно с нами драться, то напал бы сразу же, без всяких разговоров. А поскольку ты заговорил, это означает, что тебе от нас что-то нужно. Рассказывай, и нечего нас страшать. Мы люди пуганые. Рассказывай.

Снежный гоблин задумчиво подкинул дубинку и вновь поймал ее. Лапы у него были здоровенные, когтистые.

— Верно. Нужно. Только не думаю, что тебя это сильно обрадует.

— А ты скажи.

— И скажу. Только сначала сам задам вопрос. Меня интересует, будете ли вы, о, неосторожные путники, с нами драться? Попытаетесь ли вы защитить

свою жизнь? Может быть, вы не видите в этом никакого резона? Зачем сражаться, если знаешь, что все равно погибнешь?

— А если знаешь, что все равно выиграешь? — спросил Хантер.

— С каких это пор слабосильные люди стали побеждать нас, детей снега и метели? Ты хорошо знаешь, что такого никогда не было.

— Не было, — согласился Хантер. — Только мы не слабосильные люди. Мы такие люди, с которыми тебе и твоим товарищам придется повозиться.

Глаза снежного гоблина и охотника встретились. Видимо, все же житель снегов был не совсем глуп. Он отвел глаза первым. Задумчиво кашлянул и наконец сказал:

— Вот оно что. Стало быть, сегодня и в самом деле день великой снежной богини. А я еще сомневался. Нет, все верно, хозяйка снегов любит делать себе необычные подарки. Очень странные и опасные подарки. На то она и хозяйка снега.

Он улыбнулся. И улыбка его была радостной. Словно бы все получилось так, как он и рассчитывал.

Сунув дубину под мышку, снежный гоблин хлопнул в ладоши. Тотчас же все стоявшие возле дороги сугробы развалились. Из них поднялись кряжистые, вооруженные дубинами снежные гоблины. Хантер прикинул, что их штук десять — двенадцать.

Оглянувшись, он увидел еще примерно такое же количество гоблинов. Они вылезли из сугробов, расположенных вдоль того куска дороги, который путники уже прошли.

«Стало быть, двадцать — двадцать пять, — прикинул Хантер. — Не хило, очень не хило!»

Правда, никто из гоблинов пока не пытался к ним приблизиться. Они стояли неподвижно, словно изваяния, но охотник не сомневался, что, когда наступит нужный момент, они оживут. Еще как оживут.

— Ну, Гвирдин, и что это значит? — спросил он.

— Да ничего особенного. Я убедился, что вы те, кто нам нужен. А теперь нам придется подождать темноты.

— Темноты?

— Ну конечно. Снежная богиня придет после того, как сядет солнце. Ждать вам придется недолго. Может быть, часа два.

— А если мы ждать не согласны?

— Придется.

На этот раз гoblin даже не хлопнул в ладоши. Словно подчиняясь его мысленному приказу, снежные воины пришли в движение и, равномерно передвигая ноги, словно неживые, двинулись к путникам.

Это был тот момент, когда Хантер и Христиан еще могли попробовать спастись, проскочить между двумя соединявшимися отрядами противников. Они могли устроить гонку по снежному полю, очень хорошую гонку.

Хантер представил, как они удирают по снегу, оттаптываясь лишь для того, чтобы убить того из преследователей, который благодаря более быстрому, чем у товарищей, ногам сократил разделяющее его и беглецов расстояние до опасного минимума. Конечно, они побегут к границе снега и, несомненно, опередят своих преследователей. А там... Хантер почему-то был уверен, что за границей снега гoblinы их преследовать не будут.

Или будут?

«Какая разница? — подумал охотник. — Погони не будет».

Он знал это совершенно точно. Они с Христианом убежать не будут. Для того чтобы убежать от гoblinов по снегу, на них должна быть совсем другая обувь. Кстати, и вооружены они должны быть по-иному. По крайней мере не этими самодельными копьями.

А если устроить сражение сейчас? Тоже не годится.

Хантер ничуть не сомневался, что сможет отбиться от неповоротливых гoblinов. А мальчик? Стоит ему

попасть хотя бы один раз под удар дубиной — и конец. Он погибнет. Из-за неопытности.

«Так что же? — подумал Хантер. — Ждать появления этой снежной богини? Видимо, ничего иного не остается. Если нам удастся выиграть поединок с ней, гоблины нас отпустят. Стало быть, ждать?»

Он схватил за руку уже рванувшегося в сторону снежной целины Христиана и сказал:

— Подождем.

— Да ты с ума сошел? — спросил мальчик. — Неужели мы будем ждать эту глупую богиню. Зачем?

— Так надо, — ответил Хантер. — Мы будем ее ждать.

Мальчишка пожал плечами и скорчил рожицу Гвирдину.

— Ладно, пусть будет так. Подождем.

Они стали ждать. Гоблины построились кольцом, в центре которого были охотник и его ученик. Ни о каком бегстве теперь не могло быть и речи. Впрочем, Хантер и Христиан о нем и не помышляли.

Замкнув кольцо, снежные гоблины застыли, опять словно превратившись в ледяные статуи. Холод, конечно, не оказывал на них никакого действия. Путникам, чтобы не замерзнуть, приходилось время от времени приплясывать на месте и прихлопывать ладонями.

Часа через полтора наступили сумерки.

Гвирдин сказал:

— Все, осталось совсем немного. И, кстати, я теперь вижу что вы и в самом деле не совсем обычные люди.

«Глаза, — подумал Хантер. — Стемнело, и он увидел, как светятся мои глаза. Мои?»

Он бросил взгляд на Христиана и увидел, что глаза у того тоже слегка светятся. Совсем немного, но все же...

Гвирдин сказал:

— Правда, вам это не поможет. Богине совершенно все равно, простые вы люди или нет. Были бы людьми.

Он слегка улыбнулся. Похоже, это его веселило.

Охотник сунул копые под мышку и стал равномерно похлопывать ладонями. Христиан последовал его примеру. Хантер знал, что он слегка побаивается, но все же старается этого не показывать. И еще... разглядывая линии судьбы своего ученика, Хантер вдруг понял, что тот боялся бы гораздо больше, если бы не верил. Ну конечно, он верил в своего учителя, в то, что тот найдет выход из любого положения.

Наступила ночь. Впрочем, для Хантера и Христиана это не имело большого значения, поскольку видели они в темноте отлично. Для снежных гоблинов — тоже.

— Ну, где же она, ваша богиня? — спросил Христиан. — Учтите, долго ждать мы не можем. У нас дела.

Гвирдин не ответил.

Через минуту нужда в его ответе отпала.

Резко подул холодный, пронизывающий до костей ветер. Он гнал с собой целое облако странных, поблескивающих при свете луны так, словно они были из серебра, снежинок. Вот в нескольких десятках шагов от круга, образованного неподвижными фигурами гоблинов, эти снежинки поднялись вверх. Они закружились, образуя что-то вроде небольшого смерча. Наконец стало казаться, что на месте смерча возник серебряный цилиндр. Он утолщался и утолщался, при этом становясь все короче.

Гвирдин возвестил:

— Великая снежная богиня явилась!

И тотчас же серебряный цилиндр стал стремительно расширяться. Вот он рассыпался, и Хантер увидел появившуюся на его месте стройную фигуру.

Снежная богиня была очень красива. Как и подобает повелительнице снегов, ее красота была ослепительна и безжизненна. Вообще вся она, ее платье, ее головной убор, напоминавший корону, казалось, были вырезаны из огромного куска льда. Кто знает, может, так оно и было?

Богиня стояла совершенно неподвижно и внимательно рассматривала двух путников. Вот она сделала к ним шаг и остановилась. Снежные гоблины, словно салютуя, подняли вверх дубины.

— О вы, путники, осмелившиеся ступить на принадлежащую мне землю, — начала богиня. — Не имея на это ни прав, дающихся происхождением, ни силы, чтобы защитить свои права...

— Может, хватит? — прервал ее Хантер. — Уши вянут. Давай ближе к делу. Говори, что тебе нужно. Честное слово, мы тут, пока ждали тебя, жутко замерзли.

Красивое, казалось, выточенное из льда лицо дрогнуло, изменилось. На нем появилось озадаченное выражение.

— Что вы себе позволяете? Я — богиня. Я могу вас превратить...

— Ну так превращай! — вскипел Хантер. — Превращай! Надоели мне бесконечные угрозы. По крайней мере, перестав быть людьми, мы избавимся от них. Ну!

И он сделал несколько шагов к богине. Христиан следовал за ним, как тень.

Снежные гоблины зашевелились, словно напоминая о своем присутствии, ухватили дубины так, чтобы ими можно было удобнее драться.

Хантер хорошо понимал, что со стороны он и мальчик в окружении этих ледяных чудовищ выглядят довольно жалко. Однако это его не сильно задевало. Уж он-то знал, что, если дойдет до драки, подданным снежной богини придется не сладко.

— Хватит. — Богиня снова махнула рукой, и гоблины застыли, словно превратившись в статуи. — Хватит горячиться. Хорошо, если вы так желаете, будем говорить проще.

— Ну, обрадовала, право слово, обрадовала, — не без иронии сказал охотник и развел руками.

Богиня прищурилась и резко выбросила вперед правую руку. Из нее вылетела горсть сосулек. Ма-

ленькие ледяные копы вонзились в дорогу возле ног Хантера и Христиана. Пущены они были с такой силой, что легко, словно оно было из мягкой глины, пробили каменное покрытие дороги и ушли в землю.

Хантер бросил мрачный взгляд себе под ноги и хмыкнул.

— Да, конкретно. Ну, а дальше-то что?

— Ты можешь замолчать хотя бы на минуту, болван? — раздраженно спросила богиня.

«Неплохо, — подумал охотник. — Оказывается, выйти из себя может и богиня. С другой стороны, чем эти богини отличаются от обычных женщин? Только огромным могуществом. Натура-то — та же».

Он сделал вперед еще шаг и покорно наклонил голову.

Повелительница снежных гоблинов бросила на него раздраженный взгляд. Потом она фыркнула и, нервно помассировав виски, спросила:

— Стало быть, теперь ты будешь стоять именно так?

Вместо ответа Хантер еще ниже наклонил голову.

— Понятно. Значит — будешь.

Охотник безмолвствовал.

Тогда богиня повелительно приказала:

— Ну, хватит. Немедленно подними голову и посмотри мне в глаза.

Хантер сделал еще шаг и покорно поднял голову. Лицо у него было совершенно бесстрастное. Христиан было сунулся за ним, но охотник едва заметно шевельнул рукой, подавая ему знак остаться на месте. Мальчик так и сделал.

Богиня закусил губу и, окинув охотника с ног до головы внимательным взглядом, неожиданно улыбнулась.

— Прекрати. Повеселились — и хватит. Давай теперь серьезно. У меня и в самом деле есть к тебе один очень важный разговор.

Она взмахнула обеими руками, и отделявшие ее от охотника гоблины разошлись в стороны. Положение

путников от этого не улучшилось ни на грамм. Да, кольцо снежных чудовищ с одной стороны разорвалось. Но теперь, чтобы убежать, они должны были как-то проскочить мимо могущественной повелительницы снегов.

— Ладно, я тебя слушаю.

Охотник и в самом деле слегка расслабился. Однако только внешне. Приготовившись разговаривать с богиней, он прикинул разделявшее их расстояние.

Шагов десять. Охотник сильно сомневался, что сможет пробежать это расстояние так быстро, чтобы богиня не успела среагировать и каким-нибудь способом его остановить. А то и убить.

Значит, нужно было попытаться его сократить хотя бы еще шагов на пять. Но как?

Хантер прекрасно понимал, что богиня не так наивна, чтобы позволить ему сделать эти пять шагов. Стало быть, оставалось надеяться лишь на удачу. А удача, она женщина очень капризная.

И все же он не терял надежды.

Богиня снова выпрямилась. Лицо ее опять затвердело, стало похоже на лицо ледяной статуи. Но лишь на мгновение. Потому что через секунду, словно очнувшись, богиня едва заметно улыбнулась.

— Вот что, скажу-ка я и в самом деле, что мне нужно, без всяких фокусов. А ты будешь вынужден мое приказание выполнить. Понял?

— Как не понять, — ответил Хантер. — А иначе ты меня убьешь. Слушаю.

— Кстати, что это с тобой за мальчишка?

— Ученик.

— Он тебе очень нужен?

— Очень.

— Хорошо, пусть будет. Может быть, вам вдвоем будет выполнять мои поручения легче. Итак, ты должен будешь сейчас же, забыв обо всех своих делах, отправиться в соседний мир. Ты найдешь в этом мире точно такую, как эта, полосу снега и передашь...

Хантер ее не слушал. Он знал все эти поручения и распоряжения. Слухов о людях, на которых всякие

там богини и прочие волшебники наложили подобные поручения, хватало. Все эти поручения, как правило, оказывались полной чепухой и туфтой, совершенно глупой и лишенной всякого смысла. Те, кому их давали, обычно, так и не успев их до конца выполнить, погибали. Это ничуть богинь не смущало. Они ждали наступления определенного дня, ловили очередного путника и опять давали ему это же поручение.

Один охотник, хороший знакомый Хантера, как-то по поводу этих дающих поручения богинь сказал, что они на самом деле сбежали в их мир то ли из тридцать седьмого, то ли из сорок седьмого мира. Короче, там, где они жили до того, как попали в этот мир, богини настолько задолбали местное население всяческими поручениями, что то восстало. Неизвестно, как оно там происходило, это восстание, и сколько с обеих сторон погибло народа, но только в один прекрасный день богини всем скопом явились в их мир, рассеялись по нему и притихли.

Осмелели они только лет через пятьдесят — восемьдесят. Стали потихоньку ловить всяких там торговцев и бродяг и, опять же, не очень настойчиво давать им всяческие поручения.

Получилось.

Более того, прошли слухи, что даже парочка посланных с поручениями их выполнила. Тут все эти богини воспряли духом... и покатилося. В скором времени они настолько притомили своими выходками местное население, что оно пожаловалось дэву — управляющему этим миром.

Тот не был дураком и, хорошо понимая, что с колдовством его войны не справятся, пожаловался Ангро-майню на произвол, который творится в введенном его заботам мире. Правитель двадцати пяти миров как раз, как это с ним последнее время частенько бывало, страшно скучал. Он явился в этот мир и устроил всем этим любителям давать поручения очень большую порку. Конечно, никого, в полном

смысле этого слова, он не порол, но тем не менее всем богиням крепко досталось.

Многие из них опять эмигрировали в другие, расположенные на великой цепи миры. Правда, некоторые остались, но очень долгое время вели себя тише воды, ниже травы. И вот опять...

— ...А потом ты отправишься в пятый мир, найдешь там Великого змея и передашь ему... — продолжала богиня.

«Черт, черт, черт, — думал Хантер. — Но как же подобраться к ней поближе?»

— И после этого ты, мой законный посланник, предварительно выслав вперед себя двух герольдов в расшитых серебряными блестками одеждах, явишься ко двору...

«Как же, жди, — думал Хантер. — Так со всех ног и побежал... Кстати, и побегу. Для того чтобы я выполнил все ее поручения точь-в-точь, богиня должна наложить на меня заклятие. Самое паскудное — это то, что снять это заклятие не поможет и все мое умение. Значит, нужно что-то предпринять до того, как она примется колдовать... Для того чтобы заклинание подействовало как надо, ей наверняка придется подойти ко мне... Стоп, а придется ли?»

Он бросил на богиню задумчивый взгляд.

А ведь придется, еще как придется. Вот тогда-то он и...

— И вот тогда, выполнив это последнее задание, ты явишься ко мне и я тебя награжу по трудам твоим, не пожалею ни бриллиантов, ни других драгоценных камней из своей сокровищницы.

«Нужны они мне... — подумал Хантер. — Всю жизнь о них мечтал. И вообще, насколько я помню, все эти драгоценности снежных богинь, стоит покинуть их владения, сейчас же превращаются в обыкновенную воду».

— А для того, чтобы ты не вздумал отлынивать от выполнения моих поручений, я должна наложить на тебя заклятие. Поэтому...

Хантер замер.

Вот сейчас все и решится.

— ...ты должен подойти ко мне.

Хантер облегченно вздохнул.

Кажется, у него были еще шансы выпутаться из этой ловушки.

Он оглянулся. Христиан стоял от него в нескольких шагах. Лицо у мальчика было очень спокойным. Видимо, он верил в своего учителя. Не допускал и мысли, что тот не справится с этой опасностью.

«Мне бы твою уверенность», — подумал охотник.

— Перестань крутить головой, — приказала богиня. — И подойди сюда. Сейчас я на тебя буду накладывать заклинание. Поэтому стой спокойно. Если будешь суетиться, то я могу наложить заклинание неправильно. В результате ты вполне можешь, например, в кого-нибудь превратиться. В кого-нибудь не очень красивого.

Постаравшись придать лицу покорное выражение, Хантер двинулся к повелительнице снежных гоблинов. Больше всего в этот момент его интересовали ее нити судьбы.

Конечно, они у нее были. Вот только уж сильно ее нити отличались от обычных, человеческих.

Впрочем, Хантер не очень об этом и думал. Он почему-то был твердо уверен, что ему повезет. И все получится как надо. Лишь бы только снежная богиня раньше времени чего-нибудь не заподозрила.

Она не заподозрила. Снежные богини, они вообще отличаются слишком уж большим самомнением. Сейчас это было охотнику на руку.

Он шел к богине. Чувства его в этот момент невероятно обострились. Сейчас он мог думать только о нитях судьбы снежной повелительницы. Охотник пытался прикинуть, к каким функциям ее они относятся. Некоторые он узнавал легко, но были и такие, которые так и оставались для него загадкой.

Вот, например, та, сероватая, покрытая у основания желтыми полосками, которые к концу нити пре-

вращались в малиновые. Подобных нитей он до сих пор не встречал вообще. Понятное дело, для чего она служит, Хантер не имел и понятия. Однако кое-какие догадки у него имелись.

— Стой! — крикнула снежная богиня. — Этого достаточно.

Хантер остановился. Теперь от повелительницы снежных гоблинов его отделяло всего лишь три шага.

— Ну вот, сейчас я это сделаю, — возвестила богиня и подняла руки для того, чтобы наложить заклятие.

И все же она не успела. Понимая, что все должно решиться именно сейчас, Хантер прыгнул. Он опередил богиню. Рой серебристых снежинок ударил в то место, на котором охотник стоял, но его там уже не было.

Подскочив к богине, Хантер схватил пучок ее нитей судьбы и, быстро пробежав по нему пальцами, нажал на некоторые из них. Богиня застыла, словно и в самом деле превратившись в ледяную статую.

То, что их повелительница находится в опасности, гоблины поняли лишь спустя несколько секунд. К этому времени Хантер успел нажать еще на несколько нитей.

Строй снежных воинов дрогнул, и, размахивая дубинками, они бросились к своей повелительнице, чтобы помочь ей избавиться от охотника. Конечно, нитей судьбы, в которые мертвой хваткой вцепился охотник, они не видели, но все же понять, что происходит нечто странное, они сумели.

Увидев ловкий прыжок учителя, Христиан с криком бросился к учителю. Уж он-то хорошо понимал, что у них появился шанс выбраться из этой передраги целыми-невредимыми.

Хантер еще раз пробежал пальцами по нитям и оглянулся. В этот момент к нему подбежал Христиан.

— Гоблины! — кричал он. — Их нужно остановить. Иначе они нас убьют.

— Все будет хорошо, — промолвил охотник.

Он нажал на еще одну нить, и снежная богиня вновь подняла руки.

— Стойте! — крикнула она гоблинам. — Я приказываю вам — стойте!

Не добежав до Хантера и Христиана всего несколько шагов, гоблины остановились.

Гвирдин спросил:

— О богиня, все ли с тобой в порядке?

— Нет, не все, — ответила та. — Но вы сейчас ничем мне помочь не можете. Человек, на которого я хотела наложить заклятие, неведомым образом сумел взять надо мной верх.

— Точно! — крикнул Хантер. — И если вы попытаетесь сделать хотя бы шаг, я убью вашу повелительницу. Это будет не так уж и трудно.

— Этот человек врёт, — заявил Гвирдин. — Он не может взять верх над богиней. У него для этого кишка тонка.

Хантер нажал еще на одну нить. Правая рука богини дернулась вверх и нанесла своей хозяйке пощечину. Богиня изумленно охнула.

— Понятно? — спросил у нее Хантер.

— Еще бы, — ответила та. — Но учти, ты за это заплатишь. Все знают, что месть моя бывает страшна.

— Тебе для начала придется нас поймать, — ответил Хантер. — А пока я поймал тебя. Таким образом, не упрямысь, а прикажи своим воинам отойти подальше.

Богиня отдала приказание, и гоблины попятились. Когда они отступили метров на сто, она приказала им остановиться и спросила у Хантера:

— Ну, а теперь что?

— А теперь мы продолжим свой путь, — ответил охотник.

Снежная богиня радостно улыбнулась. Похоже, она уже придумала, что сделает с охотником и его учеником, когда те попробуют сбежать.

— Но только, — промолвил Хантер, — тебе придется нас сопровождать до границы снегов. Думаю,

стоит нам ее пересечь, и ты уже не сможешь сделать нам ни одной пакости. Верно?

— Верно, — уныло ответила богиня. — Но почему я обязана вас сопровождать?

— Потому, что стоит мне освободить тебя, как нам вслед полетят сосульки и побегут твои воины. Конечно, нехорошо, что богине придется пройти такое большое расстояние пешком, но ничего не поделаешь.

— Да кто ты, собственно, такой?! — возмутилась повелительница снежных гоблинов.

— Разве это имеет такое уж большое значение? — улыбнулся Хантер. — А теперь нечего рассусоливать. Пошли!

Он дернул за нити так, как ямщик дергает за вожжи, и двинулся к дороге. Богиня покорно следовала за ним.

Снежные гоблины попытались было тоже увязаться за ними следом, но, подчиняясь приказу охотника, богиня велела им оставаться на месте. Тем пришлось остановиться.

По ночному небу быстро бежали казавшиеся свинцовыми облака. Хантер неторопливо шел по дороге. Пальцы, в которых он сжимал линии судьбы богини, здорово замерзли. Но тут ничего уже нельзя было сделать. Стоило ему отпустить линии, и разъяренная повелительница снега убила бы их на месте. Впрочем, сейчас она, словно ослик на привязи, покорно шла за охотником, то и дело поглядывая под ноги, чтобы не наступить ему на пятки. Христиан шел рядом с ней, широко улыбался и наверняка думал, что умнее его учителя не найти в целом свете.

Когда впереди показалась уже граница снежной полосы, за которой начиналась обыкновенная, поросшая травой земля, снежная богиня сказала:

— И все равно я найду тебя где угодно. Я заморожу твое сердце, а потом разобью одним плевком. Я посажу тебя в бассейн с холодной водой, и ты

будешь сидеть в нем вечно. Я вытащу твой мозг и скормлю его своим гоблинам. Я...

— Как тебе не стыдно? — сказал Хантер. — Красивая, чертовски привлекательная женщина... а говорит такие вещи... Стыд и срам!

— А я и в самом деле красивая? — спросила богиня.

— Очень, — сказал Хантер.

— Невероятно красивая, — поддержал его Христиан.

Богиня удовлетворенно улыбнулась. Как и всякая женщина, она была равнодушна к комплиментам. Однако это не помешало ей через минуту сказать:

— И все же ты от меня не уйдешь. Я поймаю тебя. Я тебе отомщу. О том, что ты посмел нанести мне оскорбление и отказался выполнять мое поручение, узнают все мои знакомые боги и богини снегов. Сейчас зима, сугробы попадают на каждом шагу. Рано или поздно ты пройдешь мимо того, в котором будет скрываться твоя смерть. Она нападет на тебя неожиданно. Поэтому ты не успеешь сделать с ней то же, что сделал со мной. Пойми, до весны тебе не дожить.

Хантер пожал плечами.

— А зачем рассказывать о том, что я смог тебя победить, всем твоим друзьям? Не вижу смысла.

— То есть как это? — спросила богиня.

— Да очень просто, — ответил охотник. — Конечно, таким образом ты наверняка меня убьешь. Тем более что до весны и в самом деле еще очень долго. Но учти... ты от этого только проиграешь.

— Почему?

— Да потому, что они станут над тобой смеяться. Такая сильная богиня и не смогла справиться с одним человеком! Стыд и позор. Ты не сможешь им доказать, что я отличаюсь от других людей. Они подумают, что ты оправдываешься. Понимаешь? Тебе хочется стать всеобщим посмешищем? Не слишком ли большая цена за обычную месть?

Снежная богиня глубоко задумалась.

Когда до границы снежной полосы осталось всего несколько десятков шагов, она сказала:

— Может быть, ты и прав. Может, я и не буду рассказывать никому о том, что произошло этой ночью. Может. Но учти, если ты еще хоть раз вступишь на мою полосу снега...

— Неужели я похож на дурака? — спросил Хантер.

12

Лисандра развлекалась тем, что пыталась сконцентрироваться вокруг привязанного к фонарному столбу каменного светлячка. Это было что-то вроде игры. Она старалась сделать так, чтобы вокруг светлячка с интервалом в несколько секунд появлялась и тотчас же исчезала тонкая водяная сфера.

Светлячку это не нравилась. Когда сфера появлялась, свет, исходящий от его панциря, становился тусклым, почти гас. Но стоило сфере исчезнуть, как светлячок снова вспыхивал ярким, слегка голубоватым огнем.

Вампириша уже стала подумывать, а не прекратить ли ей это развлечение, благо, светлячок в силу ограниченных умственных способностей никак не желал проявлять беспокойства. Он, похоже, так и не мог понять, что окружающий его туман ведет себя очень странно.

А какое удовольствие доводить кого-то, если он не понимает, что его доводят?

«Ну, еще пару раз, — подумала Лисандра. — Может, все-таки что-нибудь получится?»

В этот момент неподалеку, за два квартала от нее, раздался истошный женский визг.

Началось!

Лисандра тотчас же забыла о светлячке. Теперь, когда началось время охоты, ей нельзя было отвлекаться на такие мелочи. Она чувствовала, она почти

знала, что соперник должен быть где-то здесь, должен выйти на охоту. Именно сейчас настал момент его выследить.

Женский визг смолк, но тишина длилась недолго. Не прошло и нескольких мгновений, как раздался новый, уже в другом месте, потом в третьем и еще... Через минуту вопли, визг и проклятия слышались со всех сторон. Собственно, именно сейчас ночь преступной любви и началась.

Звон вылетающих из окон стекол, глухие звуки ударов, брань, веселый, вызывающий смех, заунывное пение, хихиканье. Неподалеку пробежали двое парней. Один остановился и засвистел. Чуть дальше ему ответил такой же пронзительный свист.

— Бежим! — крикнул парень своему товарищу. — Они там! Похоже, им нужна наша помощь.

И они припустили вдоль по улице, подпрыгивая, то и дело пытаясь поставить друг другу подножку и весело хихикая. Лисандра медленно полетела за ними. Она понимала, что, передвигаясь, имеет больше шансов обнаружить соперника.

Не будь его, вампириша могла со спокойной совестью отправиться домой и лечь спать. Все эти игры молодежи в ночь преступной любви ее не слишком интересовали. За долгие сотни лет жизни она нагладелась на них до одурения.

Соперник.

Ей был нужен он, и только он. Больше никто. У того, кто живет многие сотни лет, время, словно огромные ножницы, по куску, по крупнице отрезает, отнимает способность чувствовать, медленно, но верно сокращая до минимума возможность радоваться, сожалеть, сопереживать, надеяться. Дольше всего сохраняется чувство любви и привязанности. И еще одно, почти не подвластное времени чувство — любопытство.

Вот уж на отсутствие любопытства Лисандра пожаловаться не могла. Особенно сейчас, когда она понимала, что это любопытство вполне оправданно. Со-

перник, если его не остановить, вполне мог не только погибнуть сам, но и значительно осложнить жизнь ей. Очень осложнить, может быть, даже поставить ее на край гибели.

Итак, Лисандра, все еще в виде тумана, медленно плыла вдоль улицы. Конечно, она могла бы лететь и быстрее, но из осторожности не собиралась это делать.

Те, кто сейчас бегал по городу, штурмовал дома женатых мужчин и развлекался в меру собственной фантазии, на это наверняка не обратили бы ни малейшего внимания. С этой стороны ей ничто не грозило.

Соперник. Его мог насторожить этот странный туман, передвигавшийся со слишком уж большой скоростью. Соперник запросто мог заподозрить что туман, в который превратилась она, не такой уж и обыкновенный. А заподозрив...

Лисандра была уверена, что, заподозрив неладное, соперник может пуститься наутек. Как он это делает, она видела прошлой ночью. Быстро, эффективно, убедительно. И самое главное — без следа.

Она достигла следующего перекрестка. Расположенный неподалеку от него дом штурмовали. Надо сказать, очень энергично. Несколько парней в рабочей одежде брали из расположенного неподалеку от дома сугроба снег, лепили из него снежки и кидали их в выходявшие на улицу окна. Половина из них была уже разбита.

Из распахнутых окон в них летели тарелки, кружки, дырявые башмаки, веники, заранее запасенные гнилые яблоки и помидоры. Все эти предметы, издавая азартные крики, швыряла полная, средних лет женщина в кухонном фартуке — явно хозяйка дома. Две престарелые служанки в старомодных чепцах поспешно подносили ей снаряды.

— Вот так-то! — закричала хозяйка дома, когда о голову одного из парней разбился пущенный ее рукой

цветочный горшок. — Вот так-то! Будете знать, как покушаться... Я вам устрою, сопляки вы этикие.

Тот, о голову которого разбился горшок, стал медленно оседать на мостовую. К нему подскочили товарищи. Один из них, внимательно осмотрев голову травмированного, сообщил:

— Пустяки! Жить будет. Самое большое, что ему грозит, — здоровенная шишка.

После этого он зачерпнул в сугробе горсть снега и положил ее на голову пострадавшего. Тот пришел в себя и выругался последними словами.

— Отомстим! Мсть, мсть и ужас! — закричали остальные парни.

Через несколько мгновений воздух наполнился целой лавиной снежков. Послышался звон стекла. Это вылетели стекла в оставшихся до этой минуты целыми оконных рамах. Одна из старых служанок получила снежком в затылок. Благодаря чепцу снег ей за шиворот не попал, но все же старуха, истошно завывая, кинулась в глубь дома.

Хозяйка же была, казалось, неуязвима. Раскрасневшись, она умудрялась успевать швырять в парней все, что подворачивалось под руку, и одновременно уклоняться от летевших в нее снарядов.

Сражение было в самом разгаре. Ясное дело, в пылу перестрелки хозяйка и думать забыла о муже, который лежал, прикованный к кровати, в дальнем конце комнаты. Тем более что его закрывала большая ширма, очевидно, поставленная для того, чтобы в хозяина дома случайно не попал какой-нибудь снежок.

Итак, хозяйка напрочь забыла о своем благоверном. Собственно, этого и добивались обстреливавшие ее снежками парни.

Лисандра хорошо видела, как открылась ведущая в комнату дверь и в нее, крадучись, проскользнули две девушки — жрицы преступной любви, очевидно, проникшие в дом через черный ход. Оставшись незамеченными, они прокрались за ширму. Через короткое время из-за нее послышался шорох одежды.

Нимало не подозревая о том, что семейная твердыня уже пала, верная жена продолжала без устали швырять в парней самые разные предметы домашнего обихода. Когда доносившийся из-за ширмы шорох одежды стих и вместо него послышались сладострастные вздохи, она принялась за книги, предусмотрительно сваленные стопкой у одного из окон. Конечно, они все были толстые и в твердых переплетах.

Первая же брошенная ею книга угодила одному из парней в лоб. Эффект был почти такой же, как от попадания цветочным горшком.

Лисандра могла еще долго наблюдать за разыгравшимся сражением, но, вовремя вспомнив о сопернике, полетела дальше. Не будь его, она вполне могла остаться, чтобы увидеть, каким станет лицо хранительницы домашнего очага, когда она обнаружит, что все ее усилия пошли прахом.

Она летела. Мимо куда-то спешивших парней и девочек. Мимо мужчины с обрывком веревки на ноге, которого преследовали пять жриц ночи преступной любви. То и дело испуганно оглядываясь, он кричал:

— Вас слишком много! Мне нужна одна, только одна.

— А мы хотим тебя все! — кричали жрицы. — И никуда ты от нас не денешься.

— Денусь!

Будь у Лисандры в данный момент голова, она бы ею покачала.

Ей попалась парочка дэвов. Лениво помахивая дубинками, они шли вдоль по улице.

Один из них сказал:

— Все-таки эти люди странные. Зачем им все эти обычаи? Ничего, кроме неприятностей, они от них не имеют.

Второй промолвил:

— Видимо, таково свойство всех разумных существ. Конечно, мы, дэвы, не устраиваем себе таких ночей преступной любви, но и у нас рыльце в пушку... Кто,

как не ты, на прошлой неделе наладился сока чертовой травы и устроил в казарме частичную материализацию всеобщего друга? Помнишь?

— Ну, еще бы.

— Чем ты тогда отличался от людей, которые сегодня ночью бьют окна собственных домов?

— Похоже, почти ничем.

И дэвы вполголоса, как и положено стражам порядка, засмеялись.

Лисандра летела дальше. Все это было ей не очень интересно. Она искала соперника. Сейчас ее интересовал только он.

Она миновала уже несколько кварталов, но того, кого искала, так и не обнаружила. Ничего страшного в этом пока не было. Вампириша знала, что у нее в запасе еще порядочный кусок ночи. И если даже она так и не сможет увидеть соперника этой ночью, так была еще и следующая.

Гм, следующая...

Вампириша подумала, что будущей ночью ей выбраться из гроба будет не так-то просто. Если бы она еще ни насытилась. Кроме того, если она не найдет соперника этой ночью, тот убьет еще кого-нибудь. Труп найдут, и завтра шляться по улицам ей будет уже опасно.

Ночь висела над городом, словно старый, проеденный молью до дыр зонтик. Крики, смех и визг людей, празднующих ночь преступной любви, отодвинулись куда-то, стали привычным фоном. На самих же людей можно было не обращать внимания. Они только мешали.

Лисандра понимала, что может летать по городу до морковкиного заговения, искать соперника, да так его и не увидеть. Город был слишком огромен, а вампириша не могла находиться в нескольких местах одновременно...

Или могла?

Конечно, туман, в который она превратилась, мог разделиться на кусочки и разлететься по всему городу.

Тогда поймать соперника будет совершенно плевым делом. Вот только она боялась, что, когда наступит момент соединяться, один из кусков ее тела может, например, потеряться.

В этом случае, вернувшись в свой привычный облик, она запросто может недосчитаться, например, руки или ноги.

«Нет уж, фигушки, — решила Лисандра. — Попробую-ка я применить другой способ. Менее эффективный, но зато более безопасный».

Собственно, она могла, например, попытаться представить, что бы стала делать на месте соперника, выйдя этой ночью на охоту. Конечно, этот соперник был совсем не таким вампиром, как она, но все же попробовать стоило.

Она летела туда, куда подсказывало ей лететь шестое чувство, ее подсознание. Полностью подчинившись ему, она не задумывалась, куда приведет ее та или иная улица. Она просто летела, стараясь не превышать скорость, с которой передвигается обыкновенный туман.

Опять дома. На балконе одного из них затаились две жрицы преступной любви. Судя по всему, они поджидали удобный момент покуситься на честь хозяина этого дома. Возле другого горел костер, и несколько сидевших возле него юнцов хором тянули песню о Мэри и ее верном карликовом диплодоке, который очень любил молодые побеги папоротника. Припев они исполняли очень громко, а один даже начинал колотить о брусчатку мостовой крышкой от урны для мусора.

Потом был скверик, в кустах которого развлекались несколько парочек все тех же неутомимых юнцов, видимо, решивших пренебречь всеми этими старинными обычаями и отпраздновать ночь преступной любви, так сказать, индивидуально.

Прошли еще два дэва. Остановившись возле скверика, они переглянулись и, видимо, решив, что про-

исходящее в нем в их компетенцию не входит, двинулись дальше.

Миновав Лисандру, один из них сказал:

— Чертов туман. Никак не пойму, откуда он взялся.

— То ли еще бывает в такую ночь, — махнул рукой другой. — Пошли лучше побыстрее закончим обход да посидим в казарме. У меня там припасен кувшинчик сока чертовой травы.

— Что ж, это очень неплохая мысль.

Лисандра летела дальше. Она миновала еще несколько улиц. Потом была площадь, в центре которой стояла статуя святого Ефроима, прославившегося тем, что в момент вознесения на небо он успел оглянуться и крикнуть: «А, пропадай моя телега, все четыре колеса!»

На то чтобы миновать эту площадь, у вампирши ушло минут пять.

Оставив позади и памятник и площадь, она углубилась в какую-то очень кривую и довольно грязную улочку, закончившуюся развалинами театра народных избранников. Над руинами все еще возвышался шест, на котором трепыхалась грязная тряпка. Эта тряпка, видимо, являлась флагом, на котором все еще можно было различить рисунок, представлявший из себя странный, сильно деформированный крест.

Здесь, видимо, потому, что жилых домов поблизости не было, царили тишина и покой. Лисандра уже хотела было лететь дальше, но вдруг остановилась, зависла возле самых развалин.

Откуда-то, видимо, благодаря все тому же шестому чувству, она знала, что в развалинах кто-то есть. Раздвинувшись в стороны, сделав свое тело максимально прозрачным, она приготовилась ждать.

Кто же иной, кроме соперника, мог здесь прятаться?

Теперь Лисандре надо было решить, стоит ли ей осматривать развалины. Сделать это было не так уж и трудно. Вот только не насторожит ли это соперника? Может быть, стоит подождать? Наверняка он еще не вышел на охоту.

Она устроилась неподалеку от развалин, охватив телом маленькое кладбище, заставленное старыми надгробиями. Надписи на них были полустертые, но все же некоторые из них можно было частично прочитать. Чаще всего встречались надписи типа: «Надежда на... и всеобщее процветание», «...а также достойная старость», «...благоденствие и уважение...». На самом большом памятнике, представлявшем из себя трехметровой высоты крест, была надпись: «Защита... достоинства творческой интеллигенции... в уголовном государстве».

Кладбище Лисандре понравилось. Все эти памятники навевали на нее приятные воспоминания о гробе, в котором она была совсем не прочь немного отдохнуть. Может быть, даже неделю, полторы.

Она представила гроб, который ожидал ее в доме-убежище, и сладко содрогнулась всем своим огромным белым телом.

Ах, все-таки это было бы здорово. Завалиться в него, закрыться крышкой, плотно, так чтобы под нее не попал ни один лучик света, и заснуть... заснуть...

Со стороны развалин театра народных избранников послышался тихий скрип. Словно бы там кто-то осторожно открыл люк. Наверняка так и было.

Лисандра насторожилась.

Похоже, она и в самом деле не ошиблась. Соперник скрывался здесь. И вот-вот должен был отправиться на охоту. Вот-вот...

Теперь оставалось его только не упустить.

Но время шло, а соперник все не показывался. Наверное, он выжидал, словно бы его что-то насторожило.

«Эх, — подумала вампирша. — Будь со мной охотник, мы это дело обстряпали бы в два счета. Никаких засад, никаких поисков. Мы просто загнали бы его, как гончие — зайца. И все! Пара часов, и проблема решена. Все-таки жаль...»

Она невольно вспомнила случившееся не так давно. И то, как она выслеживала этого охотника, как

добиралась в его город. Каких трудов ей это стоило! Особенно если вспомнить, как ее в пути застала ночь друидов... Она осталась существовать тогда лишь благодаря просто чудовищному везению. И все-таки попала туда, куда хотела. А потом нашла дом охотника и устроила возле него засаду.

Все шло как нельзя лучше. И охотник даже сам к ней явился. Он допустил ошибку, и Лисандра, воспользовавшись ею, вонзила ему в шею зубы.

Это было просто превосходно. Вот только вместо того, чтобы превратиться в вампира, поскольку, кусая, она впрыснула ему в кровь содержимое находящегося у нее во рту полого зуба... Да, каким-то образом жидкость, созревающая в полом зубе раз в двадцать лет, не подействовала. Не подействовала, хоть плачь! И охотник, вместо того чтобы превратиться в вампира, стать ее подопечным, которого уж она бы быстро воспитала в нужном духе, самым тривиальным образом умер.

Умер! Кретин! Как самый обыкновенный человек, которого вампир-неумеха укусил слишком сильно. Баран! Тупица! Олух! Как он смел такое с ней сделать?!

Вампирша так разозлилась, что едва не вернулась в свой обычный вид. К счастью, вовремя заметив, что с ней происходит, она все же осталась в виде тумана.

В этот момент в развалинах театра народных изобранныхиков снова послышался едва слышный скрип. Несколько секунд стояла абсолютная тишина, а потом над одной из полуосыпавшихся стен появилось темное пятно. Нечем иным, кроме как чьей-то головой, оно быть не могло.

«Ага, прежде чем отправиться на охоту, он решил осмотреться, — подумала Лисандра. — Правильно делает. Разумно. Вот только охотится он... Охоться соперник с умом, я, наверное, смогла бы и потерпеть его в своем городе. Некоторое время».

Она приготовилась к тому, чтобы передвинуться к развалинам и быстро возвратиться в нормальный вид.

Вампирша уже заранее веселилась, когда представляла, как удивится соперник, когда рядом с ним прямо из воздуха, появится она.

Она уже начала потихоньку выбираться с кладбища, как вдруг неподалеку послышалось громкое пение. И звуки шагов множества людей. Они приближались.

Соперник исчез, видимо, спрятавшись в то убежище, из которого, отправляясь на охоту, вылез. Лисандра опустилась к самым могилам, укрыла их своим телом, словно огромным белым одеялом. Ей казалось, что так она будет меньше обращать на себя внимание.

А люди и в самом деле приближались. Вот их шаги зазвучали уже совсем близко.

«Чтоб вы все сдохли, — подумала Лисандра. — Как не вовремя...»

Не прошло и минуты, как она уже смогла увидеть людей, которые помешали ее охоте на соперника. Конечно, это были все те же юнцы. Целая толпа.

Впереди топали жрицы. Вид у них был крайне довольный. Еще бы, ведь это были жрицы-победительницы. Те, которым все же удалось обмануть хранительниц домашних очагов и добраться до их супружеского ложа. И не только добраться. Вслед за ними шли их парни, громко скандируя имена победительниц и восхваляя их достоинства. Последними шли те, кто участвовал в ночи преступной любви по большей части как зритель.

Впрочем, это ничуть не мешало им громко распевать песни и весело хохотать. Вдруг один из юнцов вскинул руку и крикнул:

— А теперь давайте немного помолчим. Если вы заметили, то справа от нас находится кладбище. А в ночь преступной любви кричать возле кладбища — плохая примета.

Все остальные, видимо, уже несколько подуставшие за эту ночь, послушно замолчали. Благодаря этому Лисандра расслышала, как одна из шедших в задних рядах девушек вполголоса сказала своему парню:

- Мы ведь поженимся?
- Ну, конечно.
- И будем любить друг друга вечно?
- Обязательно.
- Я подумала... если мы поженимся... и настанет ночь преступной любви... Дорогой, мне ведь не придется привязывать тебя к кровати?

— Ну, конечно, нет.

Лисандре захотелось вернуться в свой обычный вид. Хотя бы чтобы иметь возможность усмехнуться.

А потом толпа миновала кладбище. Снова слышались крики и смех. Топот. Толпа уходила, уходила. И ушла. Некоторое время топот, хохот и пение слышались еще вполне явственно. Потом их поглотила ночная темнота. Наступила тишина.

И тогда Лисандра осторожно передвинулась от кладбища поближе к развалинам. Она потратила некоторое время на то, чтобы отыскать люк, который наверняка вел в убежище соперника.

Люк был замаскирован довольно неплохо. По крайней мере обыкновенный человек, даже оказавшись от него в полуметре, так и не смог бы его заметить. Только не вампира. Для того чтобы обнаружить люк, Лисандре хватило чуть сдвинутого мусора, едва заметного следа ботинка, отсутствия пыли.

Она снова вернулась в свой обычный вид и присела неподалеку от люка.

Вот, дело сделано. Теперь она знает, где находится убежище соперника, даже что он все еще находится здесь. В ловушке.

А так ли?

Лисандра вдруг подумала, что убежище соперника могло иметь и второй выход. Может быть, его там, внизу, уже и след простыл?

«С чего бы это? — подумала вампира. — Нет, исключено. Он все еще там. И если спуститься...»

Эта мысль ей не понравилась. Наверху она была в более выигрышном положении. Если же ей вздумается спуститься вниз, то она может, например, попасть в подготовленную соперником ловушку.

«С чего ты решила, что он снабдил свое убежище ловушками? — подумала она. — Не слишком ли уж умным ты его считаешь? Он просто не может быть таким дьявольски предусмотрительным... И второй выход из убежища? Почему обязательно он должен быть? Судя по всему, соперник находится в городе всего несколько дней. Он просто не мог успеть этот второй выход выкопать. Не мог, и все».

Она задумчиво посмотрела на свою руку. Тотчас же ее изящные, ухоженные ногти стали превращаться в длинные острые когти.

«А может, и в самом деле, — подумала вампирша, — подкараулить его здесь? И как только он высунет из убежища голову, полоснуть по горлу когтями. Очень простое и чертовски эффективное решение проблемы».

Эта мысль ей понравилась, и она потратила на ее обдумывание несколько минут.

Наконец Лисандра решительно тряхнула головой.

Нет, нет и нет. Была причина, по которой она так поступить не могла. Ее собственное любопытство.

Вампирша улыбнулась.

«А ты знаешь, — спросила она у себя, — что это любопытство может тебя в конце концов погубить? Как уже губило до тебя многих и многих. А?»

Она посмотрела на звезды. Судя по ним, до того как ночь кончится, осталось не более трех часов. Если за это время соперник не вылезет из убежища, ей придется уйти несолоно хлебавши.

«Может, и в самом деле плюнуть на всякую осторожность и полезть вниз? — подумала она. — Вот так, плюнуть — и все. Сделать ставку на неожиданность. Ты, голубушка, уже не раз делала на нее ставку и, как правило, выигрывала. Так почему же не хочешь рискнуть сейчас?»

Она и в самом деле не хотела рисковать. Но больше всего она не хотела возвращаться в свой дом-убежище, так и не узнав, кем является ее соперник.

Любопытство. Ее любопытство победило страх и осторожность. Это было плохо, но ничего поделать с собой Лисандра уже не могла.

Она протянула руку, чтобы взяться за крышку люка... и едва успела ее отдернуть. Крышка люка шевельнулась. Еще несколько мгновений она лежала неподвижно, а потом стала потихоньку подниматься.

Лисандра приготовилась нанести удар когтями. Она прекрасно понимала, что сейчас узнает все. Независимо от того, хочет она этого или уже не хочет. Она также понимала, что должна быть готова к самому худшему повороту событий. К тому, что соперник нападет на нее, едва откинув крышку люка.

Крышка люка поднималась так медленно, что Лисандре показалось, будто это длится целую вечность. Но вот наконец она откинулась.

Теперь вампирша видела руку соперника, ту, которой он откидывал крышку. Когти на пальцах этой руки были почти такие же, как и ее собственные.

Лисандра холодно усмехнулась.

Для нее это пока еще ничего не значило. Вот лицо...

Она его увидела. Лицо соперника появилось над краем люка, его глаза уставились на вампиршу. И та настолько потеряла самообладание, что едва не закричала.

Это было лицо охотника. Того самого, которого она больше месяца назад хотела превратить в вампира. И убила.

13

Младший маг с размаху ударил себя ладонью по затылку.

Он был идиот. Абсолютный, законченный, пробы негде ставить — дебил. Как еще можно назвать человека, который сделал такую ошибку.

Младший маг представил, как через три дня будет смеяться водяник, и застонал от ярости. Кстати, ока-

жись он на месте водяника — тоже бы смеялся. Ужасным, просто гомерическим смехом.

Как еще может смеяться тот, кто положил себе в карман пятьдесят процентов чужих доходов? Только так, и никак иначе.

Младший маг снова ударил себя по затылку ладонью и, сойдя с дороги, сел на полянку, сплошь заросшую голубой травой.

Нет, в таком состоянии идти куда-либо не имело смысла. Прежде всего он должен был успокоиться. И попытаться найти выход, при котором он, исполнив поручение первого лендлорда, сохранит свои деньги.

Рассеянно глядя на больших, размером с ладонь, бабочек, которые кружились у него над головой, младший маг скороговоркой произнес формулу успокоения.

С третьего раза она подействовала.

Чувствуя, что успокаивается, младший маг лег на спину и стал смотреть в небо. Оно было, как и положено, необыкновенно синим и бездонным. Солнце ощутимо пригревало. Над горизонтом висело облачко, смахивающее на большого птеродактиля.

С дороги доносились скрип колес и тяжелая поступь игуанодона. Видимо, какой-то крестьянин ехал в город.

Этим нельзя было не воспользоваться.

Младший маг неторопливо встал и пошел к дороге.

Он не ошибся. Это и в самом деле была крестьянская телега. Запряжен в нее был карликовый игуанодон. Возница, пожилой дядька с длинными висячими усами и сонным выражением лица, поднял кнут и, слегка помедлив, хлопнул им в воздухе. Очевидно, хлопок кнута должен был заставить игуанодона бежать быстрее. Впрочем, ящер, похоже, не обратил на него ни малейшего внимания. Бежал себе и бежал, равномерно переставляя огромные мосластые ноги, покачивая длинной шеей, равномерно пережевывая свою извечную жвачку.

Младший маг вышел на дорогу и поднял руку.

Крестьянин два раза хлопнул кнутом, и игуанодон остановился. Морда у него выражала бесконечную покорность судьбе.

— В город? — спросил у крестьянина младший маг.

— Ага.

— Подвезешь?

Крестьянин почесал кнутовищем в затылке и сказал:

— Пять сувориков.

Деньги у младшего мага были. Лендлорды скаредностью не отличались и, хорошо понимая, что успех возложенного на него задания может зависеть от наличия звонкой монеты, выдали ему довольно приличную сумму.

Соблазна прикарманить хотя бы не очень большую ее часть у младшего мага не возникало. Он знал, что, вернувшись в долину магов, вынужден будет отчитаться за каждый потраченный суворик. И в этом случае обмануть лендлордов ему не удастся.

— Ладно, заплачу, — сказал он.

— Тогда садись на телегу. Вдвоем будет веселее. Давай не теряй время.

Младший маг проворно забрался на телегу. Как оказалось, она была нагружена мешками с мукой, но не полностью. Так что место для него нашлось, даже столько, чтобы устроиться на телеге лежа.

Крестьянин шелкнул кнутом и крикнул:

— Давай, родимый, двигай!

Игуанодон издал тонкий, стонущий звук и резко тронулся с места. Телега заскрипела. Крестьянин вполголоса затянул какую-то песню. Младший маг подпер голову рукой и стал смотреть на проплывавшие мимо деревья.

До города было не так уж и далеко.

Младший маг подумал, что мог добраться до него и пешком, но все же обрадовался тому, как вовремя ему попался этот крестьянин. Зачем идти пешком, если можно доехать? По крайней мере так он сэко-

номит силы. А они ему могут понадобиться. Задание лендлордов было чертовски трудным. О том, как его выполнить, он подумает особо.

А сейчас надо было придумать, как вовремя забрать у водяника свою долю платы за сведения.

Поразмыслив так и этак, младший маг понял, что сделать он это может, лишь выполнив задание лендлордов как можно скорее и вернувшись в долину до того, как водянику надоест ждать его прихода. В том, что водяник слишком уж долго ждать не будет, младший маг не сомневался.

«Очень плохо, — думал он. — Если я опоздаю, водяник скажет, что я не пришел за деньгами вовремя и, стало быть, утратил на них право. Можно не сомневаться, он это сделает. Но самое главное даже не в этом. Какого дьявола мне нужно было просить о помощи этого проклятого водяника? Знай я, что не пройдет и нескольких часов, как мне придется покинуть долину магов, я бы даже и не подумал идти к этой сухопутной каракатице!

Вот в чем дело!

Знай я хотя бы на несколько часов раньше...»

Все-таки телегу трясло довольно ощутимо, и он сел. Крестьянин бросил на него задумчивый взгляд, снова хлопнул в воздухе кнутом и затянул песню о дороге, такой длинной, что проехать ее нельзя и за всю жизнь, о курганах, в которых спят древние короли, о солнце, которое немилосердно жжет головы тех, кто едет по этой дороге, о встречах путника, которых можно подвезти...

Младший маг внимательно осмотрел его нити судьбы, не нашел среди них ни одной опасной, мимоходом отметил, что у крестьянина, видимо, не все ладно с печенью, и утратил к вознице всякий интерес.

Сейчас ему было не до него. Сейчас самое время было обдумать план кампании.

Итак, лендлорды считали, что к их долине приближается какой-то враг. Он пока еще был далеко, но то, что шел к долине, не вызывало сомнений. Скорее

всего, у него есть коробочка дальновязи, которую он забрал у серого мага...

Стало быть, именно поэтому серых магов больше делать не будут. Не оправдали доверия. Ну-ну...

Ладно, идем дальше. Он должен обнаружить этого неизвестного врага с помощью другой коробочки, которую дал ему первый лендлорд. А обнаружив, обязан врага уничтожить.

Мрак. Пойди туда, не знаю куда, найди того, который неизвестно как выглядит, но является врагом. А потом еще и нужно этого неизвестного непонятно каким образом уничтожить.

Прелестная, просто прелестная перспектива!

И все же приказ лендлордов — есть приказ. Его надо выполнить, даже ценой жизни.

Младший маг прислушался к песне крестьянина и подумал о том, что к смерти он совершенно не готов. Собственно говоря, он хотел стать черным магом, кроме всего прочего, еще и для того, чтобы получить бессмертие. Насколько он знал, черные маги бессмертны, причем убить их можно было лишь особым оружием.

Однако лично он еще не прошел обряд посвящения, а стало быть, черным магом пока не являлся.

«Бессмертен ли я уже сейчас? — подумал младший маг. — И кстати, есть ли у меня защита от обычного оружия?»

Это был очень серьезный вопрос. Он думал над ним до тех пор, пока телега не въехала на окраину города. Когда по сторонам от нее замелькали дома, младший маг тяжело вздохнул и с неохотой сам себе признался, что, скорее всего, он пока еще не бессмертен, а стало быть, и не защищен от обычного оружия.

Тут младшему магу стало не по себе. До него вдруг дошло, что, вполне вероятно, первый лендлорд послал его на смерть. Так сказать, передовой отряд, который гибнет, но зато благодаря ему все остальные могут узнать, что из себя представляет противник.

Младший маг затосковал.

— Тебе в городе куда надо? — спросил крестьянин.

Младший маг огляделся. Телега как раз въехала на широкую, похоже, ведущую к центру города улицу.

— А вот здесь и высади, — сказал он.

Крестьянин два раза щелкнул кнутом. Телега остановилась, к большому неудовольствию ехавшего вслед за ней верхом на морском дракончике собирателя морских цветов, из которых делали чудесную, немыслимой сочности краску.

— Эй вы, — крикнул собиратель цветов. — Вы что, решили тут стать лагерем? Дайте проехать!

Младший маг расплатился с крестьянином, слез с телеги и пошел по тротуару в сторону центра. Теперь ему надо было поймать такси, которое отвезет его в аэропорт.

Такси ему попало лишь тогда, когда он отмахал несколько кварталов.

— Куда? — спросил шофер, открывая дверцу и окидывая младшего мага испытующим взглядом.

Видимо, прикинув, что у этого худого как щепка, с лошадиным лицом подростка вряд ли карманы лопаются от денег, шофер презрительно улыбнулся.

«А вот это ты зря, — подумал младший маг. — За эту усмешку ты заплатишься».

— В аэропорт.

— Пятьдесят сувориков, — бесстрастно сказал таксист.

Младший маг мог бы поклясться, что проезд в аэропорт стоит раза в два, а то и в три дешевле, но все же согласился.

— Деньги вперед, — потребовал таксист.

Младший маг покорно вытащил из кармана пачку сувориков, отделил от нее одну бумажку и протянул таксисту. Тот посмотрел ее на свет, убедился, что пятидесятисувориковая бумажка не фальшивая, и только после этого небрежно бросил:

— Садись.

Младший маг забрался на заднее сиденье. Таксист пробормотал что-то нецензурное, и машина тронулась.

«И все же, — подумал младший маг, — похоже, мне основательно не повезло. Конечно, можно сейчас сетовать на судьбу. Только большого смысла в этом нет. Поэтому не проще ли подумать, как выполнить приказ лендлорда и одновременно остаться в живых».

Думая так, он чисто машинально протянул руку и поймал одну из нитей судьбы шофера. Самый ее кончик.

«А остаться в живых я могу, только если буду соблюдать кое-какие принципы, — думал младший маг. — Прежде всего: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Потом: действовать только чужими руками, только через других людей. И наконец: если этот враг окажется мне не по зубам, я попытаюсь смыться. Живой трус лучше, чем мертвый храбрец».

Он вырастил из указательного пальца правой руки черную, с ядовито-зелеными крапинками нить и прижал ее к нити судьбы шофера. По ней сейчас же побежали черные кольца. Они устремились к основанию нити и вскоре исчезли.

Младший маг ничуть не сомневался, что сделал все правильно. Через сутки-двое этот шофер почувствует странное недомогание. А потом не пройдет и получаса, как его сердце остановится. Без всякой видимой причины. Остановится — и все.

Вот так. Нечего грубить клиентам, пусть даже они и не выглядят богачами.

Чувствуя, что настроение у него несколько улучшилось, младший маг отпустил нить судьбы шофера и откинул голову на мягкую подушку сиденья.

К этому времени машина уже выехала из города и теперь катила по гладкой, прямой, как стрела, дороге, ведущей к аэропорту. По сторонам дороги стояли барабанные деревья. Ритм, который они выстукивали

веточками по собственным пустым стволам, не мог заглушить даже рев мотора машины.

Возле одного из деревьев под этот ритм танцевали несколько воинов племени бечевка. Лица их были раскрашены серыми полосками, в руках они сжимали боевые топоры и время от времени издавали пронзительные вопли:

— А, чтоб вас всех! До конца, до самого конца! Деньги давай! Браток, оставь покурить займы!

Шофер покачал головой и мрачно буркнул:

— Достали. Нет чтобы работать, как все. Только целыми днями и делают, что танцуют. Реликты и есть.

В самом деле племя бечевка считалось вымирающим. Когда-то давно, в ту пору, когда пеликанские короли уже вымерли, они владели половиной этого мира. К сожалению, пристрастие к бессмысленным танцам, спиртному и ничегонеделанью привело к полному вырождению. Другие, более деятельные племена согнали бечевков с их исконных мест обитания. Теперь они встречались очень редко, в основном, возле аэропортов. Почему-то аэропорты им очень нравились. Может быть, из-за шума крыльев взлетающих самолетов, может, по какой-то другой причине.

Через десяток минут такси остановилось возле аэропорта. Младший маг выбрался из него, захлопнул дверцу и, не попрощавшись с шофером, пошел к широкому одноэтажному зданию аэровокзала. Когда до него осталось совсем немного, он остановился и вытащил из кармана коробочку, которую дал ему первый лендлорд. Определив с ее помощью, в какую сторону придется лететь, младший маг отправился дальше.

Билет на нужный рейс он купил вполне свободно. До отлета оставалось еще полчаса. Он прошелся по аэровокзалу, то и дело останавливаясь возле лотков мелких торговцев, на которых продавалось все что душе угодно, начиная от хорошо прожаренных фин-

тифлюшек и заканчивая кривыми дангмарскими кинжалами, клинки которых отливали синевой.

Остановившись у одного из лотков, младший маг купил несколько медовых трубочек и устроился на одной из пустых скамеек. Трубочки истекали медом, пачкая пальцы, их надо было как можно скорее съесть, но он все медлил. Ему почему-то казалось, что со времен его детства трубочки стали другими. Он был почти уверен, что эти трубочки не такие ароматные, сладкие и вкусные, как те, что он пробовал когда-то давно.

Мимо, о чем-то оживленно разговаривая, прошли две стюардессы. Видимо, на лице у младшего мага было очень странное выражение, потому что они переглянулись и, весело хихикая, отправились дальше.

И тогда младший маг решил. Он откусил кусочек одной из сладких трубочек, прожевал его и аж зажмурился.

Все было так же, как много лет назад!

Трубочки по-прежнему были ароматными и сладкими, очень вкусными. Как тогда...

«У них вкус детства, — подумал младший маг. — Именно так — вкус детства».

Он растерянно оглянулся. На какое-то жуткое мгновение ему показалось, что окружающий мир изменился и те десять лет, что он провел в долине магов, исчезли. Их просто не было. И он по-прежнему был маленьким мальчиком, которому мама купила сладкую трубочку, и знать не знал ни о каких нитях судьбы, а также о лендлордах, их жутких тайнах, дереве мира и долине магов.

Он, конечно, очнулся, потому что такие ощущения бывают лишь кратковременными, и поспешно, словно преступник, уничтожающий важные улики, стал поедать медовые трубочки, откусывая их огромными кусками, старательно работая челюстями, пытаясь удержать выступившие на глазах слезы.

Когда с трубочками было покончено, младший маг старательно облизал пальцы, аккуратно положил ру-

ки на колени и стал ждать, когда объявят посадку на самолет. В желудке у него было непривычно тяжело.

Посадку объявили вскоре.

Пассажиров было не так уж и много. Направляясь к выходу на аэродромное поле, младший маг увидел двух погонщиков самолетов. Один из них окинул взором спешившую к выходу кучку пассажиров и сказал:

— Похоже, сегодня салон будет полупустым.

Второй развел руками.

— Ничего не поделаешь. Зима!

Выйдя на поле, младший маг сразу же увидел самолет, на котором ему предстояло лететь. Он лежал в самом центре поля, и вид у него был крайне умиротворенный. Возле самолета уже сустились несколько рабочих. Один из них помогал стюардессам поднять в салон, располагавшийся на спине самолета, ящики с прохладительными напитками. Другие старательно убирали сено, оставшееся после заправки самолета.

Вместе с другими пассажирами младший маг прошел в центр поля и поднялся в салон по приставной лестнице. Стюардессы рассаживали пассажиров по местам, разносили прохладительные напитки и улыбались. Улыбки у них были вполне профессиональные.

Место младшего мага оказалось возле окна.

Усевшись, он подумал, что полет продлится около шести часов. Стало быть, имело смысл поспать. Кто знает, может быть, там, куда он собирался лететь, подобного случая не представится и вовсе?

Тут рядом с ним уселась какая-то девушка. Младший маг бросил на нее настороженный взгляд.

Девушка была самая обыкновенная. Усевшись в кресло, она вытащила из сумочки книжку, а также большое красное яблоко. Перелистывая страницу за страницей, она грызла яблоко и, кажется, не обращала на своего соседа никакого внимания.

Изучив ее линии судьбы, младший маг окончательно уверился, что никакой опасности эта девушка не представляет, и стал ждать, когда самолет взлетит.

Долго ждать ему не пришлось. Через салон протопали погонщики самолетов, те самые, которых он видел в здании аэровокзала, и скрылись в кабине управления.

Через минуту из нее послышался крик:

— А ну давай, чего разлегся?! Лететь пора!

Еще через минуту самолет встал на четыре лапы и, не спеша, затрусил по взлетному полю.

— Давай! Живее, иначе не получишь своего сена! Взлетаем! — надрывался один из погонщиков.

Самолет с тугим хлопком распахнул крылья. Теперь он бежал быстрее. Пассажиров довольно ощутило закачало. Сидевшая рядом с младшим магом девушка закрыла книгу и откинула голову на спинку сиденья.

Как это обычно бывает, несколько томительно долгих мгновений казалось, что самолет так и не оторвется от земли. Потом крылья его ударили с удвоенной силой, и самолет наконец взлетел.

Издав радостный вой, он стал набирать высоту. Некоторое время младший маг смотрел в окошко на удалявшуюся землю. Потом это ему наскучило, и он уснул...

Он спал всю дорогу и проснулся только тогда, когда самолет приземлился. Оживленно переговариваясь, пассажиры один за другим покидали салон. Его соседки уже не было. Видимо, она вышла одной из первых.

Младший маг потер глаза и широко зевнул. Он выбрался из кресла и тоже двинулся к выходу.

Спустившись по приставной лестнице, он прошел до здания аэровокзала и оглянулся. Самолет сидел, устало опустив голову, сложив крылья. Здоровенный броненосец тащил по полю воз с сеном. Рядом с ним, о чем-то разговаривая, шли двое аэродромных рабочих.

Итак, он на месте. Почти.

Младший маг прошел через здание аэровокзала, вышел на небольшую площадь, на которой стояло несколько такси. Их сейчас же расхватили приехавшие пассажиры.

Решив, что спешить не стоит, младший маг присел на скамейку. Площадь была почти пуста, только в дальнем конце прохаживалась его бывшая соседка. Вот она тоже села на скамейку и открыла книгу.

А младший маг вдруг осознал, что все уже началось. Он прилетел, и теперь пора подумать о том, как убить этого неведомого врага. Кстати, кто он? Как выглядит? Чем опасен? Где у него слабые места?

Младший маг подумал, что вот этого-то он как раз и не знает. Значит, нужно быть готовым к любым неожиданностям.

Это младшему магу как раз и не нравилось. Слишком уж был велик риск.

«Нет, только чужими руками, — подумал он. — В конце концов, зря, что ли, меня десять лет учили лендлорды? Чужими руками. И вообще прежде всего надо знать, кем этот враг является».

Теперь ему предстояло решить, стоит ли идти этому неведомому врагу навстречу? Может быть, имеет смысл подождать его здесь, в городе? Причем ждать его в городе будет гораздо безопаснее.

Наверняка здесь есть черный маг. И если подсоединиться к его сети...

Младший маг хитро улыбнулся.

Ну, конечно, как он сразу не додумался?.. Совсем не обязательно создавать свою собственную сеть. Достаточно использовать сеть местного черного мага. Пусть он обнаружит врага первым. И, может быть, даже вступит с ним в бой.

«А я, — подумал младший маг. — Я вроде как буду в стороне. До поры до времени...»

На площадь перед аэровокзалом выехало такси. Сидевшая на скамейке девушка закрыла книгу и на-

правилась к машине. Младший маг опередил ее и, усевшись рядом с таксистом, приказал:

— В город.

— Давайте подождем и девушку, — предложил таксист. — Ей наверняка туда же.

— Поехали, — резко приказал младший маг. — Плачу за то, чтобы не брать других попутчиков.

— Ну, как знаешь, — пробормотал таксист.

Когда машина тронулась, девушка огорченно махнула рукой и сказала, видимо, что-то не слишком пристойное. Впрочем, из-за шума мотора, что именно, младший маг не расслышал. Собственно, это его не сильно и интересовало.

«Итак, — думал младший маг. — Остается решить лишь один небольшой вопрос. Но очень важный. Стоит ли мне дать знать о своем появлении черному магу, к сети которого я подсоединюсь? Можно ведь сделать это так, что он ни о чем и не догадается».

— Где тебя высадить? — спросил таксист.

Младший маг посмотрел в окно. Поля, шеренга высаженных вдоль дороги барабанных деревьев. Судя по положению солнца, до темноты осталось часа два, не больше.

— Возле какой-нибудь гостиницы, хорошей, в которой можно без хлопот переночевать.

— Понял, — повеселел таксист.

Судя по всему, он несколько сомневался, есть ли у этого, по виду не очень богатого паренька деньги, чтобы заплатить за проезд.

А младший маг все не мог решить, сообщать о своем появлении черному магу этого города или нет. Было у него предчувствие, что этого не стоит делать ни в коем случае. Вот только являлось ли это предчувствие верным?

Объединившись, они могли убить врага вообще без всяких хлопот, раздавить его, как козявку. А если нет? Что тогда? Может быть, предоставить черному магу сразиться с ним первым? А уж после этого, если понадобится, нанести свой удар?

«Именно так я и сделаю, — решил младший маг. — Осторожность и еще раз осторожность. Лишняя перестраховка не помешает».

К гостинице такси подъехало через полчаса. Младший маг расплатился и, отпустив таксиста, огляделся.

Гостиница, как и многие другие, была двухэтажной. Окна первого этажа закрывали прочные ставни, а по сторонам от входа сидело два небольших каменных птеранодона. Рядом с одним из них стоял здоровенный мальб и сонно глазел на прохожих. В метре от него лежала нить паутины местного черного мага. Несколько ее ответвлений уходило в стену гостиницы.

«Прекрасно, — подумал младший маг. — Эта гостиница мне подходит. Почти в центре города. Опять же и довольно легко подсоединиться к сети черного мага. Теперь, для полного везения, хорошо бы, в ней оказалась хоть одна свободная комната».

— Эй, ты, свободные места есть? — спросил он у мальба.

Тот почесал в затылке, потом ответил:

— Как не быть? Есть. Для того меня хозяин и выгнал на улицу. Приказал посмотреть, не появится ли желающий переночевать. Ближайшая ночь, она ведь... это... ночь старого броненосца. Конечно, она не больно-то опасная. Но лучше в такую ночь по улицам не шляться. Того и гляди с ним встретишься. А ты, собственно, чего желаешь?

— Чего желаю? — усмехнулся младший маг. — Болван, комнату мне нужно.

— Так это, значит, заходи тогда. Хозяин тебя ждет. Младший маг вошел.

Хозяин ему и в самом деле обрадовался. Свободных комнат было несколько, и младший маг выбрал ту, через которую проходило одно из ответвлений сети черного мага.

Заплатив хозяину, он спустился в зал и плотно поужинал. Кормили в гостинице вполне прилично. По крайней мере гораздо лучше, чем в долине магов. И служанка, что подавала ужин, была очень даже

ничего, «выдающаяся девочка». Причем больше всего она выдавалась в области бедер и бюста. Младший маг было ударился в мечтательность, да вовремя опомнился. Не за этим он сюда приехал, совсем не за этим. Если на каждую мужланку отвлекаться, то настоящим черным магом никогда не станешь.

Чувствуя приятную сытость, младший маг поднялся в свой номер одним из первых и лег на кровать.

Впрочем, спать он не собирался. Прежде всего ему нужно было сделать одно очень важное дело.

Младший маг закрыл глаза и сосредоточился. У него получилось. Он представил комнату, в которой лежал, так четко и подробно, словно бы прожил в ней по крайней мере месяц, до последней трещины в половице, до ползущего к окну по каким-то своим, очень важным делам таракана. И отросток нити из сети черного мага. Он был здесь, проходил в полуметре от его кровати.

Пора было начинать действовать. Чего уж проще?

Младший маг представил, как из его руки медленно выползает тоненькая, словно волосок, нить кадмиевого цвета. Она ползла себе и ползла напрямик к отростку сети черного мага.

Почти доползла. Осталось не больше полупальца.

Младший маг затаил дыхание. Теперь начиналось самое сложное, а стало быть, все зависело от того, насколько осторожно он работает.

Его нить удлинилась еще немного и осторожно прикоснулась к отростку. Прикоснулась и сейчас же отдернулась. Прошла томительно долгая минута, и нить снова прикоснулась к отростку. Причем в этот раз она не отдернулась, прилепилась, словно намазанная клеем.

Младший маг улыбнулся. Пока все шло как нужно. Даже слишком хорошо. Теперь осталось только проверить, не заподозрил ли о его существовании черный маг.

Нет, не заподозрил. Ритм, в котором едва заметно пульсировал отросток, не изменился ни на йоту, ос-

тался прежним. Похоже, и в самом деле черный маг не заметил, что к его сети кто-то подсоединился. Мало ли с какими нитями сто раз на дню соприкасается его сеть?

Младший маг перевел дыхание и осторожно вытер со лба пот.

Кажется, все получилось как нельзя лучше. Остальное было не так уж и трудно. Проникнуть через этот отросток в сознание черного мага, сделать это так, чтобы он ничего не заметил, установить наблюдение, чтобы перехватывать сообщения этой сети, — все это было гораздо легче. Подобное у него, как правило, получалось запросто.

Младший маг прикинул, что труднее всего будет ждать, когда же эта сеть наконец сообщит ему, что обнаружила врага лендлордов. Хотя он сумеет и это. Научили, причем очень хорошо.

Он дождется. Младший маг знал это почти точно. Уж такое было у него предчувствие.

Больше всего в данный момент он напоминал себе паучка. Маленького осторожного паучка, который сидит в засаде, поджидая, когда в его сеть попадет большая жирная муха. Попадет и останется. Навсегда.

14

— Они уроды, — сказал Христиан.

— Кто именно? — поинтересовался Хантер.

— Да эти, снежные гоблины. И их хозяйка — тоже. Она даже хуже, поскольку умнее.

— Ух, кто в нашей жизни не урод? — вздохнул охотник. — Дожить до определенного возраста и стать не уродом, для этого надо быть либо слишком умным, либо жутко везучим. И тот и другой путь имеют свои минусы.

— А ты как же?

— Я — тоже. Или ты думаешь иначе?

— Думаю.

— Ну и зря. Конечно, урод уроду рознь, но только сущности их это ничуть не меняет. Та же шапка, только вывернутая наизнанку. Понял?

— Как не понять? — ухмыльнулся Христиан. — Значит, тебя теперь можно называть уродом. А?

— Только попробуй. Уши оборву, засолю и поставлю есть под звуки военных барабанов.

— Чьи уши-то?

— Твои, твои, чьи же еще?

— А вот, если...

— Погоди, не болтай.

Хантер остановился и вгляделся в расстилавшийся по сторонам дороги лес. Вроде бы ничего угрожающего не было видно. И все же охотник насторожился.

— Какая сегодня ночь, знаешь? — спросил он у Христиана.

— А как же? Ночь старого броненосца

— Вот то-то. Броненосцы, они коварные. Может, свернем с дороги и заночуем?

— Давай пройдем еще немного. Так хочется от этой снежной полосы как можно дальше. И потом, кто знает, вдруг богиня может ходить не только по снегу?

— Не может, — сказал Хантер. — Если бы могла, она бы уже давно нас догнала и такое сделала...

Он замолчал и снова прислушался.

— Да что случилось-то? — встревоженно спросил мальчик. — Я вроде ничего опасного не вижу.

— Вот именно поэтому ты ученик, я — учитель, а не наоборот, — сказал Хантер.

Он немного помолчал, потом решительно махнул рукой.

— Все, уходим в лес. На дороге опасно. Уходим и устраиваем привал. Костер зажигать не будем.

Христиан спорить больше не стал. Конечно, позубоскалить немного не возбраняется, но, если учитель не на шутку встревожился и говорит, что нужно устроиваться на ночлег, его лучше слушать. Учителя, они

потому и являются учителями, что кое в каких вещах понимают гораздо больше, чем те, кого они учат.

Они ушли в сторону от дороги, благо ночная темнота, учитывая их зрение, была помехой небольшой.

Метрах в ста от дороги были заросли кустов бешеной колючки. Хантер пошарил в траве недалеко от зарослей и нашел несколько больших, размером с детский кулачок, бутонов дурманки.

Удовлетворенно крикнув, он обошел заросли так, чтобы оказаться к ним по ветру. Теперь осталось только использовать дурманку. Для этого Хантер резко нажал на один из бутонов, тот с громким хлопком раскрылся, и из него вырвалось облачко сероватой пылицы. Ветер отнес его в сторону зарослей. За первым бутонем последовал второй, а потом для верности и третий.

— Все? — спросил Христиан.

— Угу, — ответил Хантер. — Пожалуй, пора попробовать.

Он подошел к зарослям вплотную и осторожно прикоснулся к одной из снабженных длинными, слегка изогнутыми колючками ветке. Та подалась, поскольку на ощупь колючки стали мягкими, словно бы сделанными из глины.

— Пошли, минут тридцать у нас есть, — сказал Хантер и, уже ничуть не боясь, двинулся в глубь зарослей. — Только иди строго за мной, след в след.

Мальчик так и сделал.

Они прошли в глубь кустарника метров пять и остановились. Хантер забрал у мальчика самодельное копье, наконечником которому служил острый нож. Его дага для того, что он задумал, не годилась, поскольку ею можно было лишь колоть, а не резать.

А дальше закипела работа. Быстро и ловко Хантер резал ветки и передавал Христиану. Тот откидывал их как можно дальше. Как по конвейеру. Минут через двадцать они, таким образом, очистили площадку, вполне достаточную для того, чтобы на ней могли лечь, вольготно вытянув ноги, два человека.

Срезав на всякий случай еще некоторое количество веток, охотник остановился и сказал:

— Все, хватит. Да и колючки, похоже, уже твердеют.

— А как мы отсюда выберемся? — спросил Христиан.

— Так же, как и попали. Пара цветков у меня еще осталась.

Он вытащил из кармана два бутона дурманки, внимательно их осмотрел и, убедившись, что они в целости и сохранности, положил на землю.

— Пусть здесь полежат. Утром мы их используем.

— А теперь будем устраиваться на ночлег?

— Точно. Будем. После всех этих приключений на снежной полосе отдохнуть совсем не мешает. О безопасности можно не беспокоиться. Насколько я знаю, кусты бешеной колючки обходит стороной даже тيرانозавр-рекс. И правильно делает.

Они устроились в центре очищенной ими от колючек площадки, легли рядом. Все-таки была зима, и ночью, особенно ближе к утру, можно довольно прилично замерзнуть.

Христиан, видимо, здорово устав, почти сейчас же заснул, а Хантер лежал на спине и смотрел в небо. Оно казалось огромным черным колпаком, из тех, которые носят волшебники. Какой-то гигант вывернул этот колпак наизнанку, так что украшавшие его звездочки оказались внутри, и нахлобучил на землю. Может быть, из прихоти, а может, чтобы люди не увидели нечто, находящееся за пределами этого колпака.

«Интересно, — подумал Хантер. — А в самом деле, что находится там, где кончается небо? Наверняка там есть какой-то свой, отличный от нашего мир, устроенный, может быть, совсем по-другому».

Он попытался представить, как этот мир может выглядеть. В голову лезла всяческая чепуха вроде планет, которые не соединены в огромную цепь и вооб-

ше являются не плоскими, а, может быть, квадратными или, хуже того, круглыми.

Хантер думал о том, что жить на таких планетах наверняка было бы очень трудно. Может быть, людям, которые на них живут, для того чтобы не скатиться с планеты вниз и не упасть в окружающее ее пространство, пришлось отрастить на ногах когти. Этими когтями они цепляются за поверхность планеты и благодаря им не падают вниз.

«Бред какой-то, — подумал охотник. — Так не бывает. Это у тебя, брат, фантазия слишком уж разыгралась».

Правда, он вспомнил, что в одной из книг, которую он читал, было написано, что Вселенная огромна настолько, что в ней может быть все, абсолютно все. В этой огромной Вселенной есть место всему, что может и чего не может выдумать человек.

«А стало быть, — решил Хантер, — все эти квадратные, треугольные и круглые планеты вполне могут существовать. Да наверняка и существуют, точно так же как наша цепь миров. Может быть даже, тем, кто живет на этих странных планетах, их жизнь кажется абсолютно естественной, и они никак не могут поверить в то, что существует, например, наша великая цепь миров».

Он усмехнулся, представив, как мог бы, например, такой человек с треугольной или квадратной планеты удивиться, оказавшись в этом мире.

Он лег поудобнее и, закинув руки под голову, стал думать о том, что, даже если бы человек с такой странной планеты оказался в их мире, наверняка выяснилось бы, что он практически такой же, как и все другие люди.

Конечно, на ногах у него могли быть когти, чтобы лучше цепляться за свою планету. Он мог отличаться от людей этого мира и еще чем-то, но в главном наверняка должен был быть на них похож. Наверняка он так же, как и Хантер, как Христиан и прочие, мог испытывать ненависть и любовь, мог беспокоиться о

тех, кто был ему дорог, мог огорчаться по поводу неприятностей и радоваться, когда все получалось так, как он и хотел. Короче, в области эмоций он наверняка оказался бы самым обыкновенным человеком.

«Что-то куда-то тебя не туда повело, — сказал себе Хантер. — Давай думай о другом. У тебя и обычных забот хватает — выше крыши».

Он хотел было перевернуться на живот, чтобы больше не смотреть на небо, но тут со стороны дороги донеслись странные звуки. Они здорово смахивали на пыхтение гигантского ежа.

Хантер насторожился. Что-то ему эти звуки напоминали.

Осторожно пошарив рядом с собой, охотник нашел самодельное копьё. Теперь звуки слышались ближе. Тот, кто их издавал, явно приближался к зарослям, в которых прятались два путника.

«Ну-ну, — подумал Хантер. — Посмотрим, как этой твари понравятся бешеные колючки. Держу пари, они придутся ей не по вкусу. А если она даже умудрится как-то через них пробраться... Прекрасно, можно и подраться».

Он толкнул Христиана локтем в бок и, когда мальчик проснулся, прошептал:

— Тише. Старайся не шевелиться. По-моему, мимо проходила какая-то зверюга и решила попробовать нас на вкус.

— Что за зверюга? — спросил мальчик.

Как все, кто вырос на дороге, он умел просыпаться почти мгновенно, в полной готовности к неприятностям.

— Вроде бы она очень большая. Подойдет поближе — увидим.

— Ну-ну.

Христиан тоже вооружился копьём и стал вглядываться в переплетение веток, надеясь увидеть хищника в просветы между ними. Между тем пыхтение слышалось все ближе. Вот зверь остановился, видимо, для того, чтобы принюхаться.

Охотник и его ученик затаили дыхание.

К несчастью, ветер дул в сторону дороги, и зверь мог запросто учуять их запах.

Так оно и случилось.

Неожиданно пыхтение стало громче. Видимо, зверь сошел с дороги и теперь направлялся напрямиком к кустам. Вот он оказался возле них и снова остановился пригнувшись.

Хантеру удалось рассмотреть его через просветы между ветками.

— Скверно, — сказал он Христиану. — Я говорил тебе, какая сегодня ночь?

— Старого броненосца.

— И зря. Не стоило. Плохая примета. Вот она и сбылась. Этот зверь — старый броненосец и есть.

— Ты уверен?

— На все сто. Он самый.

— А он опасный? Мне еще со старыми броненосцами сталкиваться не приходилось. Не знаю, каким образом, но, как правило, на ночь старого броненосца мне удавалось устроиться под крышу. Так он может нам сделать что-то плохое?

— Как повезет, — озабоченно ответил Хантер. — Старые броненосцы, они бывают нескольких видов. Некоторые из них запросто могут нами полакомиться, а некоторым будет достаточно только поговорить. Подождем. Скоро все станет ясно.

Видимо, приняв решение, старый броненосец фыркнул и двинулся на кусты. Хантер и Христиан приготовили копыя. Однако оружие не понадобилось. Наткнувшись на бешеные колючки, броненосец издал тонкий писк и отпрянул от кустов так, словно наткнулся на раскаленное железо.

— Слава Богу, — пробормотал Хантер. — Оказывается, бешеные колючки действуют даже на старых броненосцев.

— Почему их называют старыми броненосцами? — спросил Христиан.

— Потому что они и в самом деле старые, — ответил охотник. — Они живут очень долго, может быть, бесконечно. И они совсем другого вида, чем те, на которых крестьяне иногда возят на базар овощи. И еще старые броненосцы очень умные.

— Не очень-то заметно, — проворчал мальчик. — Если он такой умный, то зачем на колючки полез?

— Откуда я знаю? Может, он дурака валял? Они, старые броненосцы, иногда и дурака валяют. Для развлечения.

Между тем огромный зверь двинулся вокруг зарослей кустарника, в которых скрывались путники. Похоже, он искал проход, через который мог до них добраться.

Хантер с облегчением вздохнул.

— Кажется, нам и в самом деле ничего не грозит, — сказал он. — Я боялся, что этот броненосец окажется летающим. Теперь можно уверенно сказать, что — нет. Умей эта тварь летать, он бы уже давно до нас добрался.

— Никогда не слышал о летающих старых броненосцах, — пробормотал Христиан.

— Тем не менее они встречаются. Правда, редко. Но этот к их числу не относится. Поэтому мы в безопасности.

Старый броненосец завершил круг вокруг кустарника и вернулся на то место, с которого его начал. Некоторое время он озадаченно фыркал, потом лег на живот и попытался рассмотреть тех, кто скрывался внутри колючей крепости.

Теперь охотник и его ученик тоже смогли рассмотреть его достаточно хорошо.

Старый броненосец был огромен. Шагов около двадцати в длину, он совсем не походил на своих собратьев, которых многие крестьяне использовали как рабочую скотину. У него были большая, чуть ли не квадратная голова, толстое, почти полностью закрытое роговыми пластинами тело и короткий, увенчанный на конце костяным крюком хвост. И глаза. Они

у него были огромные и здорово смахивали на человеческие.

Хантер смог разглядеть их достаточно хорошо не только благодаря своему зрению, позволявшему прекрасно видеть в темноте, но также и из-за того, что глаза броненосца светились странным голубоватым светом, напоминающим пламя спиртовки.

Некоторое время люди и зверь молчали. Первым заговорил старый броненосец.

— Итак, — сказал он. — Два очень хитрых человека, которым удалось меня обмануть. Может быть, вы объясните мне, как у вас получилось проделать этот фокус?

— Какой фокус? — спросил Хантер.

— С кустами. Как вы попали в самую гущу зарослей и остались живы?

Хантер покачал головой.

— Нет. Это наша большая тайна, тайна маленьких человечков, и никому другому мы ее открывать не намерены.

Глаза старого броненосца на секунду вспыхнули ярче.

— Ого, а вы не так глупы, как я было подумал. Но если вы такие умные и не желаете мне сообщить, как попали в эти кусты, то, может быть, скажете, как намерены из них выбраться? Не собираетесь же вы сидеть в них вечно?

— Конечно, нет. Но только выберемся мы из этих кустов не раньше завтрашнего дня. К этому времени ты уже уйдешь туда, куда уходят все старые броненосцы, когда оканчивается их ночь. Так не все ли тебе равно?

— Это мне судить, все равно или не все равно, — сказал броненосец. — Потому что из нас троих — я самый мудрый.

Христиан улыбнулся и сказал:

— Если ты такой уж мудрый, то почему же тогда не знаешь, как можно пробраться в заросли бешеных колючек, не оставив на них кусков своей шкуры?

Старый броненосец тихо хмыкнул.

— Резонно.

Он немного помолчал и наконец сказал:

— Хорошо, вы меня обхитрили. Такое случается не часто. Поэтому я готов ответить на ваши вопросы. Спрашивайте, я жду. Разве вы не знаете обычая, согласно которому тот, кто сумел обхитрить старого броненосца, может задавать ему любые вопросы, касающиеся не только прошлого, но и будущего?

Он помолчал еще немного, а потом добавил:

— Конечно, он еще должен суметь понять мои ответы правильно. Но вы такие хитроумные, маленькие люди... Думаю, вам это удастся. Советую, прежде чем задавать вопросы, хорошенько подумать. До рассвета еще есть время. И этого времени достаточно.

Хантер и Христиан переглянулись. Хантер едва заметно покачал головой, и Христиан, уже открывший рот, чтобы что-то спросить, передумал.

— Ну же, маленькие люди, неужели вы знаете все, что вам бы хотелось знать? — спросил старый броненосец.

Христиан бросил на учителя вопросительный взгляд. Охотник тяжело вздохнул и спросил у броненосца:

— Даром?

— Что даром? — не понял тот.

— Отвечать на вопросы будешь даром?

Старый броненосец хихикнул.

— Ну, конечно, не совсем... За любое знание нужно платить. Иногда очень много. Я же предлагаю вам знания по самой дешевой цене, которая только возможна.

— И что ты хочешь за свои знания? Чтобы мы сейчас вышли к тебе и позволили себя съесть? Я не ошибся?

— Ну зачем же, — ухмыльнулся броненосец. — Ничего подобного. Мне нужно время. Всего лишь некоторое количество времени.

— Это как? — удивился Христиан.

— Просто. Очень просто, — ответил броненосец. — Для того чтобы найти ответ на тот или иной вопрос, требуется потратить некоторое количество сил или времени. Чем труднее вопрос, тем больше на то, чтобы найти на него ответ, уходит времени. Другими словами, на протяжении жизни люди отдают свое время и получают взамен ответы на те вопросы, которые их интересуют. Правильно?

— Ну, в общем-то, наверное, так.

— Я предлагаю обменяться со мной. Вы задаете вопросы, я на них отвечаю. Платой служит время, которое вы все равно бы потратили на то, чтобы найти нужный ответ. Никакого жульничества. Я не возьму у вас ни одной лишней минуты. Подходит?

— Погоди, — сказал Хантер. — Получается, если мы согласимся на твои условия, то, получая ответы на интересующие нас вопросы, тут же станем стареть?

— В самую маковку. Но все зависит от того, насколько сложные вопросы вы будете задавать. Для того чтобы расплатиться за некоторые ответы, вам не хватит и жизни. Понимаете?

— Еще бы, — сказал Хантер и поежился.

— Ну вот, кажется, вы поняли, в чем дело, — довольно сказал старый броненосец. — Ну так как, будете задавать вопросы?

— Пожалуй, нет, — ответил Хантер.

— А может, все-таки задать пару вопросов? — спросил у него Христиан. — Совсем крохотных. Малюсеньких. На пару недель жизни, не больше.

— Нет, — решительно сказал Хантер. — Мы не будем этого делать. Ни под каким видом.

— Почему?

— Да потому, что это словно карточная игра на деньги. Только начни, и обязательно останешься с пустыми карманами. Этот старый ящер все рассчитал очень точно. Нет одного, исчерпывающего ответа. Стоит нам задать хотя бы один вопрос, как мы пропали.

— Не понимаю. Почему?

— Потому что, получив на него ответ, мы поймем одну простую штуку. Для того чтобы понять этот ответ, нужно задать еще два вопроса. Нам придется их задать. И тогда, получив на них ответы, мы...

— Вынуждены будем задать еще несколько вопросов, — продолжил Христиан. — А потом еще несколько, а потом еще...

— Ну да. В итоге, когда ночь старого броненосца кончится, мы превратимся в двух стариков, которые так и не найдут полного ответа хотя бы на один, самый первый вопрос, не говоря уже обо всех последующих.

Хантеру показалось, что броненосец ему подмигнул.

«Да нет, — подумал он. — Так не бывает. Показалось».

— Все верно, — сказал ему Христиан. — Так и должно было быть. Еще одна ловушка, в которую мы не попались. Что же наш старичок придумает следующее?

— Вы спрашиваете? — подал голос старый броненосец.

— Нет, нет, ни в коем случае, — быстро проговорил Хантер. — Мальчик просто высказал свои мысли вслух, ни в малейшей степени не надеясь на ответ.

— А может, все же ответить?

— И во сколько дней жизни нам это обойдется? — поинтересовался Христиан.

— Какие дни! — воскликнул броненосец. — В пару часов, не больше. Учтите, если вы не узнаете ответа хотя бы на этот вопрос, то будете гадать до конца своих дней.

— Даже не думай, — быстро сказал мальчику охотник. — Ни одного вопроса. Учти, стоит только начать...

Христиан махнул рукой и предложил:

— А давай-ка плюнем на этого замшелого любителя чужого времени и попробуем заснуть. Думаю, это будет лучше всего.

— Точно, — согласился Хантер. — Завтра мы наверняка доберемся до какого-нибудь города. Поэтому стоит отдохнуть как следует.

— Кстати, — сказал старый броненосец. — Могу сообщить, что вас ждет завтра. И очень дешево, всего один день жизни. Поверьте, для того чтобы уберечься от неприятностей, которые с вами случатся завтра, стоит пожертвовать всего лишь одним днем.

— Может, все-таки... — начал было Христиан.

Хантер покачал головой.

— Не обращай внимания. Все это штучки для того, чтобы заставить нас задать хотя бы один вопрос.

— А если нас и в самом деле поджидают какие-то неприятности?

— Если даже они нас и поджидают, мы справимся с ними сами, без чьей-то помощи. Договорились?

— Договорились, — ответил Христиан.

Они снова легли на землю, причем так, чтобы не смотреть на старого броненосца. Тот потоптался возле кустов, посопел и наконец спросил:

— Эй, люди, вы и в самом деле не желаете задать ни одного вопроса? Даже самого крохотного? Ну, спросите хотя бы у меня, сколько сейчас времени. Это обойдется вам всего в десять минут. Каких-нибудь десять минут.

Охотник и его ученик молчали.

— Идиоты! Такого шанса у вас больше не будет! — заклинал старый броненосец.

Христиан совершенно ненатурально и слишком уж громко стал храпеть. Хантер легонько ткнул его кулаком в живот. Храп прекратился.

— Ладно, пойду найду других людей, — горько сказал броненосец. — Уж они-то за мое предложение ухватятся обеими руками.

— Скатертью дорожка, — буркнул Хантер.

Старый броненосец медленно пошел к дороге. Следив несколько шагов, он остановился. Похоже, он ждал, а не окликнут ли его люди, не передумают ли.

«Фига с два, — подумал Хантер. — Топай, топай».

И тут броненосец снова вернулся к кустам.

— Ладно, — мрачно сказал он. — Ваша взяла. Спрашивайте.

Христиан и Хантер молчали.

— Я же сказал вам — спрашивайте. За последние сто лет мне такие мерзкие и противные люди еще не встречались. Используйте ваше поганое право. Я же сказал — сдаюсь. Вы победили. Ну?

— Что тебе надо? — спросил Хантер.

— Чтобы вы задали вопрос. Одного не пойму, откуда вы узнали о законе, по которому старый броненосец, который так и не сумел соблазнить людей, не смог забрать у них хотя бы минуту их времени, обязан ответить на их вопрос. Давайте, крокодилы, ваш вопрос, да я потопаю дальше. Некогда мне тут на вас тратить время.

— И ты, стало быть, не возьмешь с нас никакой платы? — поинтересовался Хантер.

— Как будто сами не знаете. — Броненосец издал низкий, квакающий звук.

Похоже, он означал высшую степень печали.

— Один? — спросил Хантер.

— Да, только один вопрос. Быстрее, у меня, к вашему сведению, всего лишь единственная ночь в году, и мне бы не хотелось тратить ее так бездарно.

Хантер и Христиан, как по команде, сели.

— Ну что, зададим? — спросил мальчик.

Хантер бросил на броненосца испытующий взгляд.

— Похоже, он не обманывает, — наконец проговорил охотник.

— Да не обманываю я. Совершенно бесплатно один вопрос. А потом я наконец уйду. Любой вопрос. Поняли?

— Эх, была — не была, — махнул рукой охотник. — Зададим!

— Ну наконец-то, — с облегчением сказал броненосец. — Валяйте, я вас слушаю.

Хантер почесал в затылке и сказал:

— Вопрос: закончится ли наша миссия удачей?

Броненосец помолчал с полминуты, потом хлопнул по земле хвостом и ответил:

— Ваша миссия закончится удачей, но враги ваши так и не будут побеждены, а всего лишь отступят в тень, может быть, ненадолго, может быть, навсегда. Опасайтесь прошлого. Оно способно перевернуть все ваши планы. Вы еще столкнетесь с ним и вынуждены будете защищаться.

Он замолчал.

— И это все? — спросил охотник.

— Да, все, — ответил броненосец. — А теперь мне пора. Кстати, не скажете ли, откуда вы узнали о старом законе, благодаря которому мне пришлось бесплатно отвечать на ваш вопрос?

— Скажу, — совершенно серьезно промолвил Хантер. — Только обойдется тебе это в два года личного времени.

— Прощайте, коварные, подлые, хитрые люди. Не дожدهшься от вас душевного благородства.

В голосе старого броненосца слышалась неподдельная обида. Даже не попрощавшись, он потопал прочь. Когда его шаги стихли в отдалении, Хантер сказал:

— Ну и фрукт.

— Точно, — согласился Христиан. — Однако как понимать его предсказание? Что это за тень, в которую отступят наши враги? И что это за прошлое, с которым нам придется сражаться?

— Ага, — снова укладываясь на землю, сказал Хантер. — Обрати внимание, ты получил ответ на один вопрос, и тебе сейчас же захотелось узнать ответы еще на два. Все как я и говорил. Теперь-то ты это понимаешь?

— А ведь и правда, — промолвил Христиан, укладываясь рядом с учителем. — Один вопрос породил еще два. Но все же я бы хотел кое-что у тебя спросить.

— Спрашивай, — уже слегка сонным голосом сказал Хантер.

— Мне интересно: откуда ты узнал о старом законе, благодаря которому мы услышали совершенно бесплатный ответ?

— Почему ты решил, что я о нем знал? — засыпая, спросил Хантер. — Ничуть не бывало. Просто нам немного повезло.

15

Хантер проснулся тогда, когда солнце уже поднялось над горизонтом примерно на половину своего диаметра.

Он открыл глаза и сел. Некоторое время он оглядывался, потом потянулся и сладко зевнул. Тут проснулся и Христиан. Несколько мгновений он смотрел на учителя, потом сел и сказал:

— Доброе утро.

— Доброе, доброе, — промолвил Хантер. — Смотря для кого. Уверен, что один очень старый любитель чужого времени проклинает нас до сих пор. И, похоже, будет проклинать еще год, до следующей ночи старого броненосца.

— Это точно, — поддакнул ему Христиан. — Однако не пора ли нам отсюда выбраться?

— Пора, пора, — согласился охотник.

Он поднял с земли два бутона дурманки и внимательно их осмотрел. Бутоны были в полном порядке. Облегченно вздохнув, Хантер послюнил палец и поднял его вверх, чтобы определить, откуда дует ветер.

На этот раз он дул со стороны дороги. Впрочем, Хантера это не огорчило. Вчера ночью они устроились на ночлег в самой середине зарослей. Таким образом, ширина окружавшей их колючей стены со всех сторон была примерно равной.

— Приготовься, — сказал он мальчику.

Тот взял оба копья и встал за спиной у Хантера. Охотник раздавил один из бутонов и, убедившись, что вырвавшаяся из него сероватая пыльца попала точно-хонько на колючки, тотчас же раздавил второй.

Через несколько мгновений охотник и его ученик без всяких приключений покинули заросли бешеной колючки. Они прошли в глубь леса и, наткнувшись на маленький ручеек, занялись утренняя туалетом.

Умывшись в ручье, они обнаружили росшее возле него рыбное дерево. Конечно, зимой оно не плодоносило, но, порывшись в листве, которая покрывала землю под деревом, Хантер нашел несколько рыбных орехов. Они были размером с кулак и почти прямоугольные. Вскрыв с помощью ножа один из орехов, охотник обнаружил, что его мякоть ничуть не испортилась. По вкусу она удивительно напоминала слегка подсолненную рыбу.

Позавтракав и вдоволь напившись воды из ручья, путники вернулись на дорогу.

К этому времени солнце поднялось уже довольно высоко. Дорога была пустынная. Только вдалеке на нее выскочил какой-то динозаврик — «птичий вор», постоял, поводя по сторонам узенькой, увенчанной острыми гребнем головкой, и исчез в кустах так быстро, как будто его сдуло ветром.

Хантер окинул дорогу задумчивым взглядом, закинул копье на плечо и сказал:

— Ну, стало быть, пошли дальше. Может быть, сегодня нам удастся даже добраться до города.

— Может, и удастся, — весело отозвался Христиан. — А если и нет... Кстати, какая будет сегодняшняя ночь?

— Погоди, сейчас соображу...

Хантер немного подумал, потом щелкнул пальцами.

— Великий дух, да ведь сегодня будет ночь любительской магии.

— Ой-ой-ой, — сказал Христиан. — Точно. Она самая и есть. Если нам сегодня попадется какой-нибудь город... я вот подумал... Может, мы в него войти не будем? Переждем эту веселенькую ночку в лесу. А уж завтра...

Хантер помотал головой.

— Нет, не согласен. В город мы войдем. А чтобы чего не случилось, устроимся в гостинице.

— Ты не понимаешь, — промолвил Христиан. — Сразу видно, что зимой ты по другим городам не путешествовал уже давно. И эту ночь встречал в собственном доме.

— Ну и что?

— Как это что? — удивился мальчик. — Да ночь любительской магии — единственная, во время которой от опасности могут не спасти и стены гостиницы.

— Ладно, давай сначала дойдем до города, а там и решим, — промолвил Хантер.

Они пошли по дороге. Но Христиан все не мог успокоиться. То и дело забегая вперед охотника, он заглядывал ему в глаза и говорил:

— Я знаю, ты чокнутый, но не до такой же степени! Ночь любительской магии! Была бы она профессиональная. А эти любители... Они такое могут натворить... Этой ночью в любом городе будет происходить такое!..

Наконец Хантеру это надоело, и он объяснил:

— Конечно, ночь любительской магии очень опасна. Но подумай и о другом. В предыдущем городе черного мага не было. Значит, в этом он обязательно должен быть. Понимаешь?

— При чем тут черный маг? — спросил Христиан.

— Как при чем? У черного мага охранный сет. Он наверняка следит за всеми, кто появляется в городе. А из-за этой ночи нам остаться незамеченными будет гораздо легче. Конечно, мы рискуем попасть под чью-либо глупую любительскую магию, но, уверяю тебя, это лучше, чем сражаться с черным магом, который знает о том, что ты в городе.

Хантер вспомнил, как сражался с тенью мага, и слегка поежился. Уцелел он тогда чудом. А все потому, что эта тень знала о нем. Кроме того, у нее было достаточно времени, чтобы подготовить и начать на него настоящую охоту.

— Может, ты и прав, — сказал Христиан. — В конце концов, ты учитель, тебе виднее.

— Правильно, виднее, — промолвил охотник. — И поэтому...

— Ты будешь отвечать за все, — закончил Христиан.

— Это уж обязательно, — невесело сказал Хантер. — От этого я никуда не денусь.

Подошвы их ботинок глухо постукивали по дороге. В ветках деревьев перекрикивались какие-то птички. На одной из полян, находившейся недалеко от дороги, проходило собрание старых пней. Один из них, самый большой и невероятно замшелый, устроившись в центре поляны, вешал:

— И вот теперь, когда попораны самые святы идеалы, на основе которых мы дружно шли ко всеобщему одеревенению, при личном участии великого борца за экологическое равенство, непримиримого сторонника всеобщего озеленения, могучего пня столетнего дуба, настал момент объединить свои усилия и сплоченными колоннами пойти в поход за правое дело, за...

Остальные пни стояли полукругом вокруг своего лидера и благоговейно внимали. Многие из них держали в сучках куски гнилой коры, на которых было нацарапано: «Вся власть совету леса».

— Болваны, — вполголоса сказал Христиан.

— Ну, зачем ты их так? — промолвил Хантер. — Пусть развлекаются. Чем бы дитя ни тешилось...

— Если бы, — сказал Христиан. — Я как-то заночевал в лесу. Так такие же пни ко мне втихую подкрались, окружили и хотели одеревенить. Под предлогом, что в их ряды должно влиться молодое пополнение.

— А ты? — спросил Хантер.

— Что я-то? У них сучки вон какие острые! Со всем было пропал, да тут по дороге шли два дэва, услышали мои крики и прибежали на помощь. Эти идиоты сразу же стали тихими и смиренными, начали

говорить, будто пошутили. И вообще что с них, дескать, возьмешь, старые, трухлявые, заслуженные. Плюнули дэвы, отпустили их, а меня взяли с собой. Только я видел, один из этих пней меня провожал до самого города. Видимо, все еще надеялся, что я передумаю и позволю себя одеревенить. Может, огоньку им подпустим?

— Ни в коем случае, — сказал Хантер. — Они же разбежаться кинутся. От них обязательно загорятся другие деревья. В результате — лесной пожар. Можем пол-леса спалить.

— А жаль, — сказал Христиан. — Они, по-моему, только на дрова и годятся. Больше ни на что.

— Да забудь ты о них, — махнул рукой охотник. — Все-таки, похоже, город близко. Эти старые пни, они далеко от города не отходят, хотя и кричат на каждом углу, будто осваивают периферию.

Поляна с пнями осталась позади. Потом два путника перешли по деревянному, видимо, построенному совсем недавно мосту еще одну речку. По сторонам дороги опять потянулся лес.

К полудню путники сделали привал. Ничего състного им так и не попало, поэтому они ограничились тем, что поймали несколько молочных жуков и вдоволь напились свежего сладкого молока. После этого они, конечно, жуков отпустили, и те, обиженно гудя, улетели в лес.

— Ничего, нового наберут, — сказал Христиан. — Им это нетрудно.

Они отдохнули и тронулись в путь.

До города, видимо, было и в самом деле не так уж далеко, поскольку через час они встретили бродячего торговца. Тот ехал на повозке, запряженной тремя карликовыми зауролофами. Повозка торговца была завалена какими-то ящиками, корзинами и тюками.

— Эй, — крикнул он, останавливая свою повозку. — Вы что, в город идете?

— Точно, в город, — ответил Хантер.

— Поворачивайте обратно. Сегодня ночь любительской магии. В городе ее встречать опасно. Вы что, из другого мира? Не знаете таких простых вещей?

— Конечно, знаем, — ответил Хантер. — Только у нас в городе дела.

— Да плюньте вы на эти дела! — крикнул торговец. — Разворачивайтесь! Кстати, могу подвезти. Места на повозке хватит. Ну, поехали?

— Нет, — покачал головой Хантер. — Нам нужно в город.

Торговец покосился на их копья, хотел было что-то сказать, но потом передумал и махнул рукой.

— Как знаете!

Он хлопнул кнутом, и зауролофы, смешно потряхивая гребнями, потащили его повозку дальше. Хантер проводил ее мрачным взглядом и сказал Христиану:

— Врет он все.

— То есть как? — спросил мальчик.

— Никакая ночь любительской магии тут ни при чем. И вообще он так поспешно смывается из города совсем по другой причине. Ты заметил, какие у него линии судьбы?

— Нет.

— Жулик он, и враль, и вообще человек довольно подлый. Накуролесил он в городе, вот быстренько и уносит ноги.

— А нам тогда зачем предлагал с ним поехать?

— Не знаю. Может, боится, что на него в дороге кто-нибудь нападет. Ладно, Бог с ним, не стоит на него тратить время.

— Не стоит, — согласился Христиан.

— Мы лучше с тобой давай кое-что сделаем, — сказал Хантер. — Поскольку до города уже совсем близко, давай избавимся от наших копий. Не стоит с ними входить в город. Кое-кому это может не понравиться.

Сказав это, он отвязал дагу от древка и сунул ее за пояс.

— Вот так-то лучше, — промолвил он.

Христиан последовал его примеру. Через минуту древко его копья полетело в придорожную канаву, а нож мальчик тоже сунул за пояс.

— Думаю, часа через два мы окажемся в городе, — сказал Хантер, когда они двинулись дальше.

— И что-нибудь поедим.

— Да, заморить червячка не мешает. Вот только денег у нас осталось не так уж и много.

— Не беда, — беспечно заявил мальчик. — Деньги — вещь наживная. Тем или иным способом мы их раздобудем.

Действительно, не прошло и двух часов, как, одолев очередной подъем, охотник и его ученик увидели островерхие домики, которыми начиналась окраина города, и дальше квадраты зелени, отмечавшие скверики, а также высокие, крытые красной черепицей башни центра.

— Вот, пришли, — сказал Хантер.

Даже отсюда он видел висящую над городом разноцветную ауру, которую могла дать только сеть черного мага.

«И еще ночь любительской магии, — подумал Хантер. — Ко всему прочему».

У него было предчувствие, что это еще не все. Сейчас, глядя на город, он не мог отделаться от ощущения, что перед ним очень сложная, хитро сделанная ловушка. Наверняка из нее ускользнуть будет очень трудно, а может быть, даже и невозможно.

Христиан, видимо, тоже что-то почувствовал. Он глядел на город и хмурился.

«Да что с тобой? — мысленно спросил у себя охотник. — Неужели ты испугался какого-то черного мага? Мало ли ты их на своем веку убил? Осилишь и этого».

И все же он хорошо знал, что всего лишь успокаивает себя, поскольку дело не только в черном маге. Было что-то еще. Оно ждало его там, в этом городе, и оно было посерьезнее какого-то черного мага.

— Скажи, этот ответ над городом, — спросил Христиан, — он мне только чудится или существует на самом деле?

— Он существует, — ответил Хантер.

— А что он означает?

— Это отсвечивает сплетенная из линий судьбы паутина. В городе живет черный маг.

— Слушай, если ты решил наплевать на опасности ночи любительской магии, может, мы на него поохотимся?

В голосе мальчика слышался охотничий азарт. Хантер посмотрел на него и хмыкнул.

— Скорее всего — нет.

— Почему?

— Любая охота на черного мага является довольно рискованным делом. Имеем ли мы сейчас право рисковать? Скорее всего — нет.

— Так, значит...

Хантер покачал головой.

— Скорее всего, именно так. Как я уже говорил, мы очень осторожно проберемся в город, переночуем в гостинице и отправимся дальше. И постараемся сделать так, чтобы черный маг нас не заметил.

— Жаль... — огорченно промолвил Христиан. — Очень жаль. А я уже подумал, что мы сейчас устроим большую драку, прикончим черного мага и освободим этот город от его владычества. Может быть, все же попробуем?

— Нет, только в самом крайнем случае.

Хантер сказал это почти приказным тоном. Христиан бросил было на него умоляющий взгляд, но, осознав, что учитель от своего решения отступать не намерен, сник.

Они еще постояли, разглядывая город. Сейчас они здорово смахивали на двух волков, вернее, на старого опытного волка и юного волчонка, которые вышли из леса на открытое место и теперь стоят, принюхиваясь и прикидывая, стоит ли им идти дальше. Может быть, имеет смысл вернуться обратно, в такой знако-

мый и понятный, а стало быть, и безопасный лес? Может быть, не стоит рисковать, выходя на открытое место, которое так любят собаки и их хозяева — люди?

— Пошли.

Хантер махнул рукой и стал спускаться к городу. Мальчик безропотно следовал за ним.

Когда до первых домов осталось совсем немного, он спросил:

— А ты научишь меня, чем нити черного мага отличаются от любых других?

— Обязательно, — сказал Хантер. — Вон, посмотри, впереди поперек дороги лежит большая сиреневая нить. Видишь?

— Угу.

— Это сторожевая нить. Самый край сети черного мага. Она совершенно безвредна, но, если на нее наступить, черный маг тотчас же узнает, что в его городе появились какие-то новые люди, причем наделенные свойством видеть нити судьбы. Как ты думаешь, это его встревожит?

— Обязательно.

— Именно поэтому мы с тобой через сторожевую нить просто перешагнем. И пусть черный маг думает, будто в его городе все спокойно. Только учти, сторожевые нити будут попадаться и дальше. Так что ты должен смотреть в оба. Не дай Бог, заденешь хоть одну из них. Тогда город сейчас же превратится в большую ловушку, из которой будет не так-то легко ускользнуть.

— А тебе случалось попадать в такие ловушки?

— Случалось, — ответил Хантер.

Он подумал, что, собственно говоря, весь этот поход, вся эта история началась именно с того, что он попал в подобную ловушку. И была это самая обыкновенная охота. Ничего особенного. Он выследил черного мага и убил. Так же, как и многих других перед ним. После этого надо было лететь домой. Он так и

собирался сделать. Да задержался. На свою беду. А может, и нет?

Короче, он задержался и вдруг обнаружил, что сеть убитого им мага исчезла, но вместо нее появилась новая. Как будто в городе остался еще один черный маг.

Конечно, это его заинтересовало. Он нашел хозяина сети и выяснил, что это некое существо, вылупившееся из убитого им черного мага. Так и не разобравшись до конца, что оно из себя представляет, Хантер назвал это существо тенью мага и ухлопал. Кстати, с большим трудом и не без помощи одной вампириши, с которой во время войны с тенью мага познакомился.

Это было славное дело. Хантер не погиб буквально чудом.

Он остался жить и, обдумав все, что узнал во время войны с тенью мага, пришел к любопытному выводу. Он понял, что черные маги не появляются сами. Их кто-то готовит, кто-то создает, учит и отправляет в этот мир.

Кто именно? Кому это было нужно?

Хантер вернулся домой и, поскольку охотничий сезон уже кончился, занялся своими обычными делами. Между тем те, кто населял этот мир черными магами, решили, что с них хватит. Тот маг, которого убил Хантер, оказался последней каплей. И они послали по следам охотника ищейку. Почти такую же сильную и умную, как обычный черный маг. Может быть, она и была черным магом, только несколько другого вида.

Ищейка вполне профессионально нашла город, в котором жил Хантер, и устроила возле его дома засаду. Надо думать, чтобы покарать убийцу черных магов.

Ей не повезло. Она наткнулась на ту вампиришу, которая помогла охотнику убить черного мага, непонятно зачем оказавшуюся как раз в это время в городе. Вампириша ищейку и убила. К этому времени у

Хантера поселился Христиан, а также возник конфликт с местным населением.

Поскольку воевать с целым городом не имеет никакого смысла, охотнику и Христиану пришлось спасаться бегством. Они наткнулись на труп ищейки. Возле него Хантер и нашел ту коробочку, которую сейчас использовал, как компас. Похоже, она и в самом деле показывает то место в котором скрываются хозяева черных магов.

Что остается делать охотнику, потерявшему дом и имеющему прибор, который может привести его в то место, где скрываются враги?

Ну, конечно, отправиться в путь, чтобы найти их и убить. Так Хантер и Христиан вышли на дорогу. А началось все с того, что охотник попал в ловушку.

— И что же ты тогда делал? — спросил мальчик.

— Действовал в соответствии с обстоятельствами, — ответил охотник. — Как видишь, я все еще жив, стало быть, это не было ошибкой.

Христиан улыбнулся.

— Стало быть, это единственный рецепт, с помощью которого можно выбраться из ловушки?

— Почему? Кроме этого нужно еще уметь думать и обладать хорошей реакцией. А также некоторым везением.

Они благополучно миновали сторожевую нить и вошли в город. Первыми, кто им встретился, были два дэва. Обычные, ничем не отличающиеся от остальных дэвов, здоровенные, вооруженные дубинками. Внимательно оглядев охотника и его ученика, они загородили им дорогу.

— Нельзя, — коротко сказал один из дэвов.

На его кожаной куртке был серебристый шеврон, очевидно, означавший, что он в этом патруле старший.

— Это почему? — спросил охотник.

— Побродяжкам сегодня в наш город вход запрещен.

Лежавшая в метре от него сторожевая нить из сети черного мага шевельнулась, словно прислушиваясь к их разговору.

— А почему вы решили, что мы побродяжки? — спросил Хантер.

— Видно. Очень видно. Чем вы занимаетесь?

«Ого! — подумал Хантер. — Они и в самом деле намерены нас не пустить в город. Надо что-то придумать».

Он не успел ответить, как вместо него это сделал Христиан.

— Мы бродячие певцы, — гордо сказал он.

— Певцы? А где же ваши музыкальные инструменты?

— Они нам ни к чему. Мы поем так. Тому, кто хорошо умеет петь, музыкальные инструменты не нужны.

— Гм, — осклабился дэв. — Тогда докажите, что вы не побродяжки. Спойте!

— Ничего не может быть легче, — ответил Христиан.

Хантер только удивленно таращил глаза. Все же у него хватило благоразумия сделать вид, будто все происходит так, как и должно быть. На всякий случай он прикинул, что, если дэвы начнут орудовать дубинами, он наверняка успеет вонзить свою дагу в живот тому из них, который стоит ближе.

Христиан выставил вперед правую ногу, заложил руки за спину и задумчиво опустил голову. Видимо, в этой позе, по его мнению, петь было легче всего.

— Песня о королевских подземельях! — объявил Христиан.

— А почему твой товарищ не хочет петь? — спросил дэв.

— Ему сегодня нельзя, — не моргнув глазом, объяснил мальчик. — У него голос... гм... в переломной фазе. Если он запоем раньше полуночи, то может его потерять вовсе. А потеря голоса для бродячего певца, сами понимаете, страшное несчастье.

— Хорошо, — кивнул дэв. — Пой.

— Итак, песня о королевских подземельях... Вам медленно петь или скороговоркой?

Стражи порядка переглянулись. Дэв с шевроном сказал:

— Конечно, медленно.

— Прекрасно. Значит, песня о королевских подземельях... Да, чуть не забыл... Вы желаете услышать полный вариант, или вам будет достаточно вступления?

Уши у дэвов побелели. Кажется, они начали выходить из себя.

— Спой вступление для начала, — прорычал тот, который был с шевроном.

— Да, так вот, песня...

— О королевских подземельях! — гаркнул дэв с шевроном. — Пой, скотина, а то я тебе голову проломлю.

Хантер незаметно сделал к нему полшага. Рука охотника уже лежала на рукояти даги. Христиан сделал едва заметный жест и слегка помотал головой.

— Терпение, терпение, — успокаивающим тоном сказал он дэвам. — Служенье муз не терпит суеты. Я приступаю. Итак...

— Если ты сейчас же не запоешь, — очень спокойно промолвил дэв, — мы за издевательство над представителями власти переломаем тебе руки и ноги, а потом обмажем смолой, обваляем в перьях и кинем тебя на съедение обитающему недалеко от города в пещере кракозябру.

— Ой, — сказал Христиан. — Ну, хорошо, я приступаю. Итак, песня о королевских подземельях.

Дэвы издали звук, напоминающий вой, и синхронно подняли дубины.

И тут Христиан запел. Песня была грустная, что называется «жалесная». Он пел о подземельях, в которых, прикованные ржавыми цепями к холодным, осклизлым стенам, сидят узники, о мрачных их думах, об их тоске по дому и свободе, об их преступ-

лениях и муках совести, о безжалостных тюремщиках, о тех, кто и думать-то забыл об узниках, считая их погибшими. Он пел так, что заслушался даже Хантер, не говоря уже о дэвах.

А потом, когда прозвучала последняя строфа, он некоторое время стоял с закрытыми глазами, словно чего-то ожидая.

— Неплохо, совсем неплохо, — промолвил дэв с шевроном. — А я думал, ты над нами издеваешься... Ладно, черт с вами, похоже, вы и в самом деле не побродяжки. Те умеют только кланчить, тащить, что плохо лежит, да еще колдовать, причем так неумело, что от этого один только вред. Проходите.

Дэвы освободили дорогу.

Когда Хантер и Христиан прошли мимо них, один из дэвов сказал:

— Только обязательно на ночь устройтесь в гостиницу. Этой ночью на улице находиться не рекомендуется. Сегодня все колдуны-любители будут показывать, на что они способны. Идиоты! Сегодня в городе небезопасно.

— Хорошо! — крикнул Христиан. — Мы так и сделаем.

Когда дэвы остались далеко позади, Хантер осторожно спросил:

— Где ты научился петь?

— На дороге, — весело ответил мальчик. — Надо же как-то зарабатывать на жизнь. Меня научил этому один совершенно спившийся бард. В благодарность я полгода тогда, когда он уходил в запой, а было это частенько, воровал для него выпивку и еду.

— А что потом стало с этим бардом?

Мальчик пожал плечами.

— Как обычно. Однажды мы повстречали на лесной дороге страшное сусло, и оно его проглотило. А меня оставило.

Мальчик вздохнул.

Хантер положил ему руку на плечо.

— Так бывает в жизни, малыш. Тому, кто обладает способностью создавать нечто необычное, нельзя становиться слабым. Расплата за это обычно бывает страшной. Кому много дается, с того много и спрашивается.

— Я знаю, — проговорил Христиан.

Они свернули за угол и увидели гостиницу.

— Нам, похоже, туда, — сказал Хантер.

16

Гостиница была большой, с прочной, окованной железными полосами дверью. Узкие, похожие на бойницы окна первого этажа закрывали ставни.

— Кстати, а почему ты не стал петь сразу? — спросил Хантер. — Тянул время? Зачем?

Христиан усмехнулся.

— Этому приему меня научил все тот же бард. Чтобы усилить эффект от песни, публику надо заинтриговать, нужно сделать так, чтобы они из тебя эту песню просто выдирали, чтобы они захотели ее услышать.

— Стало быть, у тебя все было очень тонко рассчитано?

— Еще бы, — сказал Христиан. — На дороге тот, кто не умеет рассчитывать буквально все, как правило, умирает от голода.

Они вошли в гостиницу. Худой и длинный, как жердь, хозяин объяснил им, что на эту ночь мест нет. Он сказал, что очень сожалеет, но устроить их у себя никак не может. Вот появись они часа на два раньше, комната для них уж наверняка нашлась бы. А сейчас...

В самом деле обеденный зал гостиницы был заполнен полностью, и две смазливые служанки едва успевали обслуживать постояльцев. Кого только среди них не было! В зале сидели наездники ихтиозавров в своих отливающих серебром костюмах и собиратели го-

лубого меда в остроконечных шапках и зеленых каф-
танах, а также парочка мальб, вооруженных кривыми
саблями, с которыми они не захотели расстаться, да-
же садясь за стол, и еще многие другие.

— Похоже, в этой гостинице и в самом деле нет
мест, — сказал Хантер.

— Учитывая, какая предстоит ночь, это неудиви-
тельно, — промолвил Христиан. — Наверняка мест
нет и во всех других гостиницах.

— Вы правы, — сказал хозяин гостиницы и слег-
ка улыбнулся. — В город приехали жители многих
окрестных деревушек и поселений, чтобы посмотреть
на колдовство волшебников-любителей. А поскольку
в эту ночь от волшебства спасают лишь стены гости-
ниц, все комнаты раскуплены.

— Стены гостиниц спасают во время ночи любя-
тельской магии? — переспросил Хантер. — Ты хотел
сказать: не спасают вовсе?

Хозяин гостиницы бросил на него настороженный
взгляд.

— Я сказал, — промолвил он, — то, что хотел
сказать. И не более. А вам, путники, думаю, лучше
убраться отсюда. И побыстрее.

После этого он махнул рукой, и из глубины зала
появился здоровенный мальб в украшенной железны-
ми бляхами куртке, вооруженный огромным двуруч-
ным мечом.

Охотник бросил на него задумчивый взгляд и ре-
шительно тряхнул головой.

— Стало быть, вот этот мальб и охраняет твое
заведение?

— Разве он плох? — самодовольно улыбнулся хо-
зяин гостиницы. — Если бы вы знали, как быстро и
ловко он ломает руки и ноги... Впрочем, у вас есть
шанс это узнать. Если, конечно, вы не уберетесь
отсюда в течение десяти секунд.

— Нет, не уберемся, — промолвил Хантер. — Мы
считаем что ты обманываешь своих постояльцев, а
стало быть, они об этом должны узнать.

Он шагнул к мальбу. Тот замахнулся мечом, но ударить не успел. Указательный палец Хантера попал точнехонько в болевую точку, расположенную на правой стороне живота охранника. Выронив меч, мальб схватился за живот и стал оседать на пол.

Хозяин гостиницы вытаращил глаза.

— Что, что это вы сделали? — спросил он.

— Мальбы так же, как и люди, имеют болевые точки, — пояснил Хантер. — Конечно, у мальб их гораздо меньше. Но тот, кто знает, где они расположены, запросто уложит любого, самого здорового мальба.

Он подошел вплотную к хозяину гостиницы и окинул его задумчивым взглядом.

— Что вам нужно? — пролепетал тот.

— Ночлег, — ответил Хантер. — У нас была трудная дорога, и мы хотим отдохнуть. Просто отдохнуть и хорошо поесть.

— Ага, понятно. — Хозяин гостиницы хитро прищурился. — Значит, просто ночлег? И не обязательно в гостинице?

— Точно, — подтвердил Хантер.

«Ему очень не хочется, чтобы мы остались здесь и распугали его постояльцев рассказами о том, что гостиницы не спасают в ночь любительского волшебства от колдовских штук, — подумал он. — Сейчас этот субчик спровадит нас куда-нибудь подальше».

— Тогда, может быть, вам подойдет частный дом?

— А плата? — спросил Христиан. — Он будет стоить дороже, чем комната в вашей гостинице?

— Даже дешевле, — ответил хозяин. — Видите ли...

— Можешь не продолжать, — сказал Хантер. — Наверняка хозяева гостиниц не только распустили слух, будто в их заведениях можно спастись от действий неумелых волшебников, но и подняли плату за комнату до астрономических высот.

Хозяин гостиницы хитро улыбнулся.

— А как же иначе?

— Ох, ну и жулик же ты, — проворчал охотник.
— А как же иначе? — развел руками хозяин гостиницы. — Честные люди в нашем деле разоряются в течение месяца.

— Ладно, ближе к делу. Где находится тот частный дом, в котором мы сможем переночевать?

— В двух кварталах отсюда. Выйдете из гостиницы, свернете направо, и через два квартала будет высокий дом с черными колоннами перед входом. В нем живет смотритель облаков. Скажете, что вы от меня, и он предоставит вам комнату.

— Хорошо, мы уходим.

— Уходите, уходите побыстрее, — проговорил хозяин гостиницы. — А то на вас уже стали обращать внимание постояльцы.

Действительно, некоторые из тех, кто обедал в зале и не мог не видеть, как Хантер расправился с мальбом, теперь не без любопытства рассматривали охотника и его ученика, видимо, гадая, кто же они такие. Обращать на себя чье-либо внимание вовсе не входило в планы Хантера.

— Мы сейчас же уйдем, — сказал он хозяину гостиницы. — Только учти, если нам что-то у этого смотрителя облаков не понравится, мы вернемся. И тогда каждый твой постоялец узнает, что стены гостиницы от колдовства этой ночи не спасают, а также о плате за комнаты, которой вдруг, ни с того ни с сего свойственно подсказывать вверх.

— Уходите, уходите, — торопил хозяин гостиницы.

Он даже проводил их до выхода, а потом постоял возле двери, провожая взглядом. Хантер мог бы поклясться, что те слова, которые он беззвучно бормотал им вслед, были отнюдь не пожеланиями доброго здоровья.

Впрочем, линии судьбы хозяина гостиницы говорили о том, что он ничего не понимает в колдовстве, поэтому на все эти проклятия можно было не обращать внимания.

— Итак, мы все же нашли для себя ночлег, — сказал Христиан. — И это неплохо. По правде говоря, я совсем не против эту ночь провести в постели, а не на земле, покрытой всего лишь слоем листьев.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, — промолвил Хантер. — Кто знает, может быть, этот смотритель облаков на самом деле окажется каким-нибудь пожирателем случайно забредших в его дом путешественников? А когда мы вернемся в гостиницу, чтобы сказать ее хозяину все, что о нем думаем, нас уже будет ждать засада из пары десятков мальб и дэвов.

— Вряд ли.

— Конечно, вряд ли. Но нужно быть готовым к любым неожиданностям.

Город, по которому они шли, был почти таким же, как большинство городов этого мира. Конечно, имелись и кое-какие отличия. Так, например, дома в нем были несколько более узкими и высокими, чем обычно, на улицах чаще встречались те, кто кормился морем. Другими словами, всяких там наездников ихтиозавров, собирателей драгоценных медуз и доильщиков питательных губок было в нем больше, чем в других городах. Очевидно, через город протекала река, по которой можно было добраться до моря.

Кстати сказать, к предстоящей ночи в городе готовились. На окнах и дверях многих домов висели всевозможные амулеты, виднелись каббалистические надписи. В домах же, на которых всех этих средств защиты от магии не было, наверняка жили волшебники-любители. Как правило, из труб таких домов шел дым. Это любители готовили всяческие отвары и снадобья, которые должны были использовать с заходом солнца.

Дом, который им был нужен, охотник и его ученик нашли без труда.

— Ну вот, — сказал Хантер. — По крайней мере здесь нас хозяин гостиницы не обманул. Посмотрим теперь, живет ли в этом доме смотритель облаков.

Домик был небольшим, аккуратным. Флюгер на его крыше был сделан в форме подзорной трубы.

Хантер постучал в дверь, и она почти тотчас же отворилась. Хозяин дома оказался сухоньким старичком с белоснежной бородкой. На носу у него сидело большое пенсне в золотой оправе.

— Что вам нужно? — поинтересовался он.

— Нас послал хозяин гостиницы, которая расположена в двух кварталах отсюда, — объяснил Хантер. — Он сказал что вы можете нас на эту ночь приютить у себя.

— А, худой Криг, — улыбнулся смотритель облаков. — Если вас послал именно он, то у меня комната для вас найдется. Заходите.

Хантера и Христиана упрашивать было не нужно. Они вслед за старичком вошли внутрь дома и вскоре оказались в гостиной, своей стерильной, неживой чистотой говорящей об отсутствии в доме женских рук. Здесь им было предложено сесть за изящный, покрытый затейливой резьбой столик.

После этого смотритель облаков сейчас же объявил, что напоят их чаем, и убежал на кухню, видимо, поставить чайник. Воспользовавшись его отсутствием, Хантер показал мальчику пальцем на проходившую через середину гостиной толстую оранжевую, с сиреневыми точками нить.

— Будь осторожен, — сказал он. — Это тоже сторожевая нить. Не наступи.

— Угу, понял, — тихо сказал мальчик.

Потирая сухие, в белых пигментационных пятнах ладони, появился старичок.

— Ну вот, — сказал он. — Минут через пять чай уже будет готов. А пока мы можем поговорить. Надолго ли вам нужна комната?

— Нет, всего лишь на ночь, — сказал Хантер.

— Ага, понимаю, — кивнул смотритель. — Понимаю. Вам нужно переждать эту ночь под крышей, поскольку на открытом воздухе опасность несколько больше. Хорошо, вы получите комнату. Надо сказать,

что я сдаю ее не часто, поскольку, с тех пор как умерла моя дражайшая супруга, привык жить в одиночестве. Но когда меня просит кто-то из моих друзей...

— Стало быть, хозяин гостиницы является вашим другом, — сказал охотник.

Старичок тихо засмеялся.

— Конечно, он, как и многие хозяева гостиниц, не привык упускать свою выгоду. Что поделаешь, таково ремесло, которым он зарабатывает себе на жизнь. Но, уверяю вас, он человек с определенными принципами и этих принципов старается придерживаться. В этой части он предсказуем, а стало быть, может быть другом. Самые лучшие друзья получаются из тех людей, действия которых предсказуемы.

— Очень мудро, — проговорил Хантер.

— Учитывая мой возраст, — снова хихикнул старичок, — это не такая уж большая мудрость. Скорее, некое полезное наблюдение.

— И все же... — Хантер улыбнулся самым любезным образом.

— Надо сказать, что некоторую роль сыграла и та профессия, которой я зарабатываю на хлеб, — промолвил смотритель облаков. — Видите ли, она учит наблюдать и анализировать, обобщать и делать вполне логичные выводы.

— Да, ваша профессия, — сказал Христиан. — Очень интересная профессия. Я о такой даже и не слышал, хотя и побывал во многих городах. Что вы делаете? В чем она состоит?

Старичок вдруг подскочил на стуле и воскликнул:

— Чайник! Как я мог о нем забыть?!

Он почти опрометью выбежал из гостиной.

— Милый старичок, — сказал Христиан. — И вполне безопасный. До темноты осталось часа три. Может быть, мы еще успеем прогуляться?

— Успеем, — согласился с ним Хантер. — А насчет безопасности старичка я бы не сильно торопился. Что-то я у него на окнах и дверях не заметил

ни одного охранного амулета. Либо он полностью уверен, что этой ночью с ним ничего не случится, либо...

Христиан почесал в затылке.

— Ты думаешь...

В этот момент появился смотритель. Он нес поднос, на котором стояли три чашки чая, а также сделанная в виде плавающего лебедя вазочка с овсяным печеньем.

— Вот и чай, — возвестил старичок. — Прошу отведасть. Печенье тоже неплохое.

Когда чашечки опустели наполовину, а Христиан принялся за пятое печенье, Хантер осторожно напомнил:

— Вроде бы вы, наш уважаемый хозяин, хотели нам поведать, в чем состоит ремесло смотрителя за облаками.

— Ах, мое ремесло. — Старичок опять потер руки и, бросив на постояльцев несколько рассеянный взгляд, улыбнулся. — Да, мое ремесло состоит в том, что я слежу за облаками. Все тонкости потребуют слишком долгих объяснений, но о сути моей профессии я сказать могу.

Он немного помолчал, словно собираясь с мыслями, и, задумчиво помешивая ложкой в чашечке с недопитым чаем, продолжил:

— Задумывались ли вы когда-нибудь о том, какое влияние на нашу жизнь оказывают облака? Вряд ли вы думаете, будто слишком уж большое. И смею уверить — ошибаетесь. Облака оказывают на жизнь людей просто громадное влияние. Начнем с того, что они заслоняют солнце. То самое солнце, которое наполняет нас энергией, которое может влиять на поведение людей. И влияет, смею вас уверить. Многие люди, даже не осознавая этого, зависят от солнца. Причем от того, как оно светит, зависят их работоспособность, самочувствие, здоровье и настроение. А теперь представьте, что облака играют роль неких преград, которые то отсекают людей от этого источ-

ника жизненной энергии, то, наоборот, позволяют солнечным лучам свободно воздействовать на людей. Понимаете?

— Пока не очень, — признался Христиан и взял шестое печенье.

Старичок вздохнул.

— Да это же совсем просто. Солнце может воздействовать на людей как положительным, так и отрицательным образом. Единственное, что может влиять на его воздействие, это облака.

— Вы хотите сказать, — промолвил Хантер, — что можете управлять облаками?

— Да, — ответил смотритель.

— И в зависимости от того, какую энергию солнце посылает на землю, либо загоразивать ваш город от его света этими облаками, словно огромным щитом, либо же, наоборот, убирать их, чтобы свет солнца лился на жителей этого города беспрепятственно.

— В самую точку! — воскликнул смотритель. — Совершенно верно.

— А как же вы определяете, какая энергия в данный момент исходит от солнца? — спросил Христиан.

— С помощью приборов, — промолвил старичок. — Они очень древние, эти приборы, но до сих пор действуют просто превосходно. Если у вас есть время, мы можем подняться на чердак моего дома, где они установлены.

— А как вы управляете облаками? — спросил мальчик.

— Для этого у меня... гм... тоже есть методы.

— Понятно, — сказал Хантер. — Мне очень, просто чертовски было приятно с вами познакомиться.

Он поспешно допил чай и, хлопнув по руке Христиана, который тянулся за следующим печеньем, сказал:

— Все было просто чудесно. А сейчас нам бы хотелось посмотреть на нашу комнату. После этого мы пойдем прогуляться, а до того, как стемнеет, вернемся.

— Конечно, конечно, — опять засуетился старичок.

Он показал им комнату с двумя кроватями. Комната была тоже удивительно чистая, а белье на кроватях абсолютно свежее. После этого охотник и его ученик расплатились со смотрителем, отклонили его предложение выпить еще чаю и покинули дом, в котором им предстояло переночевать.

Оказавшись на улице, Хантер хмыкнул и сказал:

— Может, вернемся и набьем физиономию хозяину гостиницы, который нас послал в этот дом?

— Не мешало бы, — согласился с ним Христиан. — Только он уже наверняка принял меры безопасности, и у него в гостинице, скорее всего, сидят и поджидают нас парочка дэвов. Мы можем набить морды и им, да только ты, кажется, хотел проскользнуть через этот город как можно незаметнее?

— Это верно. — Хантер понурил голову. — Это верно. Скандал нам сейчас ни к чему. А жаль! Нет, додуматься же надо! Он послал нас в преддверии ночи любительского колдовства к самому настоящему колдуну-любителю.

— А вдруг он все-таки не любитель, а профессионал? — спросил мальчик.

— Сомневаюсь, — ответил Хантер. — Очень сомневаюсь. Видел я волшебников-профессионалов. Они на какие-то облака не размениваются. Нет, скорее всего, с этим старичком мы сегодня ночью хлебнем горя. Еще как хлебнем.

— Послушай, — промолвил Христиан. — Какая тебе разница? Можно стоять в десяти метрах от жерла вулкана, а можно и в ста. Если начнется извержение — так и так погибнешь. Понимаешь, что я имею в виду?

— Наверное, ты прав. — Хантер скривился и махнул рукой. — Поэтому давай-ка на время забудем об этом странном старичке и пойдем где-нибудь поедим. Ты не против?

— Только об этом и мечтаю, — признался мальчик.

— Тогда пошли.

Они двинулись вдоль по улице, старательно выглядывая какую-нибудь харчевню или закусочную. Надо сказать, что улица была почти пустынная, поскольку многие жители города, несмотря на то, что ночь должна была наступить еще часа через три, предпочитали не покидать домов.

Единственные, кто, похоже, не сильно боялся предстоящей ночи, были городские дворники, неторопливо перемещавшиеся по улицам и собиравшие мусор огромными, усеянными множеством шипов клешнями. Собственно говоря, поскольку они являлись созданиями наполовину магическими, этой ночи им в самом деле бояться было нечего.

Наконец Хантер углядел неказистого вида харчевню. Над входом в нее висела вывеска: «Эта штука».

— Почему не «та»? — спросил Христиан, прежде чем они вошли внутрь.

— Потому что эта, — усмехнулся охотник и открыл дверь.

Оказавшись внутри харчевни, они увидели, что посетителей в ней немного. Впрочем, в данном случае это было не так уж и плохо. По крайней мере не успели Хантер и Христиан усесться за столик, как возле них появился хозяин харчевни, здоровенный толстяк в серого цвета переднике, украшенном несколькими жирными пятнами.

— Чего желаете?

Они желали. Для того чтобы принести все заказанное, хозяину пришлось сделать к их столику два рейса, причем поднос, который он тащил во второй раз, был ничуть не менее тяжелым чем тот, который он принес в первый.

— Сейчас поедим, — пробормотал Христиан, окидывая взглядом стол, за которым они сидели.

Он был так плотно заставлен тарелками, мисками, мисочками, а также кружками, что казалось, что-то еще поставить на него было просто невозможно.

Хантер расплатился с хозяином харчевни и молча взял в руки вилку. В течение некоторого времени за их столом происходило самое разнузданное обжорство. Они ели и пили, ели и пили...

Когда первый голод был утолен, Хантер выпил, не отрываясь, кружку пива и, откинувшись на спинку стула, огляделся. Ему было хорошо. В желудке чувствовалась приятная тяжесть. Христиан продолжал, как ни в чем не бывало, орудовать ножом и вилкой.

Между тем несколько сидевших в харчевне выпивох, безошибочно угадав в них людей дороги, решили слегка повеселиться.

Один из них, громко хлопнув по столику кружкой, заявил:

— Гляди-ка, кажется, один из этих побродяжек наконец-то утолил голод.

Второй, здоровенный тип, самой бандитской наружности, правый глаз которого закрывала черная повязка, мерзко ослабившись, промолвил:

— Погоди, вот сейчас он минутку передохнет и снова примется за дело. Уж тут-то, будь уверен, он не остановится, пока не слопает все, что есть в харчевне, до последней крошки.

Хантер совершенно спокойно взял еще одну кружку и сделал из нее несколько глотков.

— Сейчас начнется, — возвестил одноглазый. — Сейчас он примется. Гей, ребята, следите внимательно за своими кружками и тарелками. Когда они закончат с тем, что у них на столе, то доберутся до ваших, не успеете даже охнуть.

Эти слова вызвали дружный смех всех, кто сидел в харчевне.

Хантер аккуратно поставил кружку на стол, придвинул к себе тарелку с жарким из диплодока и стал неторопливо есть, всем своим видом давая понять, что плевать хотел на слова каких-то выпивох. Христиан покосился на одноглазого, но не произнес ни слова, а только быстрее заработал челюстями.

Однако одноглазого это остановить не могло. Похоже, он уже давно искал кого-нибудь, над кем можно было вдоволь покуражиться. Хантер и Христиан показались ему вполне подходящими для этого кандидатурами.

— Эй вы, побродяжки, — снова закричал он. — Небось то, что вы жрете сейчас, несколько отличается от тех объедков, которые вы привыкли собирать в канавах?

— Не везет нам сегодня, — вполголоса сказал Хантер. — Просто наваждение какое-то.

— Точно, — промолвил Христиан и отправил в рот сочный ломоть окорока игуанодона. — С этим надо что-то делать.

— Ничего, — сказал Хантер. — Ровным счетом ничего. Пусть себе кричит. На большее он не осмелится. Мы поедим и уйдем.

Дальнейшие события показали, что он ошибался.

Видя, что слова на двух путников не действуют, одноглазый подумал, что они путники совсем уж безобидные, и решился на то, чего, будь он несколько благоразумнее, не сделал бы ни за что.

Как раз в этот момент Хантер обнаружил, что все стоявшие рядом с ним кружки пусты, и крикнул:

— Эй, хозяин, еще пару кружек!

Не успел хозяин харчевни принести пиво, как одноглазый завопил:

— Ага, ты хочешь пива, грязный побродяжка?! Ну так получай, и бесплатно.

Привстав, он выплеснул пиво из своей кружки прямо в лицо Христиану. Надо отметить, довольно метко. Плесни он пивом на Хантера, тот бы только улыбнулся, но оскорбления, нанесенного его ученику, охотник вытерпеть не мог.

Холодно улыбнувшись, он вытащил из кармана носовой платок и, протянув его мальчику, спросил:

— Как ты думаешь, как поступает настоящий охотник, когда ему не везет?

Вытирая лицо, Христиан пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, он пытается вести себя очень осмотрительно.

— Обычно. Но бывают случаи, когда стоит забыть о невезении и делать то, что хочется.

— И ты хочешь сказать, что такой случай...

— Ну да. Наступил.

Хантер ловко встал и, сделав два шага к одноглазому, врезал ему в челюсть. Тот слетел со стула и, шмякнувшись на пол, закричал:

— Бьют! Глядите, бьют!

Ловко уклонившись от брошенной кружки, Хантер стал отступать к двери. Христиан уже стоял по левую руку от него. Заметив, что мальчик положил руку на рукоять засунутого за пояс ножа, охотник сказал:

— Не надо оружия. Если ты вытащишь нож, вместо того чтобы попытаться набить нам физиономии, они попробуют нас убить. Конечно, это им не удастся. Но все-таки... зачем обременять свою совесть убийством, которого можно запросто избежать?

Между тем одноглазый уже вскочил на ноги. Он и еще трое таких же выпивох набросились на Хантера и мальчика.

— Вот это дело! — воскликнул охотник и ловко пнул в живот ближайшего из нападавших. В этот момент одноглазый попытался нанести ему удар по лицу, но охотник ловко увернулся и врезал ему локтем левой руки в солнечное сплетение. Одновременно с этим Христиан схватил стул и ударил им по голове третьего из нападавших. Стул разлетелся на кусочки, а выпивоха как подрубленный рухнул на пол. — Прошу прощения за стул! — крикнул Хантер. — Мальчику надо было чем-то компенсировать свой юный возраст.

В этот момент последний из оставшихся на ногах нападавших попытался пнуть его в пах. Охотник опередил его на долю секунды. Носок ботинка Хантера угодил выпивохе точнехонько под коленку. Издав вопль, тот стал валиться на пол, и в этот момент охотник нанес ему короткий удар кулаком в нос.

— Вот такие приемы использовать — нечестно, — сказал он.

Вся драка заняла лишь несколько секунд. Оглядевалявшихся на полу четырех выпивох, Хантер честно расплатился с хозяином харчевни за сломанный стул. Несколько не участвовавших в драке выпивох в течение этой процедуры не произнесли ни слова и старательно прятали глаза.

После этого охотник и его ученик покинули не слишком гостеприимную харчевню. Правда, прежде чем выйти за дверь, Христиан укоризненно сказал:

— Какие-то вы негостеприимные. Нехорошо это.

Ответом ему было гробовое молчание. Выпивохы не пожелали высказать по этому вопросу свое мнение. Хозяин харчевни старательно пересчитывал деньги, полученные за разломанный стул.

Когда они оказались на улице, Хантер назидательным тоном сказал:

— Вот видишь, иногда полезно действовать, не думая о последствиях. Но только иногда... Если не делать этот принцип системой, случается, он и оправдывается.

— Точно, — согласился с ним мальчик.

— Стало быть, сейчас мы идем к дому нашего уважаемого зрителя облаков, — сказал Хантер. — Мне кажется, сегодня стоит лечь спать пораньше. По крайней мере даже если ночью нам придется туговато, несколько часов сна мы все же урвем.

Они и в самом деле пошли к дому зрителя облаков.

Когда харчевня скрылась за углом, Христиан спросил:

— Скажи, а сторожевые нити черных магов могут быть желтыми с сиреневым отливом?

— Могут, — пожал плечами Хантер. — А почему ты это спрашиваешь.

— Понимаешь, — несколько замялся Христиан. — Когда я брал стул, которым ударил пьяницу... мне

кажется, в тот момент я как раз на такую нить и наступил.

17

Ночной кошмар сидел в подвале и думал о жертве. Конечно, о новой. Старые жертвы его не интересовали вовсе, поскольку отдали ему все, что он мог у них взять. Стало быть, о них можно было и забыть.

Нет, только новая, наполненная теплой и такой вкусной кровью жертва. Он выйдет из подвала и найдет ее, вынырнет из ночного мрака, набросится и возьмет все, что ему от нее нужно. Все, что позволит ему эту жертву забыть.

Он любил забывать свои жертвы. Конечно, это происходило не сразу. Он брал у жертвы кровь, потом, конечно же, жизнь и, почувствовав удовлетворение, отшвыривал ее тело, как кожуру съеденного банана. Вот тогда-то и начинался процесс забывания. Поначалу это было нелегко, поскольку поглощенная им кровь, даже став частью его тела, хранила память о том, кому она принадлежала раньше. Она пульсировала, она напоминала, она жила своей, отличной от него жизнью. Она была пленницей его тела и хотела вырваться на свободу.

Однако с течением времени она изменялась, и тогда процесс забывания сам собой, независимо от его воли, начинал идти быстрее. Кровь жертвы становилась все более вялой, более спокойной, она уже не мечтала о свободе, она забывала о своем бывшем хозяине, и заканчивалось все так, как и должно было закончиться, — полной капитуляцией.

После этого воспоминания исчезали. Жертва, чью кровь он сделал своей, превращалась в бесплотную тень, теряла личность, больше ничем не выделялась из тех, кого он поглотил ранее.

Это приносило покой.

Правда, временный. Поскольку через какое-то время он начинал мечтать о новой жертве, о новой крови и, конечно же, о новом процессе забывания.

Иногда ему казалось, что процесс забывания — это то, ради чего он живет. Может быть, потому, что он мог, ночной кошмар это знал точно, должен был ему помочь вспомнить... Например, такую мелочь, как то, кем он на самом деле является, откуда взялся и что должен в конце концов сделать.

Долгие часы дневного оцепенения он посвящал именно этому. Свернувшись клубочком в самом дальнем углу подвала, он мучительно, до боли, пытался вспомнить, кем он на самом деле является. Случалось, ему это почти удавалось. Иногда у него возникало ощущение, что он вот-вот вспомнит все, но каждый раз что-то живущее внутри, приобретенное им совсем недавно, словно здоровенная резинка, стирало это ощущение, отбрасывая его обратно, в полную темноту неведения.

И еще. Ему казалось, что тогда, когда он выпивал кровь новой жертвы, это ощущение было несколько ярче, он словно бы подходил к барьеру, за которым находились его воспоминания, на шаг, на полшага ближе. Но все же преодолеть его не мог. Как ни старался.

Может быть, ему еще не попалась та жертва, кровь которой поможет вспомнить все, до конца? По крайней мере ночной кошмар на это надеялся, хорошо понимая, что только надежда придает его жизни хоть какой-то смысл.

И еще охота. Конечно, она захватывала его меньше, поскольку не давала той остроты ощущений, которую приносили попытки вспомнить, кем он является на самом деле. Но все же охота вносила в его жизнь некоторое разнообразие.

Ему нравилось красться по ночным улицам, высматривая того, кто может отдать ему свою кровь. В том, что его жертвы мечтают расстаться со своей кровью, ночной кошмар ничуть не сомневался. Иначе

зачем бы они были так поразительно беспечны? Зачем эти люди так легко шли напрямик ему в лапы? Только ли из свойственного людям слабоумия?

Нет. Не может быть.

Они шли к нему для того, чтобы расстаться с кровью, отдать ее, избавиться от того беспокойства, которое она хранила в себе.

Ночной кошмар прислушался.

Те люди, которые зачем-то шли по улице, были уже далеко. Пора было выходить из подвала. Если он промедлит еще немного, охота этой ночью может не получиться.

Путь был свободен. Ему оставалось только поднять крышку и вылезти из подвала, но все же ночной кошмар медлил. Странное, непонятно откуда время от времени возникающее у него чувство говорило, что нужно подождать.

Там, снаружи, его поджидала опасность.

Она не имела никакого отношения к людям, она существовала сама по себе, и это могло быть плохо.

Людей ночной кошмар не боялся. Как можно бояться тех, на кого он раз за разом удачно охотился, кто не мог защитить себя или хотя бы оказать более-менее серьезное сопротивление? Как противники люди заслуживали лишь презрения. Однако тот, кто его выследил, не имел к людям почти никакого отношения.

Кто же это?

Ночной кошмар приложил ухо к крышке люка и прислушался. Ему не понадобилось много времени, чтобы найти ответ на этот вопрос. Снаружи его подкарауливал тот, чье незримое присутствие он почувствовал прошлой ночью.

Ночной кошмар был в этом почти уверен. Он вспомнил прошлую ночь, то, как он крался через один из этих глупых садилов, которые просто обожают разводить в своих городах люди. И почувствовал его, того, кто сейчас был совсем недалеко от люка подвала.

Тогда он, этот неведомый противник, просто наблюдал, просто смотрел, не собираясь ничего предпринимать. И ночной кошмар ушел, справедливо рассудив, что незачем нарываться. Он только что восстановил запас крови, процесс забывания шел полным ходом, и драться с кем бы то ни было ему не хотелось.

Сейчас же — другое дело. Сейчас это неведомое существо пришло к нему само. Оно выследило его убежище и устроило возле него засаду. Стало быть, придется драться.

Ночной кошмар криво ухмыльнулся.

Уж он-то знал, что в области драки соперников ему не было. Хотя бы потому, что он мог видеть то, что не мог заметить никто другой. Ему даже стало немного жалко того, кто сейчас подкарауливал его там, снаружи. Этот противник не был человеком, поэтому слегка пожалеть его было можно. Но только — слегка.

Теперь, предстояло решить, когда начинать драку. Конечно, он мог устроить ее прямо сейчас, а мог и подождать. Причем выгоднее было подождать. Сейчас противник на чеку, он готов к сражению. Но пройдет какой-нибудь час, и он расслабится. Вот тогда-то его шансы на успех будут гораздо выше.

«К черту, — сказал себе ночной кошмар. — Наплевать мне на эти хитрости. Я разорву его на куски даже прямо сейчас. Просто вылезу наружу — и разорву. Силы и реакции у меня на это хватит. По крайней мере должно хватить».

Он был настолько уверен в своих силах, что даже решил дать противнику шанс. Совершенно спокойно, чувствуя, что его все происходящее даже несколько забавляет, ночной кошмар уперся рукой в крышку люка и стал ее приподнимать.

Он не спешил. Он был полностью уверен в своей силе и реакции. Он знал — тот, кто сейчас на него охотится, сильно удивится. Перед тем как умереть.

«Может быть, я даже дам ему легкую смерть, — подумал ночной кошмар. — В награду за смелость».

Крышка люка откинулась и упала на землю, а ночной кошмар наконец-то высунул из него голову. И увидел.

Тот, кто на него охотился, был совсем рядом. В полуметре, не больше. И еще. Он, похоже, нападать вовсе и не собирался. И вообще это был не он, это была — она. Самка.

Ночной кошмар бросил взгляд на ее линии судьбы. Она была кем угодно, только не человеком. Интересно все-таки — кем?

Он пригляделся внимательнее и вдруг ошарашенно помотал головой.

Ее линии чертовски походили на его собственные. Конечно, не полностью. Но все же было в них некое сходство, говорившее о родстве.

«Вот так-так! — подумал ночной кошмар. — Это что же получается?»

Тут незнакомка заговорила.

— Значит, это ты, скотина? — сказала она. — Мерзавец. Урод. По-хорошему, надо было бы перервать тебе горло! Сама не понимаю, почему я этого не сделала.

Ночной кошмар опешил.

— Гм, — сказал он. — Что тебе от меня надо?

— Абсолютно ничего, — зло сказала она. — От таких уродов мне ничего не нужно. Скотина.

Она встала, тщательно отряхнула руки и сделала шаг в сторону, словно намереваясь уйти. Вот только линии ее судьбы говорили как раз о другом.

В этот момент ночной кошмар решил. Несомненно, эта самка была ему нужна, несомненно, как бы ей ни хотелось остаться, если он ее не остановит, она уйдет. Из гордости. Стало быть, для того чтобы с ней познакомиться, нужно было сыграть в игру, которую она навязывала.

Прекрасно, он был готов.

Самка сделала второй шаг. Он был более медленным, чем первый, но она его сделала. И тут ночной кошмар сказал:

— Да ладно, чего ты так раскипятилась! В чем дело-то?

— Ах, в чем дело?! — воскликнула она и повернулась к нему. — А ну, ублюдок, вылезай. Вытаскивай свое неуклюжее тело из этого лаза. Я тебе сейчас покажу, в чем дело.

— Хорошо. — Ночной кошмар пожал плечами и вылез из люка.

Он понимал, что его с кем-то перепутали, но говорить об этом вовсе не собирался. Кроме того, он вполне допускал, что его вовсе и не перепутали. Эта самка запросто могла его знать до того, как он стал таким, как сейчас. Таким образом, она была его ключом к прошлому, к пониманию того, кем он на самом деле является. Лишиться этого ключа ночной кошмар вовсе не собирался. С другой стороны, рассказав о том, что потерял память, он давал ей в руки некое преимущество. Этого ночному кошмару не хотелось вовсе. Оставалось делать вид, будто все идет как надо, и маневрировать, маневрировать. Потом он сумеет вытащить из самки все сведения о своем прошлом, так что она ничего не заподозрит. А пока... ему ничего не оставалось, как играть в ее игру.

Он вылез из люка и стал ждать, что будет дальше.

Долго ждать ему не пришлось. Самка подскочила к нему и влепила звонкую пощечину.

— Ой-ой-ой, — сказал ночной кошмар. — Ой-ой-ой.

— Мало, скотина? — ласково спросила самка.

— Нет, — честно признался ночной кошмар.

— Вот то-то же.

Ее линии судьбы изменились. Похоже, разрядившись, она теперь даже сожалела о содеянном. Этого нельзя было не использовать.

Ночной кошмар задумчиво потрогал щеку и поставил придать своему лицу угрюмое выражение.

— Ну, что насупился? — спросила она. — О чем задумался, скотина?

Сказано это было слишком уж грубо. Отсюда ночной кошмар заключил, что самка раскаивается в своем поведении, но не хочет этого показать. Кстати, это было вполне типично для ее пола.

Не сказав ни слова, ночной кошмар отвернулся. Пока все шло как по-писаному. Чем меньше он скажет, тем больше шансов, что все получится так, как ему нужно.

Самка некоторое время стояла неподвижно. Потом ночной кошмар услышал, как она прислонилась спиной к полуобвалившейся стене. Это говорило о том, что она впала в задумчивость. Ночному кошмару совсем не нравилось то, что он не может видеть ее линий судьбы, но он хорошо понимал, что без некоторого риска не обойтись.

— Ага, значит, обиделся, — проговорила она. — Значит, ты теперь надулся и знать не желаешь того, кто подарил тебе вечную жизнь? Кстати, ничего иного от такого мерзавца я и не ожидала.

«О чем это она? — растерянно подумал ночной кошмар. — Уж не имеет ли она в виду, что является той, которая меня породила?»

Он прекрасно понимал, что любое неправильно сказанное слово может разрушить все его планы, и продолжал молчать. Дальнейшие события показали, что это была правильная политика.

— У, враг, — вполголоса сказала самка. — Молчит, идол. А ты подумал, каково было мне? Я-то считала, что тебя убила. Меня, дуру, мучила совесть. Это меня-то? Да я уже двести лет не знала, что такое угрызения совести. И тут из-за какого-то грязного охотника...

В голосе ее послышались новые нотки. Ночной кошмар мог бы поклясться, что самка переживает некие чувства. Будь на ее месте обычная женщина, она бы наверняка расплакалась.

«Что же будет дальше? — думал ночной кошмар. — Кажется, ситуация становится настолько забавной, что имеет смысл подождать чем она закончится. Хотя бы

из любопытства. Может, эта самка и в самом деле является той, что произвела меня на свет? Сомнительно. Тут нечто другое. Хорошо бы узнать, что именно».

Он услышал, как она тяжело вздохнула и сделала к нему шаг, очень тихий и нерешительный. Потом еще один.

Всей кожей чувствуя, что рискует просто чудовищно, понимая, что в любой момент ему в шею могут впитаться когти этого странного создания, ночной кошмар все же не обернулся, ждал. Он считал, что, ввязавшись в игру, надо идти до конца, какой бы опасной эта игра ни была.

А потом самка сделала еще один шаг и оказалась у него за спиной. Ночной кошмар замер. Сейчас должно было решиться все. И решилось.

Самка обняла его и нежно сказала:

— Ладно, уговорил, все кончено, я больше не буду. Только давай забудем все, что было. Давай начнем все сначала. Понимаешь, в нашем положении ссориться — глупо. Ты же прекрасно знаешь, что без меня, без моей помощи очень скоро погибнешь. Эти люди, они такие коварные... А вдвоем мы обманем их всех. Ну, согласен?

Ночной кошмар удивился. Он ожидал чего угодно, только не этого.

«Да что с ней, в конце концов, происходит? — лихорадочно соображал он. — Похоже, она предлагает мне союз. Но почему именно таким образом? Что ей от меня надо? Странно, очень странно».

Все же отвечать что-то было нужно. Он ограничился тем, что издал неопределенное мычание, которое можно было истолковать как угодно.

И самка истолковала это мычание так, как ей хотелось.

— Ну, вот и хорошо, — проговорила она. — Вот и прекрасно. Значит, ты на меня не сердишься?

Ночной кошмар сказал то единственное, что можно было ответить на подобный вопрос:

— Конечно, нет.

— Еще бы ты на меня сердился! — воскликнула она. — Ах ты... Ну ладно, все, все, забыли об этом. Окончательно забыли. И давай пойдем отсюда. Я не хочу, чтобы ты жил в этом мерзком подвале. Настоящие вампиры в таких подвалах не живут. У меня вполне милый дом-убежище. Мы будем жить там, благо места в нем на двоих вполне хватит. Пошли отсюда...

— Зачем? — спросил ночной кошмар и повернулся к ней лицом.

— Затем, — терпеливо стала объяснять самка, — что я теперь твоя наставница. Я за тебя отвечаю. Понял? Я должна научить тебя, я должна дать тебе советы, я обязана сделать из тебя настоящего, подготовленного в жизни в этом ужасном мире вампира.

— А кто же я теперь? — спросил ночной кошмар.

— Ты дерьмо зеленое, — ответила вампирша. — Которое считает, что оно умнее людей, сильнее их и гораздо быстрее. Все это верно. Да только люди за просто справлялись с противниками и посерьезнее. И если они зададутся такой целью, то от тебя очень быстро останется только пепел. Самое главное, чему я тебя должна научить, это охотиться так, чтобы люди даже не подозревали о твоём существовании. Усекаешь?

— Усекаю, — ответил ночной кошмар. — Еще как усекаю.

На самом деле он не очень-то понимал то, что говорила вампирша. И все же, он это чувствовал, в ее словах была правда. Она не обманывала, она и в самом деле так считала.

«Может, и в самом деле эти люди не такие уж безобидные твари? — подумал он. — Судя по всему, эта самка почти той же породы, что и я. По крайней мере она ближе мне по родству, чем какой-то человек. Кроме того, она, так же как и я, питается кровью людей. Причем, судя по всему, давно. Наверняка она более опытна в этом деле, чем я. Может быть, и в

самом деле стоит воспользоваться ее услугами? Вот только все эти самки — такие собственницы...»

В конце концов он решил, что, в крайнем случае, избавиться от нее будет не так уж и трудно. Судя по всему, эта вампирша не могла видеть линии судьбы. А иначе она бы сразу определила, что приняла его за кого-то другого.

Конечно, он не помнил, кем был в той, своей прежней жизни, но то, что никаким не охотником, мог поклясться. Это слово не пробуждало в его памяти никакого отклика. Ни малейшего.

— Вот именно так я с тобой и поступлю, — между тем говорила вампирша. — Я буду учить тебя жить. И только тогда, когда научу всему, что знаю сама, когда ты мне скажешь: «Теперь, Лисандра, я стал настоящим вампиром», мы с тобой поговорим. Причем разговор этот будет очень серьезным. Я сделаю тебе одно предложение, очень серьезное предложение, от которого ты вряд ли откажешься. Но все это будет потом, спустя какое-то время. А сейчас — учеба, учеба и учеба. Только так становятся настоящим вампиром. Понял?

Она улыбнулась, и ее клыки слегка блеснули в неверном лунном свете.

«Итак, ее зовут Лисандра, — подумал ночной кошмар. — Неплохо было бы узнать ко всему прочему, как зовут меня».

— Я спрашиваю, ты понял?

В голосе Лисандры послышались командирские нотки. Это ночному кошмару не понравилось, но он покладисто сказал:

— Конечно, понял.

Лисандра засмеялась.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Вот и прекрасно. А теперь поцелуй меня.

Ночной кошмар замер. Он не имел понятия, как делается то, что от него требовала вампирша. К счастью, она начала действовать первой и быстро прижалась губами к губам ночного кошмара. Сначала тот

испугался. Ему показалось, что она пытается откусить ему губы, но потом до ночного кошмара дошло, что этот поцелуй, видимо, имеет какое-то ритуальное значение. Что-то вроде скрепления договора. Кроме того, от губ вампирыши приятно пахло кровью. Видимо, она насытилась не более двух часов назад. Желая насладиться вкусом крови, ночной кошмар прижал свои губы к губам вампирыши сильнее. Видимо, он сделал это совершенно правильно, поскольку, когда поцелуй кончился, Лисандра снова тихо засмеялась.

— Ах, Хантер, Хантер, — сказала она. — Значит, все-таки я была права. Все получилось так, как я и хотела. Теперь ты мой и никуда не денешься. Я тебя просто не отпущу. Понимаешь?

— Еще бы, — сказал ночной кошмар. — Понимаю.

«Ага, значит, меня зовут Хантер, — подумал он. — Ну наконец-то я узнал свое имя».

В том, что в предыдущей жизни его звали совсем по-другому, ночной кошмар ничуть не сомневался. Однако он с удивлением вдруг понял, что имя «Хантер» все же находит какой-то отклик в его памяти. Видимо, раньше он его знал. С чем-то оно у него ассоциировалось.

«Ну вот, еще одна загадка, — подумал ночной кошмар. — Которую надо обязательно разгадать. Нет, эту самку терять нельзя. Кто знает, может быть, благодаря ей я смогу вспомнить, кем на самом деле являюсь и что со мной случилось, что заставило меня стать таким, какой я сейчас».

— А раз понимаешь, то пошли, — возвестила Лисандра. — Мой дом-убежище к твоим услугам. Завтра в сумерках я закажу тебе гроб. А пока мы что-нибудь для тебя придумаем. Если хочешь, можно заказать двойной гроб. Будем спать вместе.

И она игриво ткнула его в бок локтем.

— Решай сама, — дипломатично ответил ночной кошмар.

Голова у него слегка шла кругом. За десять минут разговора с этой самкой он получил столько пищи для размышлений, сколько не получал за предыдущий месяц. И целую кучу загадок, на которые надо было найти ответ. Так, например, он никак не мог понять, кем приходится ему эта вампирша и почему она собирается о нем заботиться.

«Может, лучше было бы с ней подраться? — подумал ночной кошмар. — По крайней мере сейчас я уже убил бы ее и спокойно отправился на охоту».

Впрочем, сделать это было никогда не поздно.

— Насчет гроба я еще подумаю, — улыбнулась вампирша. — Может быть, и в самом деле стоит заказать двойной. Конечно, я пойду на это лишь при условии, что ты будешь паинькой.

— Буду, — пообещал ночной кошмар.

— Ну, тогда двойной, — сказала вампирша. — Правда, он будет готов только дня через три, но мы потерпим. Теперь, когда у нас в распоряжении целая вечность, мы можем и потерпеть... и все-таки кто бы мог подумать, что все закончится именно так!

Она подхватила свежеприобретенного подопечного под руку и потащила его из развалин.

— А еще, — говорила она, — тебе обязательно нужно научиться летать. Это здорово экономит время. Кроме того, бывает, уйти от погони по воздуху гораздо легче.

— Как? — удивленно спросил ночной кошмар.

— Ну, летать по воздуху. Превращаться в летучую мышь. Ты что, не умеешь даже этого?

— Нет.

— Лопух. Это же очень просто. Смотри и учись.

Вампирша отпустила его руку, подпрыгнула и, превратившись в летучую мышь, сделала круг над головой подопечного. Вернувшись в человеческий облик, она с довольной миной спросила:

— Нравится?

— Еще бы, — пробормотал ночной кошмар. — Я тоже могу этому научиться?

— Безусловно. Причем это не так уж и сложно. Главное — поверить в то, что ты это можешь.

«И все-таки я был прав, — подумал ночной кошмар. — Даже если мне удастся от нее только научиться летать — игра стоит свеч. Судя по всему, от нее можно многому научиться».

— И можно попробовать прямо сейчас? — спросил он.

— Можно. Только не нужно. До рассвета осталось не больше двух часов. А нам еще надо добраться до дома-убежища. И кроме того... Скажи, ты сегодня уже насыщался?

— Нет.

— Я так и думала. Стало быть, ты решил сегодня ложиться спать на пустой желудок? Не выйдет. Сейчас мы по-быстрому тебя покормим и только потом отправимся в дом-убежище. Времени и в самом деле мало. Только, прошу, делай все так, как я тебе стану советовать. Вообще первым делом тебе надо научиться нормально насыщаться. Так, чтобы не оставлять следов. Смекаешь?

— А почему не нужно эти следы оставлять? — спросил ночной кошмар.

— Темнота! — воскликнула Лисандра. — Чтобы не догадались люди. И вообще сейчас не время для объяснений. Следуй за мной, ни во что не вмешивайся, но гляди, как я буду действовать, и хорошенько все запоминай. Усек?

— Усек.

— Ну так вот, иди за мной.

Лисандра ловко перебежала на другую сторону улицы и, стараясь держаться как можно ближе к домам, отправилась на охоту. Ночной кошмар крался за ней так тихо, что временами вампирша даже не могла определить, где он находится. Это несколько забавляло ее подопечного.

«И все-таки, — думал ночной кошмар, — кое-что я понимаю лучше ее. Посмотрим, как она будет меня учить насыщаться. Хотя чему тут учиться? Знай лакай

себе кровь да следы, чтобы на мостовую ее не вытекло слишком много».

Вслед за вампиршей он свернул на какую-то улицу. Потом были еще один поворот, узкий переулок, проходной двор и снова улица.

Вдруг вампириша шагнула за угол какого-то дома и притаилась. Ночной кошмар сделал то же самое. Причина для этого была. Неподалеку слышались заплетающиеся шаги. Они приближались.

«Сейчас, — подумал ночной кошмар. — Сейчас она покажет мне, как нужно охотиться».

Вампириша и в самом деле показала. Парень, шаги которого она услышала, был сильно подвыпивший. Очевидно, решив, что празднования ночи преступной любви с него достаточно, парень шел домой. Миновав дом, за углом которого пряталась вампириша, он остановился и стал расстегивать штаны. В этот момент Лисандра, ловко метнувшись к нему, схватила парня за шею. Нажав на нужную точку, она лишила жертву способности сопротивляться.

«Неправильно, — подумал ночной кошмар. — Какого черта она с ним миндальничает? Надо было просто выкусить ему горло. Просто и элегантно».

— Эй ты, Хантер, — тихо позвала вампириша. — Иди сюда. Сейчас ты будешь учиться правильно кормиться.

18

Тело младшего мага лежало на кровати, удобно скрестив руки на груди. Сознание же его путешествовало по сети черного мага. Делало оно это так искусно и ловко, что владелец сети пока ни о чем не догадывался.

Прошли уже почти сутки с тех пор, как младший маг прилетел в город. Он использовал их с умом. По крайней мере теперь он знал охранную сеть черного мага как свои пять пальцев.

Наконец, убедившись, что сигналов о появлении того, кого он ждал, не поступало, младший маг отсоединился от сети и открыл глаза. Надо было спуститься вниз и поужинать. Предстоящая ночь любительской магии обещала быть довольно забавной.

«Все-таки интересно будет посмотреть, на что способны обычные люди, тем более — любители магии, — думал младший маг. — Вряд ли это будет нечто впечатляющее. Но все же интересно».

После ужина он рассчитывал наложить на себя парочку заклятий, которые должны были обеспечить на эту ночь его безопасность. Конечно, обычному колдовству лендлорды учили слабо, но все же кое-что младший маг умел. По крайней мере от любительской магии эти заклинания должны были его защитить. И довольно эффективно.

Однако прежде — поужинать.

Младший маг представил тот ужин, который он сейчас съест, и сердце его сладко заныло. Все-таки к такому в долине магов он не привык. Лендлорды считали, что тот, кто много и вкусно ест, — роет своими зубами себе могилу. Кроме того, и в этом они не ошибались, те знания, которым они обучали будущих черных магов, лучше усваивались на полупустой желудок, чем на полный.

«Вот когда я стану настоящим черным магом, — подумал младший маг, — вот тогда я все и наверстаю. Все, все, что не получил в этой долине. И только самое лучшее. Еда, удобства и прочее, прочее...»

Он встал с кровати и сладко потянулся, чувствуя, как играют под кожей мускулы, ощущая наслаждение от своего, такого молодого и сильного, тела. В этот момент он верил, да что там верил, он знал, что все у него будет просто прекрасно. Он выполнит задание лендлордов, безжалостно расправится с этим неведомым, подкрадывающимся к долине магов врагом, а потом вернется и вытрясет из водяника свою долю. И конечно, через некоторое время, может, через не-

делю, две, он станет настоящим черным магом, а потом получит свой собственный город, в котором станет полновластным хозяином.

Дальше все будет еще лучше. Рано или поздно лендлорды добьются своего, с помощью черных магов захватят в этой стране власть, и тогда...

Младший маг хитро улыбнулся.

А вот тогда начнется самое интересное. Черные маги под руководством лендлордов станут полноправными хозяевами в этой стране. И конечно же, им придет в голову простая, как гречневая каша, мысль...

Он испуганно посмотрел на свои нити судьбы, а потом, опомнившись, облегченно улыбнулся.

В самом деле, чего ему бояться? Он ведь не в долине магов. А когда придет время в нее возвращаться, уж он постарается сделать так, чтобы линии судьбы его не выдали. Так что бояться нечего.

Младший маг вышел из комнаты, тщательно ее запер и, спускаясь по лестнице, приносясь к до-летавшим в кухню гостиницы запахам, все же докончил свою мысль, не удержался.

«А потом, — думал он, — когда лендлорды помогут захватить в этой стране власть, многие черные маги поймут, что теперь в тех нет никакой нужды. В самом деле, зачем они будут нужны? А от ненужных вещей имеет смысл избавляться. Тем способом, который подвернется под руку».

Это означало только одно: как только власть в стране будет окончательно захвачена, черные маги избавятся от своих учителей. Младший маг понимал, что это будет сделать не так-то и легко. Все-таки лендлорды очень, очень сильны. Но черных магов уже сейчас гораздо больше. Стало быть, начнется война между лендлордами и черными магами. Она будет страшной и опустошительной. Вот тут от него потребуются все его умение и ум. Выжить в этой войне, суметь использовать ее для собственной выгоды... Это будет нелегко. Но вполне возможно.

«Вполне возможно, — думал младший маг. — Все может получиться вовсе не так. Кто-то из черных магов уже сейчас обдумывает возможность захватить власть. Причем наверняка это можно сделать неожиданно. Как? Да очень просто. Несколько черных магов, выждав удобный момент, могут проникнуть в долину и убить лендлордов одного за другим. Если действовать неожиданно и очень быстро, этот план вполне может удалиться».

Он сел за столик. Сейчас же к нему подскочила служанка и, строя глазки, спросила, что подать ему на ужин. Младший маг сделал заказ, и служанка поспешила в сторону кухни. Проводив ее «выдающуюся» фигурку алчным взглядом, он продолжил свои размышления.

«Итак, — рассуждал он. — Я пришел к выводу, что могут существовать несколько черных магов, которые решили, что от лендлордов можно избавиться прямо сейчас. В самом деле, лендлорды очень умны. Когда власть в стране будет захвачена, они могут принять какие-нибудь меры, которые позволят им не опасаться черных магов, держать их в узде. Сейчас же они об этом не думают. Так почему бы не нанести удар именно тогда, когда его не ожидают?»

Он усмехнулся. Пока все, о чем он думал, было вполне логично. А то, что логично, имеет право на существование.

«В самом деле, — продолжал рассуждать он. — Почему бы и не сейчас? Процесс захвата этой страны близится к завершению. Теперь черные маги могут завершить дело и без помощи лендлордов. Конечно, они готовят новых черных магов. Но почему бы уже тем магам, которые есть, не обзавестись одним-двумя учениками? Любой черный маг может научить всему, что умеет, кого-то другого».

Служанка принесла ужин и быстро, сноровисто устала стол перед младшим магом тарелками и кружками. Расплатившись за ужин, он не удержался и

слегка хлопнул ее по заду. Девушка захихикала. Как иначе она могла на это прореагировать?

Впрочем, ее тут же позвали к другому столу.

«Остается только выяснить, являются ли эти мои мысли пустыми фантазиями или же что-то подобное есть на самом деле? — размышлял младший маг. — Интересно, как это сделать? Обойти всех знакомых черных магов и у каждого спросить: “А не задумал ли ты убить лендлордов?” Бред. Так они мне это и сказали. Нет, надо придумать какой-то другой способ».

Он задумчиво взял стоявшую перед ним кружку и отхлебнул из нее. Напиток из эюпсных ягод был очень даже неплох. Он имел приятный, слегка сладковатый привкус. Утолив жажду, младший маг принялся за еду. Жаркое из игуанодона было просто превосходно.

Покончив с ним, младший маг снова хлебнул напитка из эюпсных ягод. Мимо опять прошла служанка. Бросив на него кокетливый взгляд, она захихикала.

«Ничего, — подумал младший маг. — Вот когда я стану в каком-нибудь городе полноправным хозяином....»

Он хотел было снова хлебнуть из кружки, но вдруг передумал.

«И все-таки я полный болван, — сказал он себе. — Все очень просто. Невероятно просто. Те, кто надумал убрать лендлордов, для успеха своего предприятия должны получать информацию о том, что происходит в долине магов. И они ее получают. Например, через меня».

А это означает, что заговор против лендлордов на самом деле есть. И это уже не пустые догадки, это уже реальность.

«Причем, — подумал младший маг, — водяник наверняка об этом догадывается, а может, и знает точно. Теперь остается только узнать, когда именно заговорщики начнут действовать. Может быть, уже скоро».

Поужинав, он вернулся в свою комнату.

«Получается, — думал он, расхаживая от стены к стене, — все уже началось. Остается только решить, что делать лично мне. Самое главное — не упустить шанс. С другой стороны, лендлорды вполне могут и знать об этом заговоре. В таком случае, все заговорщики умрут. А также те, кто им помогает».

Он поежился. Может быть, и в самом деле держаться от всего этого подальше? Кроме того, совсем не исключено, что все эти заговоры, борьба против лендлордов не более чем продукт его разыгравшегося воображения.

Кто-то из черных магов желает знать о том, что происходит в долине? Ну и что? Просто всегда полезно знать, что именно задумали твои повелители. Чтобы быть готовым к новым распоряжениям, чтобы суметь вовремя узнать, откуда дует ветер, и остаться у власти. При чем тут какой-то заговор?

Намеки водяника? Тоже ничего страшного. Может старая сухопутная каракатица иметь свои странности? Запросто.

«И вообще, — подумал младший маг, — не пора ли тебе снова заняться заданием лендлордов? Все эти размышления — вещь эфемерная, вот враг, который подбирается к долине магов, — самая настоящая реальность».

Он вытащил из кармана коробочку, полученную от лендлордов, и нажал кнопку. Точка, обозначающая его местоположение, и точка, указывающая на врага, были очень близко. Слишком близко. Это могло означать только одно.

Враг где-то здесь, в городе. Сейчас.

Конечно, младший маг мог отправиться на его поиски, но он этого делать не стал. До ночи любительского волшебства оставалось не более часа. Выйди он из гостиницы, и ему не помогут даже те охранные заклинания, которые он знал. Эти любители, они иногда могут выкинуть такое, что не станет делать даже профессионал. Любители, кроме всего про-

чего, отличаются от профессионалов еще и тем, что не совсем понимают, какие последствия могут иметь их поступки. А колдовство — штука серьезная. И последствия у него могут быть такими, что только за голову хватайся и беги.

«Все очень просто, — рассудил младший маг. — Сейчас я не могу отправиться в город вылавливать этого врага лендлордов. Но ведь и он тоже не может покинуть город. Наверняка он в данный момент забился в какую-нибудь дыру, чтобы переждать эту ночь. Стало быть, я убью его не сейчас, а утром. Просто и без затей. Встречу парочку дэвов и подчиню их себе. На это у меня умения хватит. А уж они превратят врага лендлордов в котлету. Именно так, и никак иначе».

Чувствуя удовлетворение оттого, что он такой умный и предусмотрительный, младший маг лег на постель и протянул правую руку в сторону линии из сети черного мага.

Не прошло и полминуты, как он к ней уже подсоединился.

Его сознание, словно прогуливавшийся по улицам давно знакомого города путник, одну за другой стало обходить линии, из которых состояла сеть черного мага. Случалось, они, как самые настоящие улицы, перекрещивались, раздваивались, вновь соединялись. А младший маг, словно настоящий пешеход, в некоторых местах останавливался, чтобы рассмотреть заинтересовавшие его участки, разобраться, что они из себя представляют, узнать, что в них изменилось за время его отсутствия.

Собственно, изменилось не так уж и много. Младший маг обнаружил, что за тот час, который он потратил на ужин, сеть черного мага сработала только два раза.

Первый раз она отреагировала на какого-то мужичка, рыбного вора, который, напившись, стал болтать о том, как он, отправившись неделю назад на промысел, то есть, другими словами, обшаривая сети

местных рыбаков, увидел, как со стороны одного дома появились и поплыли над рекой желтые светящиеся пузыри.

Младший маг сейчас же вспомнил, что с помощью этих пузырей каждый черный маг должен избавляться от излишков так называемой темной силы, воспринятой им от жителей города. Если он время от времени не будет этого делать, то неистраченная темная сила может ему повредить, и очень сильно. Бывало, черные маги, забывавшие вовремя освободиться от лишней темной силы, погибали.

Сеть отреагировала на болтовню рыбного вора очень просто. Легкое прикосновение, и у того остановилось сердце. Не успев до конца рассказать, что же было дальше с желтыми светящимися пузырями, тот рухнул на стол, за которым сидел.

«Вполне эффективно, — подумал младший маг. — И достаточно ловко. Никаких лишних проволок, самое простое решение. Похоже, этот черный маг обладает большим опытом в таких делах».

Второй раз сеть отреагировала на мелкого уличного торговца, который сегодня должен был отдать долю от своих доходов черному магу. Конечно, кому он должен отдать эти деньги, торговец не представлял. Он знал, что должен в определенный день принести в определенное место деньги и отдать их некоему человеку. То, что этот человек отнесет деньги какому-то черному магу, ему знать не полагалось.

Однако уличный торговец решил сжульничать и половину денег припрятал, полагая, что сможет отбрехаться. Сеть сработала почти мгновенно и в этом случае. Прикоснувшись кончиком нити к затылку торговца, она мгновенно захватила контроль над его нервной системой и внушила мысль, что его соображения о возможности утаить деньги ни к чему хорошему не приведут. В виде наказания за попытку обмануть хозяина сеть вызвала у торговца радикулит.

Все верно. Вроде и наказание, которое одновременно не сильно мешает заниматься торговлей, то

есть не лишает черного мага доходов от этого торговца.

По правде сказать, эта сеть младшего мага почти восхитила. Она была сделана с умом, очень качественно и большинство решений принимала сама, оставляя на долю хозяина только самые трудные случаи.

Младший маг решил, что, став настоящим черным магом, сделает себе такую же, если не лучше. Обязательно.

Он хотел было отсоединиться от сети, но тут она пришла в движение. Что-то произошло, причем, судя по всему, довольно серьезное. Младший маг затаился. Он знал, что сейчас к сети подключится ее хозяин. Вот он-то вполне может его обнаружить.

Этого младший маг не хотел. Поэтому он быстро спрятался в той части сети, которая отвечала за действия в том случае, если с ее хозяином что-то случится. Находясь в ней, младший маг, оставаясь почти неуловимым, мог быть в курсе всего, происходящего с сетью и ее хозяином.

И происходило. Судя по тому, как сеть вибрировала, она наткнулась на нечто в высшей степени необычное. Не прошло и нескольких секунд, как младший маг определил, что именно. К тому времени, когда к сети подсоединился ее хозяин, он уже знал, в чем дело.

Один из отростков сети коснулся необычного человека. От всех других людей он отличался тем, что обладал свойством видеть линии судьбы. Конечно, это свойство было у него пока еще недостаточно сильно развито, но все же основания для того, чтобы поднять тревогу, имелись.

«Забавно, как черный маг будет действовать? — думал посланник лендлордов. — Что он предпримет? Неужели попытается напасть на этого странного человека? Ну-ну, посмотрим».

Его интерес подогревало еще и то, что он понимал: странный человек наверняка был тем, ради кого его и послали в этот город лендлорды.

Таким образом, все пока складывалось довольно удачно, по крайней мере соответственно его плану. Черный маг попытается захватить или уничтожить врага лендлордов, а он узнает, что, собственно, тот из себя представляет. В соответствии с тем, насколько силен окажется враг, можно будет и действовать.

Между тем черный маг отдал приказ. Подчиняясь ему, сеть выпустила несколько отростков, которые стали лихорадочно нащупывать того, кто так заинтересовал ее хозяина.

Это ничего не дало. Видимо, тот, кого искали, успел уже покинуть место, в котором коснулся сети.

«Что он придумает теперь? — подумал младший маг. — Каким методом воспользуется?»

Черный маг воспользовался самым простым.

Выполняя его приказ, один из отростков сети прикоснулся к первому попавшемуся человеку, овладел его сознанием и заставил оглядеться.

Благодаря этому младший маг узнал, где именно тот, кого он должен был убить, в первый раз соприкоснулся с сетью черного мага. В том, что будут и другие соприкосновения, он ничуть не сомневался. Черный маг, похоже, взялся за дело рьяно.

Итак, человек, глазами которого черный маг искал своего противника, находился в харчевне. Судя по всему, в харчевне только что произошла драка. Не считая поломанной мебели, на полу харчевни, видимо, без сознания лежали два каких-то выпивохи. Похоже, им досталось по первое число.

Между тем сеть выпускала один отросток за другим, расширяя и расширяя круг поисков. Теперь благодаря этому можно было увидеть и улицу перед харчевней. Еще один виток, еще несколько десятков людей, попавших под контроль черного мага, и поиски были закончены.

Очередной человек, глазами которого завладела сеть, их увидел.

Их? Ну да. Их было двое.

«Вот это да! — подумал младший маг. — Так их, стало быть, двое?»

Мужчина лет сорока с несколько усталым лицом и странными, пронизательными глазами и мальчишка лет двенадцати-тринадцати. Они шли прочь от харчевни и, в общем-то, не сильно торопились.

«А с чего ты решил, что их не может быть двое? — спросил себя младший маг. — Вполне может. Скажи еще спасибо, что их не оказалось человек десять».

Судя по линиям судьбы, мальчишка, несомненно, обладал даром мага, но пока еще не сумел его достаточно развить. Видимо, он-то и задел нить паутины черного мага. Мужчина же оказался грозным противником. Судя по всему, его дар был ничуть не меньше, чем у обычного черного мага. Точно определить, насколько он силен, младший маг не мог. Линии судьбы мужчины, ответственные за подобные способности, были странными. Они несколько отличались от обычных линий черного мага. Это могло означать только, что мужчина в чем-то сильнее черного мага, а в чем-то слабее. В чем именно, определить младший маг не смог.

Впрочем, сейчас это было не так уж и важно. Он узнает, насколько силен враг, в самое ближайшее время. Потому что черный маг должен наброситься на них первым. Ему же остается только наблюдать. И в том случае, если черный маг проиграет...

«Ну, это еще бабушка надвое сказала, — подумал младший маг. — Это еще неизвестно. И даже если им удастся победить черного мага, по крайней мере я буду знать что они из себя представляют».

Только так. Ждать и наблюдать. Ждать и наблюдать. А потом, если понадобится, он сделает свое дело. Ему это будет легче. Он уже будет знать, что из себя представляют враги.

«Нет, это с ума сойти, — подумал младший маг. — Все-таки их двое. Кто бы мог подумать?»

Между тем двое шли и шли. Они о чем-то разговаривали. Потом остановились возле небольшого ак-

куратненького домика, еще немного поговорили и вошли внутрь.

Тотчас же по приказу черного мага сеть блокировала все окна и дверь. Теперь, если кто-то из врагов попытается покинуть дом, об этом станет известно.

Конечно, была еще та принадлежащая сети нить, которая проходила через дом. Черный маг не стал ее активизировать, и, похоже, поступил правильно. Ему, видимо, надо было выиграть какое-то время, чтобы придумать, как с этими двумя голубчиками поступить.

Представив, о чем он сейчас думает, младший маг едва не хихикнул.

Ну конечно, прежде всего его интересует, кто они такие. Очень трудный вопрос. Для того, кто привык думать, будто в этом мире даром видеть нити судьбы обладают лишь ученики лендлордов, появление этой парочки должно быть настоящим шоком.

«А в самом деле, кто они? — подумал младший маг. — Откуда они взялись? И где научились видеть нити судьбы? Вот вопрос, так вопрос».

Одно можно было сказать наверняка: они никогда не были черными магами. Отличия в спектре способностей различать нити судьбы свидетельствовали об этом неопровержимо. Тогда откуда они взялись? Может быть, где-то есть другая долина магов, которая принадлежит, например, врагам лендлордов? Кстати, почему бы и нет? Хотя, будь у лендлордов могущественные враги, об этом, несомненно, стало бы известно.

Они могли возникнуть в результате какого-то эксперимента тех же лендлордов. В это верилось больше. Тем более что лендлорды подобные эксперименты вели. Доказательством служила история с серым магом.

«Нет, в этом надо разобраться, — решил младший маг. — Если только черный маг эту парочку не ухлопает, я их хорошенько допрошу, прежде чем убить. С пристрастием. Похоже, выполняя это поручение, я

узнаю кое-что новое. А любое знание — очень ценная вещь».

Между тем черный маг продолжал размышлять. Нити его сети вполне благополучно блокировали домик, в котором скрывались мужчина и мальчик. Таким образом, какое-то время на раздумья у черного мага все же было.

Младший маг подумал, что тот наверняка сейчас попытается решить тот же самый вопрос: кто перед ним? И если эти двое — все же враги, то что с ними делать? Атаковать или просто проследить за ними до окраины города, а потом сообщить об их появлении в долину магов?

Младшему магу даже стало немного жаль черного мага.

«Может быть, — подумал он, — предложить ему объединиться? Вдвоем-то мы их, уж точно, одолеем. Или все же не стоит?»

Он потратил на обдумывание этого минуты две и пришел к выводу, что объединяться с черным магом еще рано. А также давать знать ему о своем присутствии.

Разумнее всего было подождать и посмотреть, как будут развиваться события.

«Кстати, — подумал младший маг. — Ты-то сам, что ты будешь делать в том случае, если хозяин этого города погибнет? Понятно, что ты будешь драться. Но как?»

Как?

Он ухмыльнулся.

Очень просто. Так, как его учили это делать лендлорды.

Младший маг вспомнил слова лендлорда-наставника. Они отпечатались в его памяти так, словно были в ней выжжены каленым железом.

«До самого последнего момента, до тех пор, пока это возможно, старайтесь драться чужими руками. Каким бы слабым ни казался ваш противник, каким бы глупым вы его ни считали — не верьте, ибо и

слабость и глупость можно симулировать, а поэтому деритесь чужими руками. Помните, что тех, кого вы используете, можно менять, как перчатки. Они умирают, но всегда есть те, кем их можно заменить. Единственное, что вы заменить не сможете никогда, это ваше тело. А поэтому деритесь только чужими руками. Учитесь это делать. Чем искуснее вы научитесь манипулировать другими людьми, тем дольше проживете».

Все правильно, он так и сделает. Будет драться чужими руками и до последнего. До последнего человека или дэва, которого он сможет в этой схватке использовать.

«И еще, — подумал он. — Никакой поблажки врагам. Если они убьют черного мага, я должен напасть на них тотчас же. Пока они не опомнились от схватки, пока не восстановили потраченные на нее силы. Быстро, неожиданно, не давая опомниться. Только так. А теперь не мешает еще раз посмотреть, что делает черный маг».

Он посмотрел.

Ничего. Черный маг все еще думал. Похоже, задача ему попала не из легких. Вот его сеть слегка колыхнулась, но тотчас же остановилась.

Кстати, до ночи любительской магии осталось не больше полчаса.

«А вот это уже плохо, — подумал младший маг. — Если он надумает драться с этими двумя ночью, появится риск попасть под чье-либо неумелое волшебство. Хотя самому-то черному магу до этого нет никакого дела. Его это волшебство не достигнет. Он защищен надежно».

Сообразив это, младший маг поежился. Такая перспектива его не радовала.

«Хотя, — подумал он, — для него напасть на врагов с наступлением ночи — несомненно, выгодно. А о том, что в случае его смерти мне придется подвергать себя ненужному риску, он не думает. Интересно, стал бы он учитывать это, даже зная о моем существовании? Наверняка нет».

Минут через пятнадцать, когда уже стало темнеть и где-то из середины города донесся грохот первого взрыва, младший маг почти уверился, что так и будет.

Судя по всему, черный маг решил напасть на врагов ночью.

«Что же делать в этой ситуации мне? — лихорадочно думал младший маг. — Хорошо, если чёрный маг этим двум открутит головы. А если нет? Нападать на них сразу же или только утром?»

Это была серьезная проблема. К тому времени, когда окончательно стемнело, он решил, что, если враги убьют черного мага, он нападет на них независимо от того, когда это будет, ночью или утром. Нападет. Если они убьют черного мага, единственным шансом уничтожить их будет немедленное нападение. Чтобы не дать опомниться... Можно еще было попытаться удрать. Но если он не сделает попытки убить врагов, лендлорды достанут его из-под земли. В этом младший маг был уверен крепко.

«Будь что будет, — решил он. — Остается только одно — положиться на судьбу. Так я и сделаю».

Через пять минут нити сети черного мага шевельнулись и поползли к дому. Видимо, их хозяин решил, что время начинать схватку настало.

19

— Тебе не кажется, что у людей, которые встречаются нам по дороге, какие-то странные, совершенно пустые лица? — спросил Христиан.

— Кажется, — усмехнулся Хантер.

— А почему они у них такие? — спросил мальчик.

Хантер на ходу закурил сигарету и ответил:

— А ты приглядишься к их линиям судьбы. Не видишь ничего странного?

— Вроде нет.

— Приглядишься, говорю, приглядишься получше.

Мальчик стал разглядывать попадавшихся им по дороге людей более внимательно. Наконец он задумчиво почесал затылок и сказал:

— Кажется, я разобрался, в чем дело. Но это очень странно. Такого я еще не видел.

— Рассказывай, — приказал охотник. — Так что ты увидел?

— Странные линии судьбы, — ответил мальчик. — Они соединяют этих людей с другой, более толстой линией. Всех встречных людей. Как будто эта толстая линия управляет всеми встреченными нами людьми. Зачем?

— Ей нужны их глаза, — ответил Хантер. — И даже не ей, а тому, кому эта линия принадлежит. Он следит за нами, понимаешь?

— Он? Но кто же?

— Кто это может быть, кроме черного мага? — развел руками Хантер. — Ты прикоснулся к одной из линий его сети. И конечно, он тобой заинтересовался. Ему захотелось узнать, кто это в его городе появился такой странный. И вот — слежка.

— А что будет потом?

— А потом он решит, что мы можем представлять из себя опасность, и нападет. Наверняка он уже готовит нападение, ждет благоприятного случая.

— А что мы будем делать? — спросил Христиан и бросил настороженный взгляд на еще одного встретившегося им горожанина с пустым, словно бы одеревенелым лицом.

— Ничего особенного. Драться. К счастью, у меня еще есть ритуальный кинжал. Поэтому нам остается только добраться до черного мага. Потом я использую кинжал по назначению и... Нам бы только до него добраться. Это будет самое трудное. Смотри в оба. И главное — держись подальше от нитей черного мага. Остальное я сделаю.

Они дошли до дома смотрителя облаков и остановились.

— Может, тогда начнем прямо сейчас? — спросил Христиан.

— Еще рано, — ответил Хантер. — Надо немного подождать. Думаю, раньше, чем наступит ночь, он на атаку не решится.

— Из-за любителей магии?

— Ну да. Он хорошо понимает, что мы попытаемся до него добраться. А сегодня ночью сделать это будет не очень просто. Все эти любители устроят в городе такой тарарам, что хоть святых выноси. Сам же он, этот черный маг, наверняка сидит где-нибудь в безопасном месте и в ус не дует.

— Тогда почему бы не отправиться на его поиски прямо сейчас? Пока еще ночь не началась.

Хантер кинул окурочку на мостовую и вдруг, сладко потянувшись, ответил:

— Пока еще рано. Надо немного подождать.

— Чего?

— Этот маг, понимаешь, он сейчас готовит на нас атаку. Ну и прекрасно. Для того чтобы наверняка и сразу нас убить, он соберет вокруг дома уважаемого смотрителя облаков большую часть своей сети. Смекаешь?

— Пока не очень.

— Да это же просто. Если мы отправимся к нему прямо сейчас, он отгородится множеством барьеров, будет ставить их на нашем пути один за другим, пока мы на какой-нибудь не напоремся. Через полчаса-час, он соберет вокруг этого домика свои основные силы. Прорваться через них будет труднее, но, если это нам удастся, добраться до убежища черного мага станет гораздо легче.

— И мы покажем ему, этому проклятому черному магу, где раки зимуют, — возвестил Христиан.

— Если, конечно, нам это удастся, — скромно поправил его охотник.

— А если не удастся?

— Тогда, где раки зимуют, покажет нам он. И еще как покажет. Поэтому будь осторожен, будь очень осторожен.

— Куда я денусь, — весело ответил мальчик. — Если учитель приказывает, послушному ученику остается лишь выполнять. Ибо учитель всегда прав, на то он и учитель.

— Точно. А теперь давай-ка войдем в дом. А то мне становится жаль людей, глазами которых черный маг за нами наблюдает.

Учитель, а вслед за ним и ученик вошли в домик смотрителя облаков и увидели забавную картину. Хозяин дома устроился на полу в гостиной, в очерченном мелом круге, и теперь, слегка высунув от напряжения язык, выписывал вокруг него какие-то каббалистические знаки. Увидев Хантера и Христиана, он ничуть не смутился.

— Готовитесь к предстоящей ночи? — невозмутимо спросил охотник.

— Совершенно точно, — ответил старик. — И еще как готовлюсь. Ночка предстоит еще та. Когда вы ушли, ко мне тут забежал один знакомый. Он сказал, что в город из окрестных сел приехали штук пять любителей, известных как своими знаниями в области волшебства, так и чрезвычайно буйным нравом. Судя по всему, этому городишке предстоит небольшая встряска.

Хантер непринужденно присел на стоявший у стены старый, обитый кожей диванчик и стал с интересом наблюдать за манипуляциями старика. Христиан уселся на стул и занялся тем же.

Через какое-то время Хантер спросил:

— Итак, вы решили пересидеть эту ночь в священном замыкающем круге? Вы рассчитываете, что он вас защитит полностью?

— Наверняка, — с энтузиазмом ответил смотритель. — Наверняка. Год назад, когда в мой дом попало заклинание смертельных костей, он меня буквально спас.

— Ах, вот так? — задумчиво проговорил Хантер.

— Именно, именно! — радостно воскликнул старичок и, написав последний каббалистический знак, гордо скрестил на груди руки.

— Однако, мне кажется, вы и сами являетесь неплохим волшебником-любителем, — проговорил Хантер. — Неужели вам не хочется этой ночью продемонстрировать свои способности, так сказать, широкой публике?

— Хочется. Я, собственно, как раз и хотел этим заняться. Даже приготовил парочку заклинаний адского огня, просто так, знаете ли, на всякий случай, но, как я вам уже сказал, известие о прибытии этих пяти магов заставило меня передумать. Ну, один, ну, два — еще куда ни шло. Но пять — это уже перебор. Тут остается только защищаться и уповать на везение. Скажу честно, эту ночь наш маленький городок запомнит надолго.

— Вот как? — промолвил Хантер. — Гм... гм... а приготовленные вами заклинания адского огня вы использовать не будете?

— Нет, теперь уже нет. Хотя мне и жаль, что они пропадут зря, но жизнь дороже. Кроме того, надо же и учитывать интересы города. Если я погибну, то кто будет новым смотрителем облаков? Боюсь, такого специалиста в этом вопросе, как я, этот городок раздобыть уже не сможет.

— А что вы скажете, если мы, конечно, при условии, что нам придется защищаться, эти заклинания используем? — спросил Хантер.

Бросив взгляд на Христиана, глаза которого сейчас же загорелись неподдельным интересом, он показал своему ученику кулак. Мальчик сейчас же принял совершенно безучастный вид.

— А вы тоже волшебник-любитель? — спросил старичок.

— Нет, я специалист в другой области, но кое-что понимаю и в волшебстве. Заклинания мне нужны сугубо для защиты.

— Хорошо, — с готовностью сказал смотритель. — Берите. Они находятся в чулане. На второй полке слева.

— Спасибо, — поблагодарил его Хантер. — А теперь мы бы хотели вас оставить. Ночь уже близко. Если я не ошибаюсь, вот-вот начнутся сумерки.

— Удачи вам, — пожелал старичок. — Будьте осторожны. Ночка сегодня будет та еще.

— И вам удачи, — проговорил Хантер.

Он встал с дивана и сделал знак Христиану следовать за ним. Уже выходя из комнаты, он приостановился и сказал:

— Да, кстати, посмотрите внимательно. Вон там, с левой стороны от вас, один из знаков нарисован зеркально. Я бы его перерисовал, иначе в вашем круге образуется брешь, через которую сможет проникнуть любое, пусть даже очень слабое заклинание.

— Где, где? — засуетился старичок.

Он внимательно осмотрел нарисованные им каббалистические знаки, нашел ошибку и стал ее поспешно исправлять.

Не дожидаясь благодарностей, Хантер прошел к кладовке. В ней было множество полок. На второй слева стояло два пузырька с алой, похожей на вино жидкостью.

— Держи, — сказал Хантер, вручая пузырьки Христиану. — Только, прошу, обращай с ними осторожно. И применяй только по моему приказу. Понял?

— Еще бы, — ухмыльнулся Христиан. — Только по приказу, и никак иначе.

— Ну, вот и хорошо. А теперь давай пройдем в нашу комнату. Сейчас нам остается только ждать. Надеюсь, недолго. Долгое ожидание способно вымотать похлеще, чем самая яростная драка.

Они покинули кладовку и перешли в свою комнату. Там Хантер молча сел в кресло и закурил сигарету. Христиан устроился у окна. Выглянув в него, он сказал:

— Смотри, и здесь линия. Да какая толстая! Похоже, черный маг и в самом деле решил использовать

для того, чтобы нас уничтожить, все силы своей паутины.

— Конечно, не все, но очень большую их часть, — промолвил охотник, попыхивая сигаретой. — Следи за этой нитью внимательно. Как только появятся отростки и поползут в нашу сторону, это будет означать, что черный маг начал атаку.

Быстро темнело. Хантер докурил сигарету, полез было в карман за новой, но передумал. Почти сразу после этого неподалеку грохнул взрыв, вслед за которым послышался раскатистый, совершенно безумный смех. Мимо окна одно за другим проплыло несколько разноцветных колец.

— Нет, еще не начало, — проговорил Хантер. — Просто какой-то слишком уж нетерпеливый волшебник-любитель бабахнул одно заклинание. Судя по всему, совершенно простенькое. Настоящее веселье начнется минут через двадцать, не раньше. Думаю, как раз в этот момент черный маг и попытается нас убить.

«Кстати, это у него вполне может получиться, — подумал охотник. — Вот только мальчишке об этом знать лучше не стоит. Вообще надо было его все-таки оставить в каком-нибудь городе. Слишком уж опасно предприятие, в которое я ввязался. Правда, сейчас сожалеть нет уже никакого смысла. Нужно действовать».

Он все же достал из кармана еще одну сигарету и медленно, с наслаждением докурил ее до конца.

«Последняя сигарета перед смертью, — мелькнуло у него в голове. — Все как положено... Ладно, хватит об этом. В семье повешенного не говорят о веревке. А перед боем о смерти лучше не думать. Иначе можешь и в самом деле погибнуть».

— Что будет со зрителем, когда на нас нападет черный маг? — спросил мальчик. — Может быть, стоит его предупредить? Тогда он еще успеет убежать отсюда, спасти свою жизнь.

Хантер покачал головой.

— Ему ничего не угрожает. Конечно, если не считать какого-нибудь дурацкого заклинания, запущенного магом-любителем. Но в этом уже нашей вины не будет.

— А сеть черного мага? Разве он не может случайно попасть под ее удар?

— Нет. Круг, в котором зритель сидит, может защитить его от большинства видов заклинаний, а также от случайного прикосновения вредной линии судьбы. Старик может погибнуть только в том случае, если в его дом попадет очень сильное и очень вредное заклинание или если черный маг захочет убить конкретно его. Зачем же ему убивать безобидного старика, который, кстати, к тому же еще и приносит пользу городу?

«А вообще это очень забавно, — подумал охотник и слегка улыбнулся. — В незнакомом городе в какой-то комнате сидят два типа, людьми ни в коем случае не являющиеся, и ждут, когда на них нападет некий монстр, который не имеет ничего общего с людским родом и подавно. Причем эти два типа мужественно пытаются умереть якобы для людей, которые об их существовании, а тем более об их борьбе с этим монстром и ему подобными не имеют ни малейшего понятия. Им, этим простым людям, на все чихать с высокой колокольни. Они веселятся, пробуя ухлопать друг друга с помощью любительского колдовства, даже не подозревая, что оно не идет ни в какие сравнения с тем, что могут и та и другая стороны в этой невидимой войне».

Христиан спросил:

— А может, на всякий случай все же рассказать зрителю о том, что сейчас тут будет жарко?

— Не стоит. Я же сказал — не стоит. Узнав о том, что сейчас здесь случится, он перепугается больше обычного и в результате начнет суетиться, путаться под ногами, наверняка попадет под какую-нибудь нить. А так он просто подумает, что в дом попало

очередное экзотическое заклинание, и будет сидеть в своем круге тихо, как мышка.

«И вообще так ли уж нужна эта борьба? — подумал охотник. — Если те, за кого мы боремся, даже не имеют о ней понятия? Может быть, им гораздо лучше жить под властью черных магов? Все-таки порядок. А простой народ, он порядок любит. И чтобы его при этом кто-нибудь угнетал. Того, кто сделает ему больнее всего, он даже обожает, беззаветно и бескорыстно».

Он вспомнил о городке, в котором жил до тех пор, пока не началась эта заварушка. Милый городок. Самый обыкновенный, населенный обычными людьми. Простыми, без затей.

Что он, собственно, в этом городке делал? Ну да, исподтишка помогал местным жителям, защищал их от всяких злобных тварей, заезжих волшебников, сукубов... Короче, он был хозяином этого города. Единственное отличие — не брал с местных жителей за свои труды ничего.

«А теперь поставим мысленный эксперимент, — подумал Хантер. — Представим, что в город приехал черный маг и предложил свои услуги. Конечно, так не бывает, обычно черные маги приходят тайком и захватывают власть в городе так, что об этом никто и не догадывается. Но вот представим, что случилось именно так. Пришел черный маг и предложил услуги. Скромно, но настойчиво. Тут ты, старый идиот, тоже вылез на всеобщее обозрение и рассказал о том, что ты делаешь».

Таким образом, жители города оказались перед выбором. Ты или черный маг. Как ты думаешь, кого они по зрелому размышлению выберут?

Тебя? А ты уверен? Может быть, все же черного мага? Он-то к ним ближе. Он понятнее и проще. Он хозяин, который защитит, но за это и возьмет. Ты тоже предлагаешь защиту — даром. Подозрительно. Очень подозрительно.

Наверняка им, простым людям, черный маг будет более понятен, чем ты. Так кого же они из вас двоих выберут? Ой, наверняка не тебя.

А теперь вопрос, очень маленький и наивный. Так кто же в этой войне прав? Ты, со своими, видите ли, гуманными, совершенно не понятными никому принципами, или свой в доску парень? Конечно, он подлец, скотина, садист и жадина. Но ведь свой и при этом совершенно понятен.

Так, может, и не стоит вся эта твоя борьба выеденного яйца? Может, прекратить ее, к чертям собачьим?»

Хантер вздохнул и почесал в затылке.

Вот такая штука. Вот до чего людей доводит ожидание неприятностей. Еще немного, он упадет на колени и станет смиренно ждать смерти от нити черного мага.

«Ну уж нет, — подумал он. — Не выйдет. А насчет борьбы все правильно, да только люди, они ведь не из одних дураков, олухов и подлецов состоят. Вот за тех, кто ни первым, ни вторым, ни третьим не является, я и воюю с черными магами. Именно ради них я и иду к этому логову черных магов... И баста, и хватит, а то и в самом деле так можно черт знает до чего додуматься».

Он все же вытащил третью сигарету, но закурить ее не успел. Христиан удивленно вскрикнул и секундой позже сообщил:

— Кажется, началось.

«Давно пора, — подумал Хантер. — За окном уже минут пять черт-те что творится».

Он вскочил и выхватил спрятанный под курткой ритуальный кинжал с рукояткой в виде пучеглазого божка. Христиан тоже вскочил со стула и встал рядом. В руках у мальчика были склянки с заклинаниями адского огня.

— Отростки? — спросил охотник.

— Они самые, — ответил Христиан. — Ползут к дому. Ой, много их.

— Это ничего. Ну, малыш, готовься, сейчас начнется.

Началось.

Дом задрожал так, словно его раскачивал какой-то великан. Заскрипели потолочные балки, в нескольких окнах с резким звоном вылетели стекла.

И нити. Первая из них вынырнула из стены прямо перед Хантером и зашарила вокруг, видимо, стараясь его ухватить. Охотник рубанул ритуальным ножом, и нить, потеряв изрядный кусок, исчезла в стене.

— Берегись! Сзади! — крикнул мальчик.

Хантер мгновенно обернулся и едва успел ударить по нити, которая подкрадывалась к нему со спины. Не медля ни секунды, он повернулся вправо и расправился с еще одной нитью.

А потом они полезли кучей. Из стен комнаты одновременно выросло десятка два нитей, и они тоже зашарили, пытаясь нащупать врагов черного мага. Цветом нити были черными, почти угольные, и означало это, что прикосновение хотя бы к одной из них закончится неминуемой смертью.

— Прочь из комнаты, — закричал Хантер. — Вот теперь пора выбираться на улицу. Теперь настало время попытаться прорваться. Пошли!

Он бросился в гостиную. Мальчик следовал за ним, как тень.

В гостиной смотритель облаков все также сидел в своем меловом круге. Лицо у него было безмятежное, словно у древнего божка, руки спокойно сложены на груди. Из стены высунулось несколько отростков сети черного мага. Они сунулись было в сторону смотрящего, но, достигнув мелового круга, словно натолкнувшись на невидимую стену, остановились и даже вроде подались назад, стали короче.

— Мы уходим! — зачем-то крикнул Хантер.

Смотритель медленно и важно кивнул. Вполне возможно, он их даже и не видел, а кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями. Впрочем, это и вовсе не имело сейчас никакого значения.

Хантер быстро проскочил гостиную. Христиан старательно обогнул меловой круг и последовал за учителем. Потом был короткий коридорчик. Входная дверь.

Вот здесь Хантер на секунду задержался. Входную дверь, словно засов, перегораживала здоровенная нить ядовитого зеленого цвета. Не задев ее, дверь открыть было нельзя.

— А, чтоб тебя! — крикнул Хантер и рубанул по нити ритуальным кинжалом.

Нить распалась на две части, и концы ее, извиваясь, словно рассерженные змеи, уползли в стену. После этого охотник распахнул дверь и они с Христианом вывалились на улицу.

Зрелище было еще то!

Над большей частью города полыхало настоящее зарево. Со всех сторон слышались проклятия, вопли, хохот. Но главное было даже не это. Нить. Она походила на толстую, свернувшуюся в кольцо змею. В центре этого кольца и был дом зрителя. А также они, два лихих борца с черными магами.

«Вот это да! — подумал Хантер. — Да ведь она толщиной с руку, не меньше! Ну и силищу черный маг согнал к этому дому! Стало быть, боится!»

Впрочем, сейчас было не до этого. Сейчас ему надлежало выбраться из смертельного кольца. И как можно скорее. Кстати, спокойно дожидаться, когда добыча придет к ней сама, нить не хотела.

— Внимание, приготовься! — крикнул мальчику Хантер.

Тотчас же, словно отреагировав на его слова, нить выбросила в его сторону черные отростки. Они летели к охотнику и его ученику, словно огромные, мгновенно удлинняющиеся копыя. Собственно, так оно и было.

Увернувшись от двух, нацеленных ему в грудь копий, Хантер рубанул по ним ритуальным ножом и посмотрел на мальчика. Христиан держался молодцом. Ловко отпрыгнув в сторону, мальчишка, подра-

жая учителю, выхватил из-за пояса нож и тоже рубанул им по нитям.

К сожалению, рубить нити судьбы можно было только ритуальным ножом. Обычный для этого не годился. Впрочем, нити и без того сокращались.

— Кончай, — крикнул мальчику Хантер. — Наврешься на нить, которая может воздействовать через предметы, — и конец тебе. Лучше держи крепче склянки с заклинаниями. Они нам сейчас понадобятся.

В самом деле, для того чтобы иметь возможность орудовать ножом, мальчишка переложил обе склянки в левую руку и теперь запросто мог их выронить.

Христиан недовольно фыркнул, но нож все же сунул обратно за пояс.

— Приготовься! — крикнул ему Хантер. — Сейчас кольцо начнет сокращаться. Как только оно двинется с места, кидай одну склянку с заклинанием. Постарайся попасть в главную нить или угодить к ней как можно ближе. Если после первой склянки она не загорится, кидай вторую. Понял?

— Еще бы, — важно ответил мальчик. — Все будет в лучшем виде. Не беспокойся.

Главная линия стала сжиматься. Поначалу она делала это так медленно, что охотник и его ученик этого не заметили. Но вот она продвинулась к ним рывком, сразу на длину шага.

— Кидай склянку! — крикнул Хантер. — Чего медлишь?!

— Не учи, — дерзко ответил Христиан.

Глаза его следили за нитью так, словно он был котом, отслеживающим мышь.

А та набирала скорость. Теперь она, сжимаясь, неслась к двум врагам черного мага со скоростью несколько сантиметров в секунду.

— Я тебе уши оборву, — сказал Хантер.

Впрочем, это было сказано скорее для проформы. Охотник уже понял, что мальчишка кинет склянку

лишь тогда, когда настанет, по его мнению, подходящий момент.

И он настал. Нить была уже от них в нескольких метрах. Сокращаясь, она становилась толще и двигалась быстрее. Христиан кинул склянку резко и точно. Она ударилась о мостовую, наверное, в сантиметре от нити. Разбилась. Брызнула во все стороны красноватая жидкость...

И ничего. Никакого огня. Жидкость как жидкость.

— Чертов старик! — крикнул Хантер. — Опять, наверное, где-то не так знак написал. Вот заклинание и не получилось. Чего стоишь? Кидай вторую.

Растерявшийся было Христиан кинул вторую склянку. Она разбилась. И тотчас же полыхнула во все стороны пламенем. Нить вспыхнула мгновенно, как порох.

— Получилось! — завопил Хантер и от избытка чувств хлопнул мальчика по плечу.

— Все как надо! — закричал Христиан, танцую какой-то немыслимый танец, которому наверняка позащивали бы лучшие танцоры племени бечевка.

Нить горела. Она еще корчилась, словно бы пытаясь стряхнуть с себя огонь, но это было бесполезно. Хантер видел, как рвутся соединявшие ее с сетью черного мага перемычки. Они становились все тоньше, походили на истаявающие сосульки и наконец рвались.

Видимо, черный маг решил избавиться от охваченного огнем куска своей сети, чтобы сохранить хотя бы ее часть.

«И ведь это у него получится, — подумал Хантер. — Он потерял всего лишь довольно приличный кусок сети. И схватка отнюдь не кончена. Она продолжается».

— Побежали! — крикнул он Христиану. — Пока этот олух не очнулся, мы должны подобраться к нему как можно ближе. За мной!

Перепрыгнув через догорающий кусок нити, он помчался по улице прочь от дома зрителя облаков.

Христиан следовал за учителем. От избытка чувств мальчик все-таки снова вытащил из-за пояса нож и, размахивая им в воздухе, кричал:

— Егей! Мы все-таки набили морду этому черному магу! Набили. И еще набьем!

20

— Если ты думаешь, что мы уже чего-то достигли, — сказал Хантер, — то глубоко ошибаешься. Мы просто прорвали первую линию обороны. Дальше будет труднее.

— Пусть! — воскликнул Христиан. — Все равно мы победим! Мы еще этому черному магу покажем.

Оглянувшись, охотник бросил взгляд на дом смотрителя облаков и догорающий возле него кусок сети черного мага.

«Эх, сюда бы огнемёт, — подумал он. — С его помощью черный маг был бы нам не так страшен. По крайней мере его нити. Но чего нет, того нет. И сожалеть не имеет смысла».

— Куда мы побежим сейчас? — спросил Христиан.

— Самое главное — нужно найти логово черного мага. Лучше всего это сделать, прежде чем он до нас доберется.

— Где оно может быть?

— Вот в том-то и дело. Иногда черные маги из соображений безопасности устраивают свою резиденцию на окраине. Но чаще всего она бывает в центре города. Понятное дело, управлять сетью лучше всего, находясь в ее центре.

— Что же тогда нам делать?

— Как — что? — усмехнулся Хантер. — Конечно, рискнуть. Учти, маг напал на нас только тогда, когда началась ночь любительского волшебства. Он сделал это для того, чтобы нам было до него труднее добраться. Правильно?

— Правильно, — согласился мальчик.

— А куда добраться труднее в подобную ночь? В центр города или на окраины?

— Конечно, в центр, — просиял Христиан.

— Таким образом, наш подопечный явно обосновался где-то в центре. Туда мы и будем прорываться. Там мы его, голубчика, и достанем. Побежали.

И они бросились вдоль по улице. Оказавшись на перекрестке, охотник и его ученик свернули на ту улицу, которая вела к центру города.

Хуже всего было то, что в центре города собралась основная масса волшебников-любителей. Оттуда почти все время доносился страшный грохот. Когда он все же смолкал, можно было услышать множество голосов, выкрикивающих нараспев заклинания.

— А если его все же там нет? — спросил Христиан.

— Что-нибудь придумаем, — уверенно сказал Хантер.

— Между прочим, у тебя уже глаза в темноте светятся, — сообщил мальчик. — Может, наденешь очки?

— В эту-то ночь? Нет, сейчас моими глазами никого не удивишь. Вот погоди, ближе к центру города станут попадаться такие типы...

Он был прав. Квартала через два им попался волшебник-любитель, у которого светилось все лицо. Причем светилось оно так, словно внутри головы волшебника горел мощный фонарь.

— Эй, прохожие, прикурить не желаете? — спросил волшебник. — Валяйте, не бойтесь. Ничего страшного, просто самое обыкновенное заклинание наведенного света. Я делал его всего лишь пару часов.

— Некогда нам, — пробегая мимо, объяснил Хантер.

— Ах, некогда? — оскорбился волшебник. — Ну, тогда получите!

Он раскрыл рот, и из него вырвались огненные шары, которые понеслись к Хантеру. Охотник был начеку и, увернувшись от шаров, подхватил с мостовой обломок камня.

— Что, не понравилось? — хохотнул волшебник-любитель. — Сейчас я вам еще кое-что...

Договорить он не успел. Хантер взмахнул рукой, и обломок камня угодил тому прямоиком в лоб. Волшебник-любитель рухнул на мостовую.

— Жаль, — сказал охотник и бросил на него задумчивый взгляд. — Как раз такой нам бы очень пригодился. Вместо огнемета. Очень бы подошел.

— Может, подождем, пока он очнется, и попробуем с ним договориться? — предложил Христиан.

— Ничего не выйдет, — сказал Хантер. — Разве ты не видишь, что он нажевался сушеных мухоморов? Сейчас разговаривать с ним бесполезно. Кроме того, время. Я уверен, черный маг уже очнулся от потери части своей сети и готовит нам очередную ловушку.

Они бежали. Волшебники-любители стали попадаться чаще. Потом они увидели всю полыхавший дом, возле которого парил какой-то волшебник-любитель и хохотал во все горло. Возле дома стояли несколько человек, очевидно, бывшие жильцы. Один из них, кражистый старик с длинной белой бородой, пошарил в сундуке, судя по пятнам сажи, спасенном из огня, и вытащил из него двустволку.

Волшебник в очередной раз разразился хохотом.

Старик выстрелил из обоих стволов. Двустволка была заряжена картечью. Оба заряда попали точнехонько волшебнику-любителю в грудь. Очевидно, тот наложил на себя какое-то заклятие, увеличивающее волшебные силы. Когда картечь пробила его грудь, заклятие сработало, но не так, как волшебник-любитель рассчитывал. Его со страшным грохотом буквально разнесло на клочки.

Удовлетворенно крикнув, старик перезарядил дробовик и спрятал его обратно в сундук.

— Папаша, здорово стреляешь, — крикнул ему на бегу Хантер.

Лицо старика осталось бесстрастным, как будто он не расслышал слов охотника. Может, так и было.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все из магов-любителей занимались каким-то опасным волшебством. В нескольких десятках метров от горящего дома один из волшебников, очертив на мостовой мелом довольно большой квадрат, делал над ним какие-то магические пассы. В тот момент, когда Хантер и Христиан поравнялись с этим квадратом, он как раз закончил колдовать и громко выкрикнул короткое заклинание.

Тотчас же внутри квадрата проклюнулись маленькие зеленые побеги. Они вырастали просто с поразительной быстротой. Отбежав от волшебника-цветовода метров на двадцать, Хантер все же не выдержал и оглянулся.

На концах здорово подросших побегов уже появились крепенькие бутоны. Скорее всего, в течение ближайших нескольких секунд они должны были раскрыться. Однако смотреть на это у охотника не было времени.

Он прямо кожей чувствовал, что черный маг уже пришел в себя и сейчас готовит очередную ловушку. Интересно, как он на этот раз попытается их прихлопнуть?

— Смотри! — крикнул Христиан и показал пальцем на бредущего им навстречу человека.

Выглядел он очень странно. У него было четыре руки, причем две из них он сложил на груди, а две, словно не имеющие отношения к его телу, живущие своей жизнью, все время пытались что-то нашарить и схватить. Головы у него было тоже две. Одна имела белокурые волосы и ясные голубые глаза, у второй волосы были черные и довольно редкие, глаза — маленькие и злобные.

Когда до этого странного человека осталось всего несколько шагов, он раскинул в стороны все четыре руки и загородил им дорогу.

— Эй, вы, куда это вы так спешите? — спросила черноволосая голова. — Никак навстречу смерти?

— Угадал, — ухмыльнулся Хантер и попытался проскочить мимо четырехрукого человека.

— Стой, — приказала белокурая голова. — Не торопись. Мне нужно дать тебе совет. Это важно. Это тебе поможет.

— Ну, в чем дело? — останавливаясь, спросил Хантер.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Христиан. — Не видишь, он не в своем уме? Наложил на себя какое-то заклинание, а оно не так сработало.

— Сработало как надо, — рявкнула черноволосая голова. — А если ты, мелкая тварь, еще раз вмешаешься в разговоры старших, я тебя...

Христиан взял нож поухватистей и мрачно спросил:

— Так что ты мне сделаешь?

— Не обращайтесь на этого грубияна внимания, — быстро проговорила белокурая голова. — Он грубит не потому, что хочет кого-то обидеть. Он просто такой получился.

— Что ты мне хотел сказать? — промолвил Хантер. — Быстро говори. Мы и в самом деле торопимся. Давай выкладывай.

— Хорошо, хорошо, — проговорила белокурая голова. — Я хотел сказать, чтобы вы двое дальше не ходили. Там, в центре города, живет очень сильный волшебник. Я смог его обнаружить только сейчас...

— Нечего вам там делать, — перебила его черноволосая голова. — Хана вам там придет. Понятно, да? Мы тут одно заклинание сварганили, так оно нам сказалось, что вы враги этого волшебника. А он...

— А он, конечно же, — продолжила белокурая голова, — приготовил вам ловушку. И эта ловушка...

Договорить он не успел. Одновременно обе головы замерли, словно к чему-то прислушиваясь. Через мгновение по телу двухголового человека пробежала странная дрожь. Обе головы дернулись, словно от удара током. Лица их побледнели, стали неподвиж-

ными, как будто принадлежали не живому человеку, а каменной статуе.

Четыре руки пришли в движение, словно вытягивая из воздуха невидимую нить и сматывая ее в невидимый же клубок.

— Что с ним? — спросил Христиан.

— Не нравится мне это, — проговорил Хантер. — Давай-ка побыстрее отсюда...

Договорить он не успел. Четверорукий человек закончил сматывать свой невидимый клубок. Теперь на ладони одной из его рук лежал блестящий, похожий на серебряный шарик.

— Убегаем! — крикнул Хантер. — Сейчас он его кинет!

Схватив за руку мальчика, он бросился прочь. Четверорукий захохотал и кинул серебряный шарик себе под ноги. Охотника и его ученика обдало нестерпимым холодом. И все же они успели отбежать достаточно далеко, так чтобы заклинание не причинило им вреда.

Оглянувшись, Хантер бросил взгляд на четверорукую. На том месте, где он стоял, теперь была огромная ледяная глыба.

— Что это было? — ошарашенно спросил Христиан.

— Штучки черного мага, — ответил охотник. — Одна из его нитей добралась до четверорукую через стену дома, подчинила его себе и заставила сделать заклинание ледяного проклятия. Заставив четверорукую швырнуть шарик, черный маг добился того, что он замолчал. Видимо, этот колдун и в самом деле хотел сообщить нам что-то важное.

— Но почему он тогда не швырнул заклинание в нас?

— Черный маг знал, что мы успеем убежать. Ну, и еще, может быть, он не хотел лишать себя удовольствия. Мне кажется, он желает полюбоваться, как мы попадем в приготовленную нам ловушку.

— Ловушку?

— Ну да. О ней нас и хотел предупредить четверорукий. Черный маг не дал ему рассказать все до конца. Но мне кажется, я знаю, что именно нам приготовил повелитель этого города.

— Ну что он нам мог приготовить? — развел руками Христиан. — Очередной барьер из нитей судьбы?

— Может быть, — ответил охотник. — А может, и нет. Думаю, скоро мы будем это знать точно. Кстати, ты не обратил внимания на то, что шум в центре города стал тише?

В самом деле, та какофония, которую устроили волшебники-любители, кажется, стала стихать. Словно кто-то набросил на центр города колпак, способный заглушать звуки.

— Ну, сейчас мы увидим, — пробормотал Хантер. — Давай-ка поднажмем. Может быть, мы еще успеем проскочить, прежде чем все начнется.

Они побежали быстрее.

Странное дело, но доносившиеся из центра города звуки становились все тише. Более того, пробежав несколько улиц, они не встретили ни одного колдуна-любителя. Те словно испарились, словно бы попрятались.

Стали попадаться нити из сети черного мага. Но они лежали неподвижно возле стен домов, даже не пытаясь напасть на пробежавших мимо них охотника и его ученика.

Наконец они выскочили на широкую улицу, которая вела к самому центру города. Уже можно было разглядеть, что она заканчивалась большой площадью, в середине которой находился фонтан.

— Наш враг наверняка живет на этой площади, — сказал мальчику Хантер. — Если нам удастся до него добраться...

Дома, стоявшие на улице, по которой они бежали, казались вымершими. По крайней мере в их окнах не было видно ни одного человека.

— Да куда же делись все люди? — спросил Христиан. — Сбежали, что ли?

— Нет, — ответил ему Хантер. — Все гораздо проще. Жители от греха подальше попрятались в подвалы. А волшебники-любители... Присмотрись, видишь, вон на площади стоит множество каких-то людей. Наверняка это они.

— Но ведь они же стоят совершенно неподвижно. Как будто кого-то ждут.

— Ты прав, малыш. Ждут. И ждут они нас.

Хантер перешел с бега на шаг. Христиан сделал то же самое и спросил:

— Мы разве никуда не торопимся?

— Уже нет, — ответил охотник. — Мы уже опоздали. Можно не спешить. Какая разница, когда все начнется? Минутой раньше, минутой позже...

Он переложил ритуальный кинжал в левую руку и вытащил из-за пояса дагу.

— Похоже, сначала нам придется поработать этим оружием. Христиан, держись чуть позади меня и справа. Смотри в оба. Твоя главная задача — остаться в живых. Ни в коем случае не ввязывайся в драку. Понял?

— Мы будем драться с волшебниками?

— Ну, конечно.

— Но зачем? Они-то тут при чем?

— Уже при чем, уже сильно при чем. Смотри внимательно. Сейчас начнется.

В самом деле, когда до площади осталось два квартала, волшебники словно ожили. Быстро, словно муравьи, защищающие муравейник, они построились в три шеренги, полностью перегородив улицу, закрывая от охотника и его ученика площадь.

— Смотри, — сказал Христиан. — Отростки нитей судьбы. Они тянутся к каждому магу вон от того дома. Неужели он взял всех волшебников-любителей под контроль?

— Правильно. Взял. И чтобы попасть к дому черного мага, нам нужно пробиться через их ряды. Ох, чувствую, запомнят те, кто живет в этом городе, ночь любительской магии. Надолго запомнят.

— Может, попробовать обойти их по другим улицам?

— Не выйдет. Они встретят нас и там.

Хантер посмотрел на Христиана.

Лицо у мальчика было бледное, но все же чувствовалось, что тот не струсит, будет сражаться вместе со своим учителем. До конца.

«Эх, все-таки надо было его оставить, — подумал Хантер, — у кого-нибудь из друзей и отправляться в этот путь одному».

— Так ты понял? Держись позади меня и немного справа. Вперед ни в коем случае не забегай, — сказал он.

— Понял, — ответил Христиан. — Понял я.

Когда до волшебников осталось не больше десятка шагов, Христиан и Хантер остановились.

Волшебники стояли, словно оловянные солдатики, через равные интервалы, в три шеренги. Лица у них были совершенно пустые, только глаза неотрывно следили за каждым движением охотника и его ученика.

«Ну вот, сейчас начнется, — подумал Хантер. — Сколько их?»

Он прикинул, что в каждой шеренге около десяти волшебников. Умножить на три... Получалось, что у них около тридцати противников.

«Очень даже мило, — подумал Хантер. — Видимо, здорово мы этого черного мага возле дома смотрителя облаков напугали. Вон какую силушку согнал. Похоже, он собрал всех волшебников, которые были в центре города. Будь у него больше времени, собрал бы и со всего города. Чего уж мелочиться-то?»

— Может, не стоит с ними связываться? — несколько осипшим голосом спросил Христиан.

— Поздно, — промолвил Хантер. — Из города нас не выпустят. Остается только драться. Либо пан, либо пропал. Опять же, черный маг узнал о нас. Если мы его не убьем сейчас, подобная встреча будет ожидать нас в каждом городе. Сам видишь, остается только драться.

Он ухватил дагу поудобнее и шагнул вперед. Христиан шел за ним. Теперь он держался позади учителя и чуть правее.

И тотчас же волшебники ожили. Большинство из них стали поспешно творить заклинания, некоторые подняли вверх уже готовые, чтобы швырнуть их в Хантера и Христиана.

— Малыш, за мной! — крикнул охотник и со всех ног кинулся к перегораживающим площадь шеренгам.

Он ставил на быстроту.

И тут началось...

Когда до шеренги волшебников осталось шагов десять, они использовали свои заклинания. Огненные шары, голубые кольца, разбрасывающие во все стороны жгучие звезды, острые, прямые, похожие на копья лучи устремились к двум атакующим. Ловко отпрыгнув в сторону, Хантер припал к самой мостовой, быстро перекатился через голову, на секунду увидев Христиана, который упал плашмя на мостовую, чтобы в него не попало огромное, усеянное по периметру пылающими зубчиками колесо.

Вскочив, Хантер в два прыжка преодолел разделявшее его и волшебников расстояние и врубился в первый ряд. Его дага пронзила ближайшему к нему волшебнику грудь. Охотник сделал обманное движение, уклонился от тянувшейся к нему руки, словно перчаткой, покрытой множеством зеленых молний, и рубанул ее владельца по горлу. Христиан был рядом с ним, чуть правее. Вот он ловко перебросил нож в левую руку и полоснул замахнувшегося на него здоровенным посохом волшебника по животу. Тот выронил посох и упал на своего соседа, повалив и его.

— Быстрее! — крикнул мальчику Хантер. — Мы должны прорваться как можно быстрее. Главное — прорваться.

Он подскочил к стоявшим во второй шеренге волшебникам и с ходу пнул одного из них в живот. Секундой позже конец рукоятки даги угодил в висок другому. Третьего свалил Христиан, кинувшись ему

в ноги. Фиолетовая молния пролетела над головой мальчика и вонзилась в грудь волшебнику, который пытался схватить ученика Хантера сзади.

А охотник уже был возле третьего ряда.

Дага проткнула горло одного из волшебников, нож мальчика провел длинную полосу по груди другого. Два ловких обманных движения, которые, не сговариваясь, но тем не менее одновременно, провели охотник и его ученик. Еще парочка магов рухнула на мостовую, и путь к дому черного мага оказался свободен.

— Быстрее! — крикнул Хантер. — Со всех ног к дому. За мной.

Вслед им полетело несколько молний и огненных шаров, но Хантер и Христиан бежали так быстро, что магическое оружие в них не попало.

— Это оказалось не так уж и невозможно! — на ходу крикнул мальчик. — Ну, мы им показали!

— Этот черный маг — идиот! — ответил охотник. — Он взял под контроль магов. Именно поэтому у них и была такая замедленная реакция. Схватись мы с ними в обычном бою... от нас бы полетели только пух и перья.

— А за нами они не погонятся?

— Нет. Из-за того, что находятся под контролем сети, они и бегают не так быстро. Конечно, будь на нашем месте обычные люди, от них не осталось бы даже пепла. Этот черный маг, он все еще нас недооценивает. Думает, что мы обычные пентюхи. И раз за разом ошибается. Только благодаря этому мы пока и живы.

— А теперь что?

— А вот теперь он понял, что мы не пентюхи. Сейчас нам и в самом деле станет жарко.

Они бежали к большому, красивому, с колоннами, в изобилии украшенному лепными украшениями дому в дальнем конце площади. Именно к нему тянулись нити судьбы. Возле самого дома они собирались

в толстый пучок. Этот пучок исчезал в фасаде дома, немного левее входной двери.

— Сейчас он очнется! — крикнул Хантер. — Ходу, ходу!

В самом деле из нескольких нитей к охотнику и его ученику потянулись отростки. Но те уже были возле дома. Хантер с разбегу ударил в дверь ногой.

Удар был так силен, что замок не выдержал и резная, из красивого мраморного дерева дверь с треском распахнулась.

— Держись позади! — крикнул охотник и ворвался внутрь дома.

Через мгновение он оказался в гостиной. Мебель в ней была очень дорогая, но совершенно безвкусная. На полу лежал очень толстый, немыслимо красивый ковер. Протопав по этому коврику, Хантер оказался перед лестницей, которая вела наверх.

И тут навстречу ему по лестнице, словно огромная змея, скатилась толстая черная нить. Оттолкнувшись от последней ступени, она полетела, целясь охотнику в лицо.

Хантера спасло лишь то, что он нечто подобное ожидал. Мгновенно упав на колени, он рубанул по черной нити зажатой в левой руке ритуальным кинжалом. Бежавший вслед за охотником Христиан вовремя схватился за какую-то стоявшую у стены статуэтку и затормозил. В тот момент, когда ритуальный кинжал перерезал нить, ее конец был уже в десяти сантиметрах от лица мальчика.

Обрубок нити упал на ковер, и тот задымился.

— Не наступи на него! — крикнул Хантер мальчику и кинулся по лестнице вверх.

Нить, у которой он отрубил конец, извиваясь, провалилась сквозь лестницу, ушла куда-то вниз. А охотник, в несколько прыжков преодолев лестницу, уже был наверху. Рывком распахнув дверь, он вбежал в расположенную за ней комнату. И остановился.

Черный маг сидел в старинном, с высокой спинкой кресле. Он был невысокого роста, кругленький,

с плоским, обрамленным черной бородкой лицом. Глаза у него были маленькие и глубоко сидели в глазницах, что придавало им какое-то утомленное выражение. На черном маге был богатый, обильно расшитый золотом и драгоценными камнями халат. Ноги его были обуты в туфли с загнутыми носками.

Ну, ни дать ни взять добрый сказочный волшебник. Вот только лицо у этого «волшебника» было отнюдь не доброе. Очень неприятное оно было и довольно злое.

В правой руке черный маг держал что-то, показавшееся Хантеру свернутыми в клубок нитями судьбы.

— Ага, — сказал черный маг. — Стало быть, это ты пытаешься до меня добраться?

— Точно, я, — ответил Хантер и, сунув дагу за пояс, переложил ритуальный кинжал в правую руку.

На лестнице слышался топот ног взбегавшего по ней мальчика, и Хантер крикнул:

— Христиан, не входи сюда! Жди меня там!

Топот стих.

— Ученик? — спросил черный маг.

— Да, ученик, — ответил Хантер. — А что?

Он сделал маленький шаг вперед.

— Эти штучки брось! — гаркнул черный маг. — А ну-ка, отвечай, кто ты такой и какого дьявола пытаешься меня убить! Да поживее, дубина. Должен же я сообщить лендлордам, кого именно уничтожил?

Охотник вспомнил одно, оставшееся с незапамятных времен ругательство, смысла которого никто уже не помнил. Несмотря на это, обижались на него просто смертельно.

— Да пошел ты на хутор, бабочек ловить, — сказал Хантер.

И, уже не таясь, сделал вперед еще один шаг.

— Ах ты поросенок! — пробормотал черный маг и подкинул в воздух клубок нитей.

Вылетев из руки мага, они развернулись. Это были четыре черные как смоль, смахивающие на мечи ни-

ти. Мгновение они висели в воздухе неподвижно, а потом понеслись к Хантеру.

21

«Нет, все-таки он урод», — подумал младший маг.

Решив немного отдохнуть, он отсоединился от сети черного мага.

Забросив руки за голову, младший маг уставился в потолок, пытаясь в змеившихся по нему трещинах обнаружить изображение какого-нибудь зверя. Ничего интересного он не нашел. Ближе к окну трещины складывались таким образом, что из них вроде бы получался тиранозавр, но какой-то он был неубедительный, недоделанный.

«А все-таки этот черный маг — настоящий кретин. Умственно отсталый, не иначе, — снова подумал младший маг. — И сеть у него... Да, конечно, сделана она очень хорошо. Но пользуется ею полный идиот».

Он опять попробовал найти в трещинах какую-нибудь забавную зверушку, не нашел и огорченно хмыкнул.

Прах их заberi! Какие могут быть зверушки и трещины, когда в городе идет такая битва? И еще этот черный маг, тупица.

Нет, это же надо додуматься! Ну, хорошо, взял он этих двух в кольцо. Хотя план и совершенно идиотский, но можно же было его довести до конца?

Что ему стоило, этой заднице тиранозавра, продублировать кольцо! Взял бы и сделал их три. Они, конечно, могли получиться не такими толстыми, но зато — какой выигрыш в скорости. И уж тогда те двое врагов ни за что не успели бы их поджечь.

Младший маг перевернулся на живот и хлопнул кулаком по подушке.

Ах, чтобы этого черного мага по шею засадило в болото, которое облюбовали под гнездовые птеродактили! И чтобы один из них устроил на его пустой

голове гнездо. А когда в этом гнезде появятся птенцы, хорошо бы, случилось так, чтобы они целыми сутками кусали крестина черного мага за темечко.

Однако, сколько ни буйствуй, сколько ни ругайся, но против правды не попрешь — оборону свою маг этого города провалил на все сто процентов.

Нет, это же надо додуматься — попытаться задерживать врагов с помощью волшебников!

Потупизм!

Вот за волшебников хозяина этого города надо бросить на съедение могучему зверю Коломийцу. И чтобы он сожрал его, как однажды едва не сожрал известного живостью ума и богатой фантазией мураша за то, что тот не хотел отдавать ему магический ключ.

Даже младший маг первого года обучения мог сообразить, что волшебники-любители не смогут остановить врагов, поскольку, находясь под контролем сети, потеряют быстроту реакции. Разве нельзя было сделать так, чтобы маги обозлились на врагов и попытались их уничтожить. Сами! Без контроля! Без вмешательства сети.

На худой конец, этот дурак мог выйти на площадь и посулить им мешок золота. Два мешка! Три.

Да они бы тогда от этого врага и его мальчишки не оставили и кусочка одежды. Сожгли бы и пепел по ветру развеяли. А еще лучше, разобрали как ингредиенты для составления своих любительских заклинаний.

Нет же, не стал. Жадность, видите ли, обуяла. Зад тиранозавра и есть!

«Однако мне-то что теперь делать? — подумал младший маг. — Сейчас эти двое возьмут дом черного мага штурмом, конечно же, прирежут хозяина. А потом?»

Он хорошо понимал, что ночь любительского волшебства не получилась. Какая может быть ночь, если столько волшебников погибло, да еще и по совершенно непонятной простым людям причине.

Но самое скверное было то, что, убив черного мага, враги лендлордов могли попытаться из города удрать. Причем запросто. Тем более что волшебники их теперь не остановят. У них и своих забот хватает. Им надо вспомнить, чем они занимались последние полчаса и почему так много убитых. И как их убили. И кто. На то, чтобы прояснить все эти вопросы, они и потратят остаток ночи. Тем более что большую часть заклинаний они использовали, когда обороняли дом этого сквалыги и недоумка.

«Что же делать-то? — лихорадочно соображал младший маг. — Если они ускользнут, то моя миссия затянется. Лови их потом по всем лесным дорогам. Так я, пожалуй, и не успею забрать свою долю у водяника. Что же делать?»

Он, конечно, мог остаться лежать на этой кровати, дожидаясь, чем кончится бой между черным магом и врагами лендлордов. Но что будет, если, убив хозяина города, а они наверняка это сделают, враги бросятся наутек?

А они наверняка так сделают.

Конечно, он их найдет. Но при этом потеряет много времени. И еще, когда он их найдет, те уже успеют отдохнуть, восстановить силы. Тогда драться с ними будет очень трудно. Можно и погибнуть.

«Нет, ничего не остается, как отправиться к дому этого огузка археоптерикса прямо сейчас, — подумал младший маг. — Прямо сейчас, не дожидаясь, чем закончится бой. Если черный маг их все же убьет, я уйду тихо-мирно. Он обо мне даже и не узнает. Если же победят враги, я нападу на них, пока они не пришли в себя. Пока они еще усталые, вымотанные, счастливые от выигранного сражения, а значит, и потерявшие осторожность».

Поскольку решение было принято, оставалось только претворить его в жизнь.

Младший маг встал с кровати, оделся и вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он прошел к выходу из гостиницы и тут наткнулся на мальба.

Мальб был здоровый и сжимал в волосатых лапах крупнокалиберный пулемет. Ствол пулемета смотрел в живот младшего мага.

— Куда? — прорычал мальб.

— Наружу, — как можно безмятежнее ответил младший маг.

— Гр-р-р... не велено... гр-р-р...

— Я что, погулять не могу?

— Сказано, не велено. Надо было раньше уходить. А сейчас дверь открывать нельзя. Запрещено. Если интересно, смотри из окна.

— Вот что, милейший... — Младший маг был само обаяние. — Я быстренько. Очень уж хочется взглянуть на волшебников. Они там развлекаются, а я здесь от тоски чахну. Пропусти, а?

— Если ты не вернешься в комнату, я буду жать на курок. Два раза буду жать. Патронов по десять. Вполне хватит. Убирать то, что от тебя останется, придется служанке. Завтра. Не мне, а ей. Понял, или как? Грр-р-р...

— Я сейчас уйду, — промолвил младший маг.

Он выпустил из правой руки тоненькую нить серенького цвета. Нить быстро доползла до мальба и вонзилась ему в ногу. Глаза у того сейчас же остекленели.

«Порядок, — подумал младший маг. — Сейчас все будет хорошо. Может, устроить этому глупому мальбу что-нибудь на память, вроде слоновьей болезни? Нет, не стоит тратить энергию. Она мне еще пригодится. Сейчас».

— Открой дверь, — приказал он.

Мальб послушно прислонил пулемет к стене и отодвинул закрывавший дверь массивный засов.

— Премного благодарен, — не без злорадства пробормотал младший маг.

Проходя мимо мальба, он послал по нити импульс, который должен был ввести минут на пять стража гостиницы в бессознательное состояние, и втянул нить

обратно в руку. Толкнув дверь, младший маг вышел из гостиницы и огляделся.

В городе были тишина и спокойствие. Где-то на окраинах еще раздавались крики и смех, но в центре царила полная тишина.

«А теперь лишь бы только успеть; — подумал младший маг. — До дома черного мага не так уж и близко».

И он побежал.

22

Черные мечи летели напрямик в Хантера. Падая на пол, он все же успел перехватить ритуальный кинжал за лезвие и швырнуть его в черного мага.

Мечи пролетели мимо, ударились о стену, отскочили от нее и нацелились остриями на Хантера.

— Ой-ой-ой, — пробормотал охотник.

В этот момент мечи вновь устремились к нему. Охотник откатился в сторону. Мечи ударились о пол в том месте, где только что было тело Хантера, опять развернулись в его сторону остриями и... упали вниз, словно бы невидимая, направлявшая их рука исчезла.

Собственно, так оно и было.

— Ой-ой-ой, — снова пробормотал Хантер.

Встав с пола, он посмотрел в сторону черного мага.

Да, все верно. Он не промахнулся. Из груди хозяйина города торчала украшенная пучеглазым божком рукоятка ритуального кинжала.

Хантер бросил взгляд на медленно исчезающие черные мечи и покачал головой. Если бы он промахнулся...

Ладно, не надо о грустном.

— Эй, Христиан, все уже кончилось! — крикнул он. — Можешь заходить.

На лестнице послышался топот. И через несколько секунд в комнату вбежал мальчик.

— Осторожнее, — схватил его за руку Хантер и глазами показал на исчезающие мечи. — Держись от этих штук подальше. Вредные, ужас.

Мальчик послушно кивнул.

Осторожно обходя мечи, он двинулся к мертвому черному магу. Подойдя к креслу, Христиан не без интереса осмотрел труп мага, его красивый халат, протянул было руку, но все же не решился потрогать рукоятку кинжала. И спросил:

— Вот этот самый, стало быть, и есть черный маг?

— Нет, это царица динозавров, — мрачно пошутил Хантер, тоже подходя к креслу.

Ему надлежало еще кое-что сделать. Быстро схватив черного мага за руку, охотник убедился, что тот мертв. Это было вполне нелишне. Бывали случаи, когда черные маги только притворялись мертвыми. Стоило охотнику повернуться к такому псевдомертвому магу спиной, и... Ну, совершенно понятно, что происходило.

— Кстати, — сказал Хантер. — Кинжал не трогай. Он должен остаться в теле.

— А почему? — поинтересовался Христиан.

— Потому, что сеть черного мага еще не исчезла. И останется живой по крайней мере сутки. Она, понимаешь, может некоторое время существовать, а также действовать помимо хозяина. Так вот, в этой сети заложен механизм, благодаря которому она после смерти мага начинает искать его убийцу. Если сети это удастся, сам понимаешь, убийце придется несладко.

— А кинжал тут при чем?

— Если не вытащить кинжала, то этот механизм сработает не сразу, с запозданием. А теперь пошли отсюда. Дело сделано. Пора уходить из этого города.

— И все-таки жаль, — проговорил Христиан, направляясь вслед за Хантером к лестнице. — Кинжал, он ведь у тебя был последний. Может, все же заберем?

— Нет, — покачал головой Хантер. — Не выйдет. Он все равно уже пропал. Понимаешь, ритуаль-

ный кинжал против такого монстра, как черный маг, можно использовать только один раз. Один-единственный.

— Стало быть, ты теперь остался без оружия? — не унимался Христиан.

— Конечно, нет, — проговорил Хантер, начиная спускаться по лестнице. — Вот где-нибудь по дороге найдем знающего кузнеца, и он нам таких выкует хоть десяток. Кстати, наверняка мы десяток и закажем.

— Кузнеца еще найти нужно, — покачал головой мальчик.

— Найдем, — заверил его охотник. — Обязательно найдем.

Оказавшись в гостиной, Хантер огляделся и пробормотал:

— Нет, эти черные маги, они всегда живут в какой-то немыслимой и совершенно идиотской роскоши. Зачем им это? Непонятно. Все эти золотые подлокотники и бриллиантовые висюльки, дорогие ковры и драгоценный хрусталь. Разве среди всего этого можно почувствовать себя по-настоящему счастливым?

— Откуда ты знаешь? — сказал Христиан. — Может быть, черным магам для полного счастья нужно как раз все это барахло.

— Может быть, может быть, — пробормотал Хантер.

Старательно обойдя черное пятно, которое появилось на роскошном ковре в том месте, где на него упал обрезок нити мага, он двинулся к выходу. Мальчик сделал то же самое.

— Интересно, — спросил он, — а что будет со всем этим великолепием потом? Черный маг же умер. Кому это все достанется?

— Кому-нибудь, — пожал плечами Хантер. — Честно говоря, я об этом как-то не задумывался. Скорее всего, тому, кто первым поймет, что хозяин этого дома умер.

— Вот кому-то привалит счастье... — улыбнулся Христиан. — Для обычного жителя этого города такой дом со всем содержимым — настоящее богатство.

— А поскольку всем хочется стать богатыми, за этот дом наверняка начнется настоящая война, — проговорил Хантер.

Он открыл дверь и вышел из дома черного мага. Мальчик следовал за ним. На площади царили неразбериха и смятение. Волшебники-любители никак не могли понять, что же все-таки с ними произошло. Почему многие из них убиты и куда делось большинство так тщательно готовившихся ими заклинаний?

Когда охотник и его ученик вышли из дома, один из волшебников, худой старик с длинными белыми волосами, как раз пытался объяснить своим товарищам что, по его мнению, произошло. Некоторые волшебники-любители его даже внимательно слушали.

— И вот тогда, когда три этих заклинания, вступив во взаимодействие, развернулись по синусоиде и, наложившись друг на друга, образовали некое новое, до этого неизвестное нам заклинание, произошел глобальный репульсационный взрыв, — вещал он. — В результате мы имеем то, что имеем.

— Не согласен! — возразил ему толстенький волшебник в высоком черном колпаке. — Не согласен! Данная теория может объяснить только некоторые частности, но никак не весь процесс. Она не дает ответа на несколько очень простых вопросов. Например: почему у нас исчезли не все заклинания? Никто не может отрицать, что некоторая часть заклинаний все же сохранилась. И еще...

Проходя мимо волшебников, Хантер покачал головой.

— Они так и не поймут, что же с ними случилось на самом деле.

— И еще долго будут пытаться разобраться, в чем же тут дело.

— Может, это и к лучшему? По крайней мере у них останется меньше времени на создание всяких там глупых заклинаний.

Они остановились возле фонтана и сполоснули в нем руки. Вымыв лица и вдоволь напившись, охотник и его ученик почувствовали себя несколько лучше.

— И все-таки я довольно прилично устал, — проговорил мальчик. — Знаешь ли, убивать черных магов — довольно тяжелая работа.

Он весело улыбнулся.

— Еще бы, — ухмыльнулся Хантер.

Он вытащил из кармана сигарету и с наслаждением закурил.

— Этот черный маг едва нас не одолел, — проговорил Христиан. — Еще немного, и он бы сделал из нас вполне симпатичный паштет. А после этого ему оставалось только усестся в своей шикарной гостиной и отпраздновать победу.

— Угу, в своей пошлой роскоши, с дорогим вином и массой вкусной еды... К счастью, этого не произошло. Поэтому мы сейчас уйдем из города. На дорогие вина и шикарную еду у нас не хватит денег. Поэтому, снова оказавшись на дороге, нам придется отпраздновать победу чистой ключевой водой и, например, плодами медового дерева.

— Верно. А теперь пошли?

— Пошли, — ответил Хантер.

Они повернулись к фонтану спиной. Охотник вытащил из кармана коробочку, внимательно посмотрел на нее и ткнул пальцем в сторону одной из улиц.

— Нам туда.

— Прекрасно. Идем.

Они были уже на самом краю площади. До улицы, которая должна была вывести их из города, осталось не более десяти шагов, когда послышался чей-то голос:

— Эй, вы, двое, стойте!

Охотник и его ученик обернулись.

К ним спешил какой-то паренек, лет шестнадцати, в клетчатой рубашке, шортах и сандалиях на босу ногу. Голова у него была выбрита наголо.

Посмотрев на его линии судьбы, Хантер насторожился и сказал Христиану:

— Внимание, опасность. Будь готов драться.

— У него странные линии, — промолвил Христиан. — Очень похожие...

— На линии черного мага, — докончил Хантер. — Именно на них. Судя по всему, схватка не закончилась.

Паренек был от них шагах в двадцати, когда Хантер принял решение. Совсем близко от него стояли три волшебника-любителя и спорили о каком-то заклинании, которое они называли заклинанием голубой воды.

Шагнув к ним, Хантер спросил:

— Эй, ребята, а знаете, кто устроил ту бучу, из-за которой погибло столько ваших товарищей?

— Кто? — спросил один из волшебников.

— Вот он, — кивнул на паренька Хантер. — Попробуйте задать ему пару вопросов на эту тему.

— Обязательно спросим, — сказал волшебник.

В голосе его слышались не предвещающие ничего хорошего нотки. Видимо, волшебнику-любителю здорово хотелось найти того, кто лишил его заклинаний и испортил эту ночь.

Хантер махнул рукой мальчику, и они бросились прочь.

— Но откуда взялся еще один черный маг? — спросил Христиан.

— Не имею представления, — ответил Хантер. — Кстати, он еще молод, чтобы быть черным магом. Очевидно, ученик.

— Ученик?

— Ну да. Хотя я и не встречал у черных магов учеников, но почему бы одному из них его не вести?

Хантер оглянулся. Увидев, что противники убегают, ученик черного мага бросился за ними. Как раз в этот момент он поравнялся с волшебниками-любителя. Видимо, всерьез он их не принимал. И совершенно зря.

Казалось, до этого не обращавшие на него внимания волшебники вдруг бросились к ученику черного мага и схватили его за руки.

— Ох, не нравится мне все это, — сказал Хантер.

— Что не нравится? Думаешь, они его не остановят?

— Нет, не это. Волшебники, конечно, его задержат... Мне не нравится, что мы их снова подставляем. Сначала их использовал черный маг, теперь это делаем мы... Не слишком много за одну ночь для каких-то любителей?

— Тут уж ничего не поделаешь. Так вышло, — сказал Христиан. — Кстати, черного мага можно убить каким-то другим оружием, кроме ритуального кинжала?

— Очень трудно. Они, эти черные маги, жутко живучие. — Хантер снова оглянулся.

Он увидел, как ученик черного мага взмахнул руками. Два волшебника-любителя покатались по мостовой.

Тут улица сделала поворот и стены домов закрыли от Хантера дальнейшее. Впрочем, не нужно было обладать богатым воображением, чтобы его представить.

Волшебники-любители задержали ученика черного мага всего на несколько десятков секунд. Но задержали. Вполне возможно, этих секунд хватит на то, чтобы унести ноги, спасти свои жизни.

«Вот ведь забавно, — подумал Хантер. — Всего минуту назад я думал, что мы победили. А теперь оказалось, что проиграли. Странная штука жизнь. Слишком уж она любит превращать всякую победу в поражение. Хотя случается и наоборот».

И все-таки бой с черным магом слишком их вымотал. Они бежали мимо утонувших в темноте домов,

подшвы их ботинок мерно стучали по брусчатке. Время от времени Хантер прислушивался.

Нет, пока топота преследующего их ученика черного мага не было слышно. Но все же охотник был почти уверен, что тот гонится за ними.

— Если это ученик черного мага, — сказал Христиан, — то где же он был во время схватки? Приди он на помощь своему учителю, кто знает, чем бы все тогда закончилось?

— Не имею ни малейшего представления, где этот соплик скрывался, — проговорил Хантер. — Кстати, сейчас это совершенно неважно. Меня интересует одно — продолжает он гнаться за нами или нет?

— Если он нас догонит, мы ведь убьем его? — В голосе мальчика слышалось сомнение. Но все же он спросил.

— Попробуем, — ответил Хантер. — Хотя сделать это будет не так-то легко. Без ритуального кинжала.

— Но это всего лишь ученик.

— Конечно, ученик. Только ученик ученику рознь. Этот парень, судя по его нитям, уже почти готовый черный маг. Может быть, ему всего лишь немного осталось до какого-то ихнего посвящения, после которого он станет настоящим магом.

— И все же. Мы ведь охотники. И нас все-таки двое.

— Правильно. Только ты в этой драке участвовать не будешь. Понял?

— Это почему?

— Потому, что так хочу я. Ты спрячешься в сторонке и будешь наблюдать. Если я погибну, ты уйдешь, не пытаясь за меня отомстить. Найдешь другого охотника. Теперь, научившись видеть нити судьбы, ты это сможешь. Расскажешь ему все. Понял?

— А если я откажусь?

— Тогда, я садану тебя по голове так, чтобы ты потерял сознание на пару часов, и где-нибудь спрячу. Дошло?

Хантер не врал. Он и в самом деле мог так сделать. Чтобы мальчишка не вязался в драку. Все-таки этот бой его здорово вымотал. Судя по запаленному дыханию, Христиан держался на ногах лишь благодаря врожденному упорству.

«Держись, малыш, держись, — думал охотник. — Нам всего и нужно-то — лишь дотянуть до окраины города. Не так и много. Добраться до леса. Чтобы вокруг были не стены домов, а стволы деревьев. Может быть, мне удастся найти осину и вырубить кол. Конечно, осиновый кол гораздо слабее, чем ритуальный кинжал, да и на черных магов с ним не ходят, все больше на вампиров. Но на безрыбье и рак — рыба».

Они бежали.

— А если мы от него так оторвемся, что он нас не найдет? — прохрипел Христиан.

Дыхание у него уже было неровным. Мальчик явно выбился из сил. Хотя и до окраины города осталось не так уж далеко.

— Держи рот закрытым, старайся дышать через нос, — посоветовал Хантер. — А насчет того, что он нас не найдет, так это ты чепуху городишь. По следам нитей судьбы можно найти кого угодно. Мне кажется, он даже и не торопится, этот ученик. Зачем? Все равно мы никуда от него не денемся.

— Тогда, может, остановимся, передохнем?

— Нет, нам нужно добраться до леса, причем так, чтобы выиграть какое-то время. Если уж с этим учеником драться, то к драке нужно подготовиться. Понимаешь?

— Еще бы.

Больше они не разговаривали.

Когда позади оказался последний дом, а по сторонам дороги начался лес, Хантер наконец-то остановился. Христиан так и сел посреди дороги.

— Уф, я уж думал, не добежу, — сказал он.

— Видишь, добежал. — Хантер испытующе посмотрел в сторону города.

Ученика черного мага еще не было видно.

— Дай-ка...

Охотник вытащил из-за пояса мальчика нож, сунул ему в руки дагу.

— Зачем это? — спросил Христиан.

— Нужно, — ответил Хантер. — Сиди здесь и гляди на дорогу. Если покажется этот сопляк, кричи что есть мочи и беги прочь. Понял? А мне нужно кое-что сделать.

Он еще раз посмотрел в сторону города и быстро ушел в лес. Для того чтобы найти осину, понадобилось всего пять минут.

«Ну вот, — удовлетворенно подумал Хантер. — Кажется, это называется везением».

Он быстро вырезал подходящих размеров кол и вернулся на дорогу. Христиан так и сидел посреди колеи. Ученика черного мага еще не было видно.

— А кол зачем? — спросил мальчик.

— Ну, не голыми же руками мне драться? Понимаешь, в осине содержатся какие-то вещества, которые действуют на нечисть, словно сильный яд. Конечно, на черных магов эти вещества действуют не так эффективно, как ритуальный кинжал, однако... Какое-никакое, но оружие.

Он отдал мальчику нож и забрал у него дагу.

— А теперь давай-ка побыстрее в кусты. Да спрячься получше. Если увидишь, что мое дело плохо, убегай немедленно. Он, если что, может тебя выследить все по тому же следу линий судьбы. Понимаешь?

— А может, все-таки вдвоем? Больше шансов его одолеть.

— Нет, уходи. Я и сам, если что, с ним справлюсь. И вообще мне кажется, никакой драки не будет вовсе. Будь на месте этого ученика настоящий черный маг, он бы ни за что преследовать нас не стал. Просто сообщил своим соплеменникам в соседние города. А там бы нас встретили. Ух, как встретили. Вся надежда, что он из тщеславия решит нас убить лично. И ошибется.

— Так зачем же прятаться в кусты?
— На всякий случай. Понял?
— Понял.
— Ну, а если понял, то ступай. Помни, если что, убегай без оглядки и ищи других охотников.

Христиан тяжело вздохнул и побрел к кустам.

Хантер покачал головой.

«Все-таки мальчишка, — подумал он. — Как буд-то у него игрушку отобрали. А это не игрушка. Это смерть. Очень неприятная штука. И совершенно безжалостная».

Он прислушался.

Так и есть. Со стороны города доносился едва слышный топот. И можно было уже уловить, что кто-то в деревянных сандалиях бежит по мостовой.

«Минуты три у меня еще есть, — прикинул Хантер. — Стало быть, все же ученик решил убить меня самолично. Ох уж эта самонадеянность молодости. Придется драться».

Примериваясь, он несколько раз взмахнул колом. Все-таки усталость чувствовалась. Тот черный маг достался ему недешево.

В кустах шуршал прошлогодними листьями Христиан. Видимо, устраивался поудобнее. Хантер облокотился на кол и стал ждать. Внутри у него было как-то противно пусто. Словно бы не осталось ни мыслей, ни чувств. На мгновение ему даже стало все равно, кто из них победит в этой схватке.

«Ну, это ты брось, — сказал он себе. — Ты должен победить, поскольку на кону теперь стоит не только твоя жизнь, но и жизнь Христиана, а кроме него, еще жизни многих и многих людей этой страны. Пусть даже они об этом и не подозревают».

От крайних домов отделилась фигура ученика черного мага. Хантер взял кол обеими руками, приготовился драться.

Ученик не дошел до него метров пять, остановился. Теперь Хантер мог рассмотреть его поподробнее.

Ничего особого. Обычный парень, с самой обыкновенной, отнюдь не демонической внешностью. Даже улыбается. Правда, как-то не очень хорошо. Словно охотник, наконец-то добывший редкого зверя.

И еще нити судьбы... очень, надо сказать, забавные. Охотник покачал головой.

«Это что же надо сделать с человеком, чтобы у него так изменились нити судьбы? — подумал он. — Все-таки интересно, как эти черные маги натаскивают своих учеников?»

— Ага, вот, значит, как ты выглядишь, враг лендлордов, — сказал ученик черного мага. — Не очень-то грозно.

«Опять лендлорды, — подумал Хантер. — Кто это? Может быть, те, кто делает из людей, способных видеть нити судьбы, черных магов? Другими словами, это их хозяева? Надо бы выяснить об этих лендлордах поподробнее».

Он ухмыльнулся.

Для начала ему нужно было остаться в живых.

— И линии судьбы у тебя очень забавные, — проговорил ученик черного мага. — Кто тебя учил искусству?

— Могу сказать лишь, что не те, кто учил тебя, — ответил Хантер.

— Твое дело. Только мне хотелось бы побольше узнать о тебе, враг, узнать о том, кем ты являешься и кто это делает таких, как ты. Может быть, прежде чем я тебя убью, расскажешь?

— Убей сначала, — не без иронии сказал Хантер.

— Ну, это сделать будет не трудно.

— Хватит трепаться, — сказал Хантер, прикидывая, не попытаться ли решить всю схватку одним прыжком.

Соблазн был велик. Прыгнуть, всадить кол в грудь — и дело сделано.

— Действительно, хватит, — промолвил ученик черного мага и, коротко размахнувшись, метнул в охотника черную нить.

Отвести ее было нечем, поскольку кол для этой цели не годился. Хантер сделал шаг в сторону. Нить пролетела, едва не задев его бедро. И в этот момент охотник прыгнул. Кол был направлен острием точно-хонько в грудь ученика.

Вместо того чтобы попытаться уклониться от кола, тот взмахнул левой рукой, и в Хантера полетела голубая, в синих крапинках нить. Охотник каким-то чудом все же успел от нее увернуться, да не совсем.

Будь он в обычном состоянии, этого никогда бы не случилось. Но сказалась усталость, реакция Хантера на какую-то долю секунды замедлилась, и это решило исход схватки.

Голубая нить все же полоснула его по груди. В результате охотника отшвырнуло назад так, словно он налетел на невидимый барьер. Грохнувшись на дорогу, Хантер выпустил из рук кол, и тот откатился на несколько метров в сторону.

Этим воспользовался ученик черного мага. Подскочив к колу, он пинком отшвырнул его подальше и сейчас же повернулся к корчившемуся от боли охотнику.

Тому и в самом деле было жутко больно. Казалось, кто-то приложил к его груди раскаленный прут и держит его, не отпускает. Ученик мага остановился в метре от охотника и задумчиво сказал:

— Впечатляюще. Думаю, не вымотай тебя так битва с хозяином этого города, быть бы мне сейчас с чудесным осиновым колышком в груди. К счастью, этого не случилось.

Несмотря на боль, казалось, сжигавшую его тело, Хантер все же попытался вскочить и кинуться на ученика. Но тот был начеку. Из его левой руки вырвалась еще одна голубая нить и ударила охотника в ногу.

Боль была просто чудовищной. Ногу словно сжал огненный сапог. Хантер закричал.

«Вот, кажется, и все, — подумал он. — Кажется, все! Так просто. Почему так просто?»

И все же он еще сохранил способность соображать. Он даже слышал, как ученик черного мага сказал:

— Ты лучше не трепыхайся. А то мне придется тебя ударить третий раз. Думаю, третьего удара ты не переживешь. А мне бы хотелось все же сначала кое-что узнать. Например, кто ты такой? Откуда взялся? Кто тебя учил? И зачем ты убиваешь нас, черных магов?

Корчась от боли, Хантер все же умудрился, каким-то чудом услышать доносившийся со стороны кустов шорох. Похоже, это был Христиан. Очевидно, мальчишка подкрадывался к ученику черного мага, чтобы вонзить ему в спину свой нож.

«Куда? Назад! — хотел было крикнуть Хантер. — Назад, паршивец. Ножом этого монстра не возьмешь. Беги, беги, черт тебя дери. Уноси ноги».

Вот только он хорошо понимал, что тем самым выдаст мальчишку. Ученик мага просто повернется и убьет Христиана. Запросто.

Но что-то нужно было сделать.

Неожиданно Хантер понял, что именно он сделает, и, собравшись с силами, сказал:

— Ну, этого тебе, сопляк, никогда не узнать. Кишка тонка. Это ты уж сам, собственным умишком.

— Жаль, жаль, — все так же спокойно, задумчиво сказал ученик черного мага. — Тогда придется с тобой покончить. А потом я займусь твоим приятелем. Что-то он у тебя уж больно прыткий для его возраста.

Взмахнув рукой, он метнул в Хантера третью голубую нить. И тогда охотник сделал то, на что решился не всякий бывалый охотник. Лично он до этого проделывал подобный фокус лишь один раз.

Он поймал нить руками, перехватил ее в сантиметре от своей груди.

— Это очень просто, — сказала Лисандра. — Проще пареной репы. Ты представляешь, что являешься летучей мышью. Самой обычной лету-

чей мышью. После этого отталкиваешься от земли и машешь крыльями. Вот так.

И она попыталась изобразить, как машет крыльями летучая мышь.

Соперник покачал головой и пробормотал:

— Не понимаю.

Лисандра бросила на него огорченный взгляд и подумала, что Хантер схватил бы все на лету. Только Соперник не был Хантером. Вернее, конечно, был, но другим, потерявшим память, а от этого не совсем полноценным. Соперник проговорился ей об этом на вторую ночь их совместной жизни. И отказался отзывать на имя Хантера. Тогда Лисандра стала звать его, как прежде, — Соперником.

Все же вампирша надеялась, что со временем память к ее компаньону вернется и она снова сможет его называть Хантером. А пока...

— Соперник, все очень просто, — терпеливо объясняла вампирша. — Очень. Ты когда-нибудь летучую мышь видел?

— Видел.

— Ну, вот и хорошо. Помнишь, как она летает? Вверх — вниз, вверх — вниз. Помнишь?

— Помню.

— Умничка. А теперь представь, что ты эта самая летучая мышь и есть. Представил?

— Да.

— Чудо мое! Золотце! А теперь подпрыгни и, продолжая представлять, что ты являешься летучей мышью, помаши руками. Так, как делают настоящие летучие мыши крыльями. Понимаешь?

— Да.

— Ну, и пробуй, пробуй!

Соперник попробовал.

«Да, — подумала Лисандра. — Не очень хорошо. Я бы даже сказала — отвратительно. Может, сначала научить его падать? Нет, не стоит. После того как научился падать, учиться летать гораздо труднее. Но что же делать?»

Она задумчиво огляделась. Они находились на окраине города. До рассвета оставалось часа полтора, не больше. Еще полчаса-час упражнений, и надо будет спешно возвращаться в дом-убежище.

Лисандре очень хотелось, чтобы они путь до дома-убежища проделали, превратившись в летучих мышей. Однако, похоже, это желание, по крайней мере сегодня ночью, было невыполнимо.

— Может, лучше отправимся подзакусить? — предложил Соперник. — Совсем не мешало бы.

— Ну уж нет, — сказала Лисандра. — Ты забыл, какая сегодня ночь.

— А какая?

— Ночь любительского волшебства. Сейчас по улицам шляются только волшебники-любители. А с ними связываться... Черт знает, какое они могут на тебя наложить заклинание. И неизвестно, какое заклинание они наложили на себя. Хлебнешь их кровушки и превратишься в какую-нибудь крысу. А то и вовсе зубов лишишься. Нет, в эту ночь лучше попоститься. Целее будешь.

— Жаль, — промолвил Соперник. — Тогда давай учиться. Может, все же что-то получится.

— Давай, золотце, давай, кровиночка, — ласково проговорила Лисандра. — Попробуй. Это несложно. Ты представляешь себя летучей мышью. Подпрыгиваешь. Машешь руками... то есть крыльями. И все. Летишь.

— Хорошо, — покорно проговорил Соперник. — Давай по порядку. Я представляю себя летучей мышью.

Он скорчил такую физиономию, что Лисандру едва не разобрал смех, и возвестил:

— Представил.

— Теперь ты должен подпрыгнуть, — сказала вампирша. — И одновременно маши крыльями.

— Хорошо.

Соперник и в самом деле подпрыгнул. Руками он махал просто отчаянно. И все же грохнулся на землю. Однако...

— Ну-ка, ну-ка, сделай еще раз, — проговорила вампирша. — Еще раз, сначала.

Что-то в ее голосе заставило Соперника безропотно подчиниться.

Он снова скорчил страшную физиономию, подпрыгнул, махая руками, и, конечно же, упал.

— Есть! — сказала Лисандра. — Кажется, есть!

— Что именно? — спросил Соперник. — Я ничего не заметил.

Вампирша от радости даже громко хлопнула в ладоши.

— У тебя получилось, — объявила она. — Вернее — почти получилось. В тот момент, как ты подпрыгнул, у тебя лицо на секунду превратилось в мордочку летучей мыши. Я видела. А это значит, что трансформация уже начиналась. Давай еще раз. Уверена, все получится как надо.

— Хорошо, — просиял Соперник. — Сейчас.

Он подпрыгнул и опять упал, но Лисандра могла поклясться, что на этот раз его лицо превратилось в мордочку летучей мыши на гораздо большее время.

— Да, я видел, — убежденно сказал Соперник. — У меня на секунду между пальцами возникли перепонки. Здорово! А может, попробовать прыгнуть с какого-нибудь дома?

— Хорошая мысль! — согласилась Лисандра. — Давай попробуем.

Без малейших усилий превратившись в летучую мышь, она взлетела на крышу ближайшего дома. Соперник забрался на него, вскарабкавшись по стене, используя как опоры для пальцев рук и ног щели между камнями, из которых была сложены стены.

Наконец они уселись на краю крыши.

— Главное, не волнуйся, — сказала вампирша. — Все должно быть самым естественным образом. Ты прыгаешь и превращаешься. Прыгаешь вниз, превращаешься и летишь вверх.

Ни слова не говоря, Соперник встал и раскинул руки в стороны. Он стоял на краю крыши, словно бы

прислушиваясь к каким-то происходящим внутри него процессам, а потом также молча кинулся вниз.

Лисандра прекрасно знала, что от падения с крыши не умирал еще ни один вампир. У них было для этого слишком крепкое тело. Но все же, когда Соперник кинулся вниз, что-то внутри у нее екнуло, что-то похожее на страх.

Она с удивлением подумала, что не испытывала подобного чувства уже много-много лет. Как же оно называлось? Ага, кажется, тревогой за близкого.

Близкого? Дьявол заberi...

Между тем Соперник не упал. Когда до земли оставалось не более метра, он все же превратился в летучую мышь и, отчаянно работая крыльями, стал подниматься вверх. Конечно, летного опыта у него не было никакого.

В результате Соперника занесло к окну соседнего дома. Стекло в окне этого дома под ударом крыла свежее испеченной летучей мыши треснуло и с нежным звоном рассыпалось на осколки. Но это было уже совершеннейшими пустяками. Даже то, что в окне почти тотчас появился какой-то краснорожий тип. Увидев разбитое стекло, он сейчас же взвыл и исчез.

Лисандра и снова вернувшийся в человеческий облик Соперник кинулись наутек. Позади них слышалась ругань краснорожего, который недобрыми словами костерил всех волшебников-любителей, с помощью идиотских заклинаний бьющих окна в домах порядочных людей.

Услышав эти проклятия, Соперник хотел было вернуться и перекусить краснорожему горло. Лисандра его удержала. И правильно сделала. Потому что через минуту краснорожий, решив, видимо, не ограничиваться словами, стал палить из дробовика. В темноту, наугад.

Вампиры нашли какой-то скверик, плюхнулись в нем на скамейку и весело захихикали.

— Все-таки получилось, — тихо сказал Соперник. — Я превратился!

— Я верила, я в тебя верила, — промолвила Лисандра и продемонстрировала свои великолепные клыки.

— А чему я буду учиться дальше? — спросил Соперник.

— Тебе надо узнать еще очень много, — назидательно сказала вампирша. — Очень! Например, тебе нужно научиться проскальзывать сквозь узкие щели. Неплохо бы научиться лечить нанесенные серебром раны. Также каждый уважающий себя вампир умеет становиться туманом. Да мало ли что еще? Но сначала ты должен научиться летать как следует. Тренировки, тренировки и тренировки. Понял, дубина?

— Понял, — покладисто сказал Соперник.

— А поэтому какого дьявола ты тут расселся? Вперед, тренируйся!

— И потренируюсь.

Соперник с независимым видом пожал плечами и встал. Довольно неуклюже подпрыгнув, он все же превратился. Мышь, которой он стал, получилась несколько неказистая. Так, например, вместо левой лапы у нее оказалась крошечная нога, обутая в такой же крошечный ботинок. А правое крыло цветом здорово напоминало куртку Соперника.

Впрочем, полету подопечного Лисандры это ничуть не помешало. Он весело резал крыльями воздух, пытаясь подняться как можно выше. Вампирша смотрела на него и испытывала законную гордость, думая о том, что из Соперника, похоже, получится совсем неплохой вампир.

Впрочем, вскоре ее настроение изменилось.

Глядя на полет Соперника, она вдруг ни с того, ни с сего подумала, что он все еще Хантер, тот охотник, ради которого она несколько дней томилась в дорожном ящике, вступила в схватку с друидами и рисковала своей шкурой не один раз.

Конечно, он походил на охотника, здорово походил, но и только-то. Глядя на Соперника, вампирша время от времени испытывала странные сомнения.

Конечно, став вампиром, Хантер должен был измениться. К тому же эта проклятая потеря памяти... Однако должно же в нем было остаться хоть что-то от того, прежнего охотника, на пару с которым они сражались против тени черного мага?

Нет, теперь он стал другим, совсем другим. И никакой потерей памяти это объяснить было нельзя.

«Может, он и в самом деле другой?» — с тревогой подумала Лисандра.

Хотя она никак не могла понять, каким образом это могло случиться. Неужели она ошиблась и приняла за охотника кого-то другого?

Она укусила именно того, кого нужно. В этом не было никаких сомнений. Это же доказывал и шрам на горле соперника. Лисандра великолепно знала, как выглядит отпечаток ее зубов, и не могла его спутать ни с каким другим.

«Нет, все верно, — подумала она. — Все правильно. Соперника укусила именно я. К счастью, шрам от укуса, делающего вампиром, остается надолго. Он является доказательством того, что Соперник мой и только мой подопечный».

Она еще раз во всех деталях вспомнила, как укусила Хантера, и пришла к выводу, что ошибиться не могла. Прежде чем она добралась до его горла, охотник ее узнал. Это было видно по его лицу. А стало быть, все верно. Тот, кто сейчас парил над садиком, из всех сил стараясь махать крыльями как можно равномернее, являлся Хантером, охотником.

«Это твоя вечная подозрительность, — сказала себе Лисандра. — Только она, и ничего более. Кончай заниматься чепухой. Придумай лучше, как научить подопечного проскальзывать в узкие щели. Уж это-то будет посложнее, чем обучить махать крыльями».

И все же где-то в глубине души у Лисандры зародилось странное чувство — некая настороженность. Она забыла о нем, постаралась о нем забыть. Но оно осталось, чтобы в нужный момент проснуться.

Минут через десять Соперник устал. Спланировав, он опустился перед Лисандрой и вернулся в обычный облик.

— Здорово, а? — радостно спросил он.

— Еще бы, — ответила вампирша. — Просто превосходно. Ты мой первый подопечный, который так быстро научился летать. Конечно, как я и говорила, тебе предстоит узнать еще много, но я ничуть не сомневаюсь, что ты усвоишь все очень быстро.

— Может, все-таки поедим? — предложил Соперник.

— Я уже сказала, — промолвила вампирша. — Этой ночью лучше не охотиться.

— Жаль, — ныл Соперник. — Может, все же слетаем в центр города? Там вроде бы шел какой-то бой. По крайней мере я слышал вопли дерущихся и стоны раненых. Мы даже не будем охотиться. Украдем одного раненого и слегка подкрепим силы. А?

Но вампирша была непреклонна.

— Не стоит, совсем не стоит, — сказала она. — Это запросто могла быть устроенная волшебниками-любителями иллюзия. Они еще и не на такое способны. Давай лучше полетим домой. У нас есть какое-то время, но мы можем сегодня улечься в гроб и пораньше.

— Тебе хорошо, — уныло сказал Соперник. — У тебя-то гроб настоящий. А мне приходится ютиться в ящике для дров. Совершенно никаких удобств.

— Ничего, — ласково проговорила вампирша и погладила его по голове. — Осталось всего две ночи. Плотнику заплачено за сверхурочную работу, и хорошо заплачено. Конечно, он мог бы сколотить гроб и за одну ночь. Но гроб — это вещь серьезная. Ведь ты же не желаешь спать ближайшие несколько десятков лет в небрежно обитом, криво сколоченном, с массой щелей гробу?

— Ты права, — покладисто согласился Соперник. — Я подожду эти два дня. Раз это нужно.

«Вот, — вдруг подумала Лисандра. — Тот, прежний Хантер никогда бы не стал разыгрывать из себя пай-мальчика. Уж он бы обязательно сказал все, что думает о плотнике, обо мне и о гробе, который делают так долго. Чего доброго, он бы еще попытался вытурить меня из моего гроба и отправить спать в дровяной ящик. Конечно, я бы подобного не допустила. Но все же... тот, прежний Хантер, уж он бы обязательно попытался».

Естественно, она и не подумала высказать это вслух. Она даже снова погладила Соперника по голове и приторно-ласковым голосом сказала:

— Кровиночка моя. Ух ты какой у меня умненький, разумненький. Так бы еще раз и укусила.

— Да, я такой, — блаженно жмурясь, сказал Соперник.

Он вдруг бросил на Лисандру подозрительный взгляд и спросил:

— Кстати, а о чем это ты сейчас думаешь?

— О чем? — машинально сказала вампирша. — Да ни о чем, уверяю тебя.

— А мне кажется, ты думаешь о чем-то очень неприятном. У тебя изменились линии судьбы. А уж я-то это вижу превосходно.

— Ну-у-у... я думала о том, как тебя научить проskalзывать в узкие щели. Видишь ли, чтобы научиться этому, тебе придется затратить много сил и проявить недюжинное упорство.

— Я готов.

— Ничуть не сомневаюсь, — улыбнулась Лисандра.

«Ах да, — подумала она. — Способность читать какие-то невидимые нити судьбы. Вот и еще одно доказательство, что передо мной именно Хантер. Простые люди на это не способны. Но все же...»

Она вдруг с удивлением понялa, что все эти неоспоримые доказательства только усилили странную, испытываемую ею тревогу. Хотя все должно было быть совсем наоборот.

«Что-то с тобой, девушка, происходит не то, — подумала Лисандра. — Определенно. Надо вернуться

домой, лечь в гроб и все, все обдумать. Может быть, дело в том, что я до сих пор не могу поверить в свое счастье? Я же была уверена, что Хантер умер. А потом неожиданно встречаю его, да еще и в таком виде».

— Давай-ка вернемся, — сказала она. — Лучше всего отправиться в обратный путь пораньше. В этом мире случается все. Какая-нибудь мелочь может стать причиной того, что мы задержимся. А там — утро, солнце, гибель. Нет, время на обратный путь нужно иметь с запасом.

— Ты, как всегда, очень предусмотрительна, — промолвил Соперник.

Слова эти неприятным образом резанули Лисандре слух. Ей даже показалось, что в них прозвучала скрытая насмешка.

Она тряхнула головой и решила, что больше ни о чем подобном думать не будет. По крайней мере пока не вернется в гроб. Ни под каким видом.

«Что это со мной творится? — думала вампирша. — Какие-то глупые подозрения. Вот уже и казаться стало то, чего нет. Надо с этим заканчивать. Так и с ума сойти можно».

— Так мы летим? — нетерпеливо спросил Соперник.

— Конечно, летим, — ненатурально улыбнулась Лисандра. — Прямо сейчас.

Она подпрыгнула в воздух и превратилась в летучую мышь. Соперник сделал то же самое. Правда, при этом он едва не врезался в стоявший в центре скверика фонтан, но все же превратился и, не слишком ритмично махая крыльями, полетел вслед за Лисандрой.

Они медленно набирали высоту. Конечно, можно было лететь над самыми крышами, но вампирша хотела показать своему подопечному, каково это — лететь на большой высоте над городом и чувствовать, что все, все, насколько хватает глаз, принадлежит тебе, ощущать, что ты в любую минуту можешь сделать все, что захочешь, а стало быть, свободен, по-настоящему свободен.

Она как-то вдруг сразу забыла о своих подозрениях и страхах. Она летела и, несмотря на триста прожитых в этом мире лет, по-настоящему наслаждалась.

«Как в первый раз, — подумала она. — Словно бы в самый первый раз».

Так оно и было. Полет на высоте давал ощущение отрешенности от всех этих каждодневных забот, от мелочей, которые, не являясь сами по себе чем-то слишком плохим, превращают жизнь в унылую каторгу, казалось, состоящую лишь из нескольких однообразных, обязательных действий.

Проснулся, вылез из гроба, напился чей-то крови и залез обратно все в тот же давно надоевший гроб. Все остальное является лишь промежуточными действиями, позволяющими скоротать время между основными.

Они летели.

Там, внизу, была земля, был город, были живущие в этом городе люди, такие же, как она, мелкие рабы своих основных функций, и ей, вампирше, очень не хотелось возвращаться к ним.

Вот только можно ли победить такую штуку, как притяжение? И рассвет, до которого осталось не так уж и много времени.

Дом-убежище был совсем близко. Она уже видела его, уже машинально прикидывала, где нужно снизиться, чтобы по кратчайшему пути попасть в его сад.

И тут Соперник стал снижаться. Делал он это слишком рано, и Лисандра встревожилась.

Поскольку летучие мыши говорить не могут, она залетела вперед и пронеслась перед ним, давая Сопернику понять, что не одобряет его действий.

Бесполезно. Он не понял. Или сделал вид, что не понял.

Все-таки какое-то время у нее еще было. Поэтому вампирша пока волновалась не сильно. Судя по всему, ее подопечного и в самом деле что-то заинтересовало там, внизу. Ей захотелось узнать, что именно.

А потом они опустили на мостовую. Соперник вернулся в нормальный облик и, наклонившись, стал рассматривать что-то совершенно ей невидимое.

Лисандра тоже избавилась от обличья летучей мыши и стала наблюдать за его действиями.

А тот и в самом деле что-то делал. Он перебежал на несколько шагов вперед, снова наклонился над мостовой и стал что-то на ней рассматривать. Что-то? Не было там ничего. Хотя...

Вампирша вдруг вспомнила, как Хантер там, в том городе, в котором они сражались с тенью черного мага, вел себя также. Он тоже внимательно рассматривал эти линии судьбы, в существование которых она поначалу попросту не поверила. А потом убедилась, что они есть.

«Стало быть, он рассматривает линии судьбы, — подумала Лисандра. — Интересно, чем они его так заинтересовали? Вернее, кто оставил линии судьбы, которые он сейчас рассматривает?»

Она прислонилась к стене и стала внимательно следить за действиями Соперника. А тот закончил вглядываться в невидимые линии, хмыкнул и, несколько секунд постояв неподвижно, перешел еще дальше.

Наконец, видимо, придя к какому-то выводу, он выпрямился и задумчиво пошарил воздух возле бедра, как будто там у него должно было висеть какое-то оружие, вроде шпаги.

Конечно, ничего он там не обнаружил, рассеянно посмотрел на пояс и вдруг глухо, отчаянно застонал.

Вот тут уже вампирша встревожилась.

Подскочив к своему подопечному, она спросила:

— Что случилось?

Тот не ответил. Взгляд у него был отстраненный, какой-то чужой, почти враждебный.

— Да что с тобой происходит? — спросила вампирша.

— Ничего, — сквозь зубы ответил Соперник. — Ровным счетом ничего.

И, не обращая больше на нее внимания, он решительно двинулся по улице, судя по всему, направляясь вдоль этих невидимых линий. Лисандра поняла это потому, что он почти не отрывал взгляда от мостовой, видимо, все еще разглядывая нити судьбы.

— Да что с тобой?! — уже не на шутку встревожилась Лисандра.

— Оставь меня в покое, — не оборачиваясь, пробормотал Соперник.

— Куда ты идешь? — Вампириша схватила его за рукав куртки. — Можешь ты мне это сказать?

Резко остановившись, Соперник повернулся к ней и быстро сказал:

— Если ты удержишь меня еще на минуту, я тебя...

Вампириша увидела, что он выпустил из пальцев когти, и улыбнулась.

— Ну, давай, давай попробуй полосни меня по горлу... Только учти, после этого тебе придет конец. Да, и еще... ты так уж уверен, что сможешь меня одолеть?

Она показала ему свои когти. И ощерила клыки.

Соперник ухмыльнулся:

— Запросто. Я тебя разорву на клочки. Если, конечно, захочу. Но пока не путайся у меня под ногами, вот что.

«Так не пойдет, — подумала Лисандра. — Так мы просто подеремся. И все. Нет смысла».

Но она уже заводилась, она уже чувствовала, как где-то внутри нее становится тепло так, словно она опять превращалась в обычного человека. И теплота эта называлась просто — ярость.

Она все понимала и не могла ничего сделать. А потом вдруг смогла...

— Вот что, сосунок, — сказала Лисандра. — Мы, конечно, можем с тобой подраться. И еще неизвестно, кто кому перегрызет горло. Но только учти, до рассвета осталось полчаса, не больше. Победителей в этой драке не будет. Оставшийся в живых не успеет добежать до дома-убежища. Его сожжет солнце. И

еще, скотина неблагодарная, учти, без меня ты просто погибнешь. Так что, мой милый, не рано ли ты начал показывать клыки?

Соперник посмотрел на небо. Оно уже светлело.

— Ладно, — сказал он. — Я был неправ. И признаю это. Сам не пойму, что это на меня нашло. Просто я обнаружил линию судьбы одного... гм... существа. Он был здесь совсем недавно. Его надо убить во что бы то ни стало.

Лисандра покачала головой.

— Только не сейчас. Если так уж хочешь, то следующей ночью. А сейчас мы успеем только вернуться домой и залезть в свои укрытия. Пошли, время дурого.

— Хорошо, — вздохнул Соперник. — Хорошо, все будет, как ты говоришь. Но следующей ночью...

— Да, — сказала Лисандра, — следующей ночью ты его догонишь и убьешь, разорвешь на клочки. Прямо сразу, как только вылезешь из ящика, отправишься в погоню. Далеко он не уйдет, и следы эти за день не исчезнут. Так ведь?

— Так, — ответил Соперник. — Пошли отсюда. прочь, а то я не выдержу и брошусь в погоню, не смотря ни на что.

— Бедненький, — промолвила Лисандра. — Опять какой-нибудь черный маг?

Ей показалось, что Соперник слегка вздрогнул.

— Почти... Почти черный маг.

— Ты его убьешь, ты его обязательно убьешь, — проговорила Лисандра. — Но не сейчас.

Они пошли по направлению к дому-убежищу. Они успевали дойти до него и пешком. Через два квартала Лисандра тихо спросила:

— Стало быть, ты все вспомнил?

— Все?

— Ну да, кем ты был и что делал. И вообще все.

— Нет, пока не все, — ответил Соперник. — Хотя кое-что... относящееся к этому существу, вспомнил. А остальное еще нет. Пока — нет.

Лисандра ухмыльнулась.

Может быть, Соперник и не врал. А может...

24

Долина магов коробилась и сворачивалась, словно сгорающий бумажный лист. Вот она разорвалась, и из дыры выглянул лендлорд.

— Ты не можешь смотреть на верхние ветки, — крикнул он. — Ничего у тебя тут не получится!

— Ошибаешься, сильно ошибаешься, — промолвил Хантер.

Он проваливался, он тонул в какой-то жиже, но, несмотря на это, чувствовал себя победителем, знал, что выиграл очередной этап и никто теперь у него этого выигрыша не отнимет.

Между тем жижа продолжала затягивать его тело. Вот она поднялась до пояса. Вот выше, еще выше...

Хантер хихикнул.

Ну, уж этим-то его напугать было нельзя. Никак нельзя.

Конечно, можно было побарахтаться, только смысла в этом не было. Уж он-то хорошо знал, что ни в коем случае не тонет. Та жижа, в которую он якобы погружался, на самом деле поднималась вверх. А значит, остановить ее было нельзя.

Если уж жижа стала подниматься вверх, остановится она только тогда, когда все, кто есть наверху, в ней захлебнутся.

Таким образом, ему ничего не оставалось, как ждать.

Он и ждал. Ждал до тех пор, пока жижа не открыла его с головой. Она залепила ему нос и рот, закрыла глаза, а он все ждал и ждал. Пока не дождался. Его понесло, и, подчиняясь этому течению, Хантер поплыл.

Ради развлечения он попытался задохнуться, но это у него не получилось, поскольку странным, чудесным образом он в воздухе не нуждался.

Его несло совершенно неизвестно куда. Потом была резкая боль, когда он ударился о какой-то сокрытый от него предмет сначала грудью, а потом ногой. Но это тоже теперь не имело значения. Поскольку Хантер наконец-то понял, куда именно его несет.

Он понял и почувствовал тихую, почти неосязаемую радость, такую светлую, что ему захотелось, чтобы она никогда не кончалась.

— А я и не кончусь, — сказала ему радость.

Ее слова принесли облегчение, и Хантер, поскольку еще не мог открыть рот, мысленно ее поблагодарил.

Его несло. Снова были какие-то толчки, и кто-то, рыдая, бормотал:

— Не уходи, не нужно. Останься здесь. Ты нужен, ты очень нужен.

А он плыл и вовсе не хотел возвращаться куда бы то ни было. Он плыл и тонул в блаженстве и радости. На душе у него было покойно, поскольку для того, чтобы уйти, ему не нужно было делать вообще ничего. Ни одного движения. Всего лишь отдаться на милость течения.

А потом что-то изменилось, и наслаждение, которое он испытывал, стало слишком уж полным, более тихим, чем нужно, более спокойным, чем было необходимо его душе.

И долг.

Он молчал, он не напоминал о своем присутствии. Он просто был. И этого вполне хватало.

«Ты хочешь этого?» — мысленно спросил у него Хантер.

Долг не ответил, видимо, посчитал отвечать ниже своего достоинства.

«Значит, ты этого хочешь».

Хантер уже не спрашивал. Он утверждал. Он знал ответ, на который очень трудно подыскать правильный вопрос.

«Да, ничего не остается, как только возвращаться».

И, мысленно вздохнув, охотник начал возвращаться. Это было трудно, ведь он уже привык к мысли, что возвращения не будет. И все же он вернулся. Туда, в реальный мир, к его глупости и отсутствию смысла, к потерянной радости и предчувствию конца.

К свету и боли...

— Ох, я думал, ты уже умер, — сказал Христиан.

— И совершенно напрасно, — промолвил Хантер.

Грудь и нога у него болели просто страшно. Он все же открыл глаза, быстро огляделся.

Была ночь. Над ним висел великий шатер неба. Горел костер. Возле костра сидел мальчик и глядел на него испуганными глазами.

— Ну, он тебя и... — сказал Христиан.

— Пустяки, не более чем пустяки.

Закряхтев от боли, охотник все же сел и внимательно осмотрел свои линии судьбы.

Собственно, он предчувствовал самое худшее. К счастью, его расчеты не оправдались. Или все же...

Он еще раз проверил линии и облегченно вздохнул.

Все правильно. Этот сопляк, этот младший маг не хотел его убивать. По крайней мере сразу. Ему нужно было его допросить, вытянуть из него сведения.

Конечно, узнав все, что ему хотелось, младший маг его, несомненно, должен был устранить. И устранил бы, не окажись Хантер сильнее...

Сильнее?

Охотник усмехнулся. Ничего себе — сильнее! И это говорит тот, кто корчился перед каким-то сопляком, как раздавленный червяк, поскольку не смог надавать ему по шее! Сильнее!

«Да, сильнее, — сказал Хантер. — Все-таки победа-то осталась за мной. Правда, для этого мне пришлось схватиться за нить младшего мага и сразиться с ним на уровне подсознания. Это было правильное решение, поскольку там, в подсознании, от меня не требовалось мгновенной реакции. Нужны были лишь сила и уверенность в собственной правоте. А уж этого мне всегда хватало. За глаза».

— Как твои нога и грудь? — спросил мальчик.

— Просто чудесно, — сказал Хантер. — Просто превосходно. Болят, конечно, чертовски. Но это уже мелочи. Если болят, значит, ничего серьезного с ними не случилось. Все-таки этот сопляк и в самом деле был жутко уверен, что победит. Именно из-за этого он не стал кидаться нитями, которые могли причинить моему организму долговременный вред. Ну, сам понимаешь, что я имею в виду. Всякие там жуткие болезни, отравление, потеря зрения, паралич мозга. Он считал, что сейчас меня убьет. Так какой смысл наделять раком того, кто через минуту погибнет?

— А ты не погиб, — сказал Христиан.

— А я не погиб. Правда, несколько дней мне все же провалиться придется. Но это не самое страшное, что могло быть. Согласен?

— Еще бы. Я вообще думал — ты умираешь.

— К счастью, ты ошибался. Кстати, сколько времени я был без сознания? Неужели это все еще ночь любительской магии?

— Конечно, нет. Ты был без сознания едва ли не сутки. А эта ночь — следующая за ночью любительской магии. Ночь тихих светлячков.

— Ночь тихих светлячков, — со вкусом сказал Хантер. — Насколько я помню, она очень мирная, эта ночь?

— Точно. Никаких монстров. Просто тихие светлячки, которые водят хороводы на какой-нибудь поляне. К рассвету они выбирают свою королеву. И все.

— И все.

Морщась от боли, Хантер зашарил по карманам в поисках сигареты. И нашел.

Через минуту, с наслаждением затянувшись дымом, он спросил:

— А этот, мальчишка, с которым я дрался?

Христиан улыбнулся.

— Не знаю. Я видел, как ты схватил его нить руками. А через секунду он вдруг заорал как оглашенный и бросился наутек. Я еще заметил, что линии у

него изменились. Стали такими, как у того сумасшедшего, которого ты мне показывал. Помнишь?

— Помню, — промолвил Хантер. — Стало быть, он сошел с ума.

— Может, и нет. Конечно, в тот момент линии у него были именно такими. Но кто знает, через некоторое время...

— Я тоже на это надеюсь, — сказал Хантер. — Все-таки парень он неплохой. Только над ним поработали. И очень сильно. Сделали из него этакую куклу, выполняющую все, что ей прикажет хозяин. Вот он и выполнял.

Охотник и его ученик помолчали.

Христиан глядел в костер, и губы его задумчиво шевелились, словно он с кем-то беседовал. Хантер курил и глядел в небо. Где-то там, над горизонтом, кружился хоровод светлячков. Он был очень далеко и казался всего лишь тоненьким колечком из сверкающих точек.

А вблизи... Да, наверное, вблизи это было очень красиво.

Хантер кинул в костер окурок и сказал:

— Ну а потом, стало быть, ты меня сюда и притащил?

— Ага.

— Зачем?

— Но не оставлять же было тебя на дороге?

— Я про другое. Помнится, я приказал тебе, как только ты увидишь, что я проиграл битву, сейчас же бежать прочь. А ты что сделал?

— То, что должен был сделать, — бесстрашно ответил мальчик. — И, как оказалось, поступил совершенно правильно. Разве не так?

— Так, так, — проворчал Хантер.

Привстав, он огляделся. Дорога проходила где-то в стороне. Ее закрывали деревья. Шагах в десяти от костра текла неширокая речушка. В ее воде отражалась луна.

Самая настоящая идиллия.

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал Хантер.

Он вытащил из кармана коробочку серого мага и, широко размахнувшись, зашвырнул ее в реку.

— Зачем? — спросил Христиан.

— Надо, — коротко ответил Хантер.

Он еще раз поморщился. Все-таки нога и грудь болели довольно сильно. Дня два он и в самом деле здесь проваливается.

Хотя теперь это можно. Теперь он может отдыхать хоть целую неделю. Поскольку все уже кончилось. Цель их путешествия достигнута. А значит...

— Значит, ты его, так сказать, морально подавил? — спросил Христиан.

— Не совсем так, — сказал Хантер. — Не совсем. Понимаешь, когда я схватил его нить, наши сознания соединились. В результате мы создали как бы псевдомир. На самом деле, конечно, он так и остался в нашем воображении. Его как бы и не было. Но только для нас двоих он стал настоящей реальностью. Именно в этом мире мы и дрались. Кто победил — догадаться нетрудно.

— И поэтому он сошел с ума, — сказал Христиан.

— Ему еще повезло, — промолвил Хантер. — Я тебе не рассказывал, как однажды мне пришлось вот так же сразиться с тенью черного мага?

— Нет.

— Вот это была действительно страшная схватка. А этот мальчишка... Побить его было не так уж и трудно... Ладно, хватит об этом.

Он махнул рукой и испытующе посмотрел мальчику в глаза.

— Я вот о чем подумал. Если ты, такой заботливый и прилежный ученик, перетащил меня сюда, развел костер и вообще всячески обо мне заботился, то, может быть, ты позаботился и еще об одной вещи?

Христиан хлопнул себя ладонью по лбу.

— Как я мог забыть? Ты, конечно же, хочешь есть?

— Ну да. А мой ученик позаботился о том, чтобы его учителю было чем набить желудок?

— Обязательно.

Христиан ушел в кусты и через полминуты вернулся. В руках у него был здоровенный лист подушечника, свернутый кульком и наполненный доверху самыми разнообразными фруктами.

— Так, — сказала Хантер, принимая кулек.

Вытащив из него здоровенную спелую грушу, он внимательно ее оглядел и спросил у мальчика:

— Сам-то ты ел?

— Вот так наелся. — Христиан провел себе ладонью по горлу.

Хантер съел грушу, достал из кулька другую и, хитро прищурившись, промолвил:

— Что-то я не замечал в этом лесу грушевых деревьев.

— При чем тут лес, — промолвил Христиан, — когда до города пара минут?

— Но не хочешь же ты сказать, что купил все это в магазине?

— Нет.

— Стало быть, ты удостоил своим посещением сады местных добропорядочных горожан?

— Угу.

— И тебе не стыдно?

Христиан взорвался.

— Между прочим, — сказал он. — К твоему сведению, у нас кончаются деньги. Если есть возможность их сэкономить, то ее надо использовать, поскольку нам еще идти и идти. А эти добропорядочные горожане с нашей помощью избавились от черного мага. Так что они нам должны еще быть благодарны.

Хантер поморщился от боли, но все же не удержался, улыбнулся.

— Все верно, — сказал он. — Только ты не прав в одном.

— В чем же это?

— Мы больше никуда не пойдем. Вернее, конечно, пойдем, но только до ближайшего города, в котором есть аэродром. Там мы сядем на самолет и улетим к моим друзьям — другим охотникам.

— Почему?

— Да потому, что наше путешествие окончилось. В нем больше нет надобности. Когда я подавил этого младшего мага, то мне удалось прорваться в его память. И благодаря этому я узнал много интересного. Так, например...

Хантер замолчал.

— Ну, что же ты? Рассказывай, — попросил Христиан.

— погоди, тише, — прошептал Хантер. — Прислушайся.

Он развернулся к костру спиной и стал напряженно вглядываться в лес. Христиан ловко выхватил нож и тоже насторожился. Уж он-то знал, что его учитель зря поднимать тревогу не станет.

И действительно...

Это был даже не шорох. Просто охотник вдруг уловил чье-то присутствие. Этот неведомый кто-то был недалеко, может быть, шагах в тридцати, может, чуть дальше. И еще Хантер знал, что незнакомец является его врагом.

Ладонь Хантера опустилась на рукоять даги.

Нет, дага тут, похоже, не поможет. Уж слишком тихо подкрадывались враги. Враги? Да, их было двое.

Теперь Хантер их видел. Две казавшиеся бесплотными фигуры медленно плыли к их костру так, словно были призраками.

«Ну уж нет, — подумал Хантер. — Этот номер у вас не пройдет. Если бы я только не видел ваших линий судьбы...»

В самом деле он видел линии и теперь мог определить, кто именно желает поближе познакомиться с двумя устроившимися у костра путниками. Еще чуть-чуть ближе... еще немного...

— Христиан, — вполголоса сказал Хантер. — Эта речка наверняка мелкая. Ее можно перейти вброд. Давай — на тот берег. Быстро.

— Опять? — недовольно спросил мальчик.

— Не рассуждай. Бегом на ту сторону. Кажется, гости у нас серьезные.

Хантер пошарил в груди веток, которые Христиан приготовил для того, чтобы подбрасывать в костер. Выбрав самую сухую, он сунул ее конец в огонь.

«Похоже, кто-то там, наверху, все-таки решил меня доконать, — подумал он. — Не мытьем, так катаньем».

Фигуры приближались. До них уже оставалось не более пятнадцати шагов. Христиан встал и медленно пошел в сторону реки. Хантер приготовился выхватить из костра ветку.

А две фигуры наплывали и наплывали. Вот они уже в десяти шагах.

Хантер оглянулся. Мальчик стоял у самой воды. Теперь можно было начинать.

«А, собственно говоря, что именно? — подумал охотник. — Что ты сможешь сделать против двух вампиров? Полуживой, без оружия. Что именно? Может быть, ты попробуешь блефовать?»

Он улыбнулся. Это и в самом деле было единственное, что ему осталось.

Вампиры приближались. Когда до костра осталось шагов пять, они остановились.

Хантер полез в карман, вытащил сигарету и, вынув из костра горящую ветку, прикурил от нее.

— Итак, — сказал он, выпустив первый клуб дыма, — серый маг, вот мы с тобой и встретились. Насколько я понимаю, это ты, и никто иной. У кого еще может быть такое же лицо, как у меня? Стало быть, ты остался жить. Если только то состояние, в котором ты находишься, можно назвать жизнью.

— Еще как можно, — сказал серый маг. — Жизнь — это способность совершать какие-то дейст-

вия. Так вот, я могу. Причем действия, которые я хочу совершить сейчас, тебе вряд ли понравятся.

Хантер задумчиво покачал головой.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Может быть, ты меня убьешь. Может быть. И что тогда? Неужели ты посмеешь вернуться к своим хозяевам в таком виде? Думаешь, они тебе обрадуются?

— Не думаю. — Серый маг показал длинные острые клыки. — Да и возвращаться к ним я не собираюсь. Но я хорошо помню, что стал таким из-за тебя. И поэтому пришел отомстить.

В костре шелкали угольки. Судя по шороху сухих листьев, где-то за рекой бродил глипотодонт.

Хантер покачал головой и глухо сказал:

— Мечь — плохое чувство. Оно не приносит радости и счастья тому, кто его испытывает. Зачем тебе это?

— Прежде чем начинать новую жизнь, нужно отдать долги старой, — промолвил серый маг. — А иначе новой жизни не получится. Я не смогу быть хорошим вампиром, если буду знать, что за мной остался долг перед моими создателями. Именно поэтому я тебя и убью.

В этот момент вторая тень шевельнулась и сказала:

— Эй, Соперник, стало быть, ты меня обманывал? Ты не Хантер. И никогда им не был.

— Верно, Лисандра — сказал серый маг. — Только я обманывал тебя не все время, а с того момента, как увидел следы нитей судьбы Хантера. Это что-нибудь меняет?

— Я подумаю, — сказала вампирша.

— Думай, — промолвил серый маг. — Я могу справиться с ним и один. Не так уж и трудно его прикончить.

— Это будет несколько труднее, чем ты думаешь, — сказал охотник. Он взмахнул горящей веткой, которую все еще держал в правой руке. — Мне помнится, в прежнем состоянии огонь тебе просто не нравился. Теперь же ты его не переносишь.

Он снова взмахнул веткой, и вампиры слегка подались назад. Хантер покачал головой.

— Нет, серый маг, тебе сейчас меня не взять. Костер будет гореть до утра. А когда наступит день, я найду твое логово. Сам знаешь, мне это сделать не так уж и трудно. После этого я вскрою твой гроб и вытащу его на солнце. Это чтобы ты не подкараулил меня следующей ночью.

С трудом, чувствуя, как боль в ноге и груди усилилась, он все же встал. Ветка в его руке полыхала, словно факел. Ему даже на секунду показалось, что он не блефует и сумеет победить серого мага. Если только тот кинется. Что было сомнительно. Вампиры и в самом деле не выносят огня.

— Стало быть, ты решил умирать долго, — промолвил серый маг и сделал шаг вперед.

Хантер сейчас же взмахнул веткой, словно огненным мечом. Он едва не потерял равновесия, но достиг своего. Серый маг отступил.

— Лучше бы ты всего этого не затевал, — сказал Хантер. — Этой ночью у тебя ничего не выйдет. Беги, беги прочь и к утру найди такую дыру, в которую я за тобой не последую.

— У меня уже все вышло, — сказал серый маг и взмахнул правой рукой.

Хантер упал, каким-то чудом не попав в горящий костер. Ветка выпала из его руки, а через секунду в ней уже не было никакой надобности. Серый маг стоял над ним и криво ухмылялся.

— Вы, люди, не способны одновременно держать в голове все необходимые сведения. И это вас частенько губит. Ты пытался драться со мной, как с обычным вампиром, забыв, что я к тому же еще и маг.

Хантеру стало стыдно. В самом деле, он допустил ошибку, которой в нормальном состоянии ни за что бы не сделал. Вся эта демонстрация клыков и тянущиеся к нему когти были не более чем отвлекающим маневром. А тем временем серый маг выпустил не-

сколько нитей судьбы. Они оплели ноги Хантера. После этого оставалось только дернуть за нити по-сильнее... и вот результат.

Из темноты вылетел нож и вонзился серому магу в плечо. Зарывав, тот вырвал его и отшвырнул в сторону.

— Христиан, — крикнул Хантер, — переберись на другой берег. Вампиры не смогут преодолеть текущую воду. Перелетать им через нее тоже нельзя. Им придется искать мост. А этого времени тебе хватит, чтобы спастись.

— Как вы все-таки, люди, предсказуемы, — промолвил серый маг. — И все же...

Договорить он не успел. Лисандра цепко схватила его за руку.

— Я подумала, — сказала она. — И пришла к выводу...

— Стало быть, мы поделим этого человека на двоих? — спросил серый маг.

— Нет, делить мы его не будем, — сказала вампириша и вонзила ему в спину когти.

Серый маг отреагировал мгновенно. Он попытался развернуться, чтобы оказаться к Лисандре лицом. Только это было не так-то легко и сделать.

Вампириша в полном смысле оседлала его и рвала когтями, пытаясь добраться до горла. Взыв, серый маг все же изловчился и, схватив ее за руку, попытался стащить со своей спины.

В этот момент Хантер выхватил из костра еще одну горящую ветку и ткнул ею серому магу в ногу. Тот издал ужасный вопль и упал на землю.

Каким-то образом извернувшись, Лисандра оказалась сидящей на нем верхом. Она ударила когтями раз, другой и вырвала из его живота кусок мяса.

Хантер, пытавшийся подползти к ним ближе, услышал, как серый маг пробормотал:

— Ну, сейчас ты у меня получишь. Сейчас ты узнаешь, что такое настоящая драка.

— Я узнала это еще три сотни лет назад, — ответила вампириша. — Именно тогда я убила первого вампира, который покушался на мое место охоты. С тех пор мне приходилось это делать не раз.

В этот момент серый маг вонзил ей когти в плечо. Лисандра только ухмыльнулась и попыталась вырвать своему противнику горло. Серый маг увернулся и вдруг, вскочив на ноги, отшвырнул в сторону вампиришу.

— Я вернусь за тобой! — крикнул он Хантеру и бросился на Лисандру.

Та полоснула когтями, целясь ему в глаза, промакнулась и, быстро отскочив в сторону, крикнула:

— Хантер, уходи в реку!

В следующее мгновение когти серого мага расползи по ее плечу. Зашипев, вампириша попыталась вырвать своему противнику глаза, но тот опять увернулся.

«Она обречена, — подумал Хантер. — Если бы я только мог прийти ей на помощь».

Он попробовал встать, но тут же со стоном опустился на землю.

Видимо, Лисандра и сама понимала, что схватки ей не выиграть. Серый маг был сильнее. И все-таки существовала одна возможность уравнивать их силы.

Вампириша ее нашла.

В очередной раз увернувшись от когтей серого мага, она подпрыгнула и, мгновенно превратившись в летучую мышь, стала набирать высоту. Серый маг последовал за ней. Видимо, он хотел во что бы то ни стало убить свою бывшую подругу первой.

Две огромные летучие мыши сцепились в ночном небе. Одна из них, та, что покрупнее, в которую превратился серый маг, получила удар когтями и резко нырнула вниз. Впрочем, уже через секунду она оправилась и снова рванулась вслед за своей противницей.

— Как ты думаешь, кто из них победит? — спросил Христиан.

Он уже стоял рядом с Хантером и, так же, как и учитель, следил за битвой, разгоревшейся в воздухе.

— Будем надеяться, что одна моя старая знакомая, — сказал охотник.

25

Хоровод светлячков распался, и они один за другим улетали спать. Небо над горизонтом постепенно приобретало чистый, молочный цвет. Где-то неподалеку хрипло орали птеродактили.

— Именно так ты это все и узнал, — сказал Христиан.

— Точно, — ответил Хантер. — Может быть, мне повезло. Я тебе уже говорил, что однажды сражался таким методом с тенью черного мага. Ничего подобного в тот раз не было. Хотя сейчас я думаю, что, может быть, этого и не могло быть.

— Почему?

— Ну, это ведь все-таки была тень. Она и существовала-то всего лишь сутки. Может быть, у нее еще не было своей памяти? А может, мне сейчас и в самом деле повезло. Кто знает?

Он посмотрел на светлеющее небо, на догоравший костер, на Христиана, который возле этого костра сидел и подкидывал на ладони спелый плод зрячего дерева, словно раздумывая, съесть его или не стоит.

— И что теперь? — спросил мальчик.

— То, что и должно было быть. Война.

— Настоящая?

— Настоящее не бывает. Конечно, никто из простых людей ее не заметит, но тем не менее... Думаю, она будет тяжелой, очень тяжелой.

— А может, плюнуть на все это? — предложил Христиан. — Свое дело мы сделали. Узнали, где находится гнездо этих черных магов, узнали еще много интересного. Ну и все. Пусть теперь воюют другие охотники. Им осталось не так уж и много. Окружить эту долину магов, взять ее штурмом и — дело сдела-

но. Да, чуть не забыл, потом надо будет пройтись по городам и очистить их от черных магов. Конечно, это займет много времени, но тут можно и не спешить. Новых черных магов-то больше не будет.

Хантер покачал головой.

— Ну, ты и даешь, — промолвил он. — Значит, теперь наше дело сторона?

— Угу.

— Нет, так не выйдет. Черные маги еще очень сильные. Да и взять долину магов будет не так-то просто. Судя по всему, эти лендлорды — те еще штучки. Их так просто не одолеешь. Вот и получается, что каждый человек на счету.

— Так-то оно так... — промолвил Христиан.

Он все же откусил кусок плода зрячего дерева. Синий, похожий на чернила сок побежал у него по подбородку.

Хантер взглянул на мальчика и сказал:

— Фу, не ребенок, а прямо поросенок какой-то. Подбородок вытри.

Мальчик поспешно вытер подбородок рукавом куртки и повторил:

— Так-то оно так. Но только за эту ночь ты мог погибнуть по крайней мере три раза. А может, и тридцать три. А в это время твои товарищи сидят по своим домам и в ус не дуют.

— Мои товарищи, — назидательно сказал Хантер, — все лето убивали черных магов и разную прочую нечисть. И тоже рисковали жизнью не менее тридцати трех раз. А может, и более.

Христиан пожал плечами.

— Кстати,¹ летом ты занимался этим же. Может быть, все-таки стоит отдохнуть?

Хантер бросил на него недовольный взгляд.

— Я тут кое-что сделал со своими линиями судьбы. Слегка поколдовал над ними, и к вечеру этого дня уже, наверное, смогу встать на ноги. Тогда я поймаю одного дерзкого ученика, срежу хорошую, гибкую ветку и устрою ему такую порку...

Христиан хихикнул.

— А ты знаешь, как любому, по твоему выбору, человеку сделать синяк так, чтобы тот не знал, откуда он появился?

— Ну-ка, рассказывай, — приказал охотник.

— Очень просто. Надо дожидаться, чтобы этот человек уснул. После чего в какую-нибудь плошку наливается теплая вода. Подходишь к спящему человеку, снимаешь с ноги башмак и что есть силы бьешь его подошвой по лицу. После этого надо быстро вылить человеку на лицо немного теплой воды. Как раз в этот момент он начнет просыпаться, но почувствует только льющуюся на него воду. Спросонья он спросит, в чем дело. Ты ответишь, что вот случайно пролил воду, а он, этот человек, пусть спит. Ничего страшного не произошло. Человек, конечно же, засыпает, а наутро, проснувшись, обнаруживает у себя под глазом синяк. Откуда этот синяк взялся, он, ясное дело, не помнит.

— Только не охотник, — криво ухмыльнувшись, сказал Хантер. — Охотник проснется до того, как ты начнешь лить ему на голову воду. Он не поверит тому, что ничего не случилось, а возьмет хороший, гибкий прут... Кстати, ты этому фокусу научился, когда бродяжничал?

— Конечно, — ответил Христиан. — А когда же еще?

— Силен. И умен. Ты что, и в самом деле хочешь, чтобы я остался в стороне от войны с черными магами?

Мальчик неторопливо доел плод зрячего дерева, отшвырнул в сторону несъедобную сердцевину и сказал:

— Конечно — нет. Только это несправедливо. Почему именно ты? Почему не кто-то другой? Подумай, ведь мы уцелели этой ночью лишь благодаря просто чудовищному везению. Не так?

— Так.

— Ну вот. А кто-то придет на готовенькое, быстренько уложит всех магов, лендлордов и станет героем. Нечестно.

— Ой-ой-ой, — простонал Хантер и схватился за голову. — Малыш, ты хоть понимаешь, что в мозгах у тебя самая настоящая каша?

— С чего это? — ошетинился Христиан. — Может, оттого, что я говорю тебе то, что думаю?

— Это здорово, что ты со мной искренен, — сказал Хантер. — Но подумай хорошо. Как ты себе это представляешь? Я заявляю другим охотникам, что с меня хватит, я, дескать, уже навоевался и теперь, видите ли, желаю отдохнуть. Так, что ли?

— И все равно это нечестно, — заявил мальчик.

— Что именно?

— То, что я могу лишиться своего учителя, — выпалил Христиан. — Я не хочу этого. Что мне тогда останется? Возвращаться на дорогу и воровать, чтобы не подохнуть с голоду? Кто меня научит тому, что должен знать настоящий охотник?

— Успокойся, — промолвил Хантер. — Этого не будет. Даже если со мной что-нибудь случится, твоим учителем станет другой охотник. Кто знает, может быть, он будет даже лучшим учителем, чем я.

— Все равно я этого не хочу. — Христиан стиснул кулаки и потряс ими в воздухе.

— А вот этого уже делать не стоит, — спокойно сказал Хантер. — Горячиться и делать ни на чем не основанные выводы. Пойми, начинается война, серьезная война между черными магами и охотниками. Скорее всего, длиться она будет очень долго. Все, что с нами произошло за время нашего путешествия, не более чем мелкий эпизод этой войны. И будет еще очень много смертей и крови, будут настоящие сражения. Будет — все. И ни один охотник не может остаться от этой войны в стороне. Потому что тогда черные маги могут получить преимущество, благодаря которому захватят этот мир. Понимаешь?

— Ну, не знаю, — проговорил Христиан.

Однако чувствовалось, что сказал он это лишь из чистого упрямства.

— А ты подумай и поймешь, что я прав, — проговорил охотник.

Не сказав ни слова, Христиан отправился в лес и вскоре вернулся с целой охапкой веток.

— Это еще зачем? — спросил Хантер.

— Сегодня может быть дождь. А ты не сумеешь даже от него и спрятаться, — ответил мальчик.

Он начал сооружать из веток что-то наподобие шалаша. Конечно, того, что он принес, не хватило, и Христиан отправился за новой охапкой веток.

Хантер прикурил сигарету и стал думать о том, что наверняка эта война, которая теперь неизбежна, будет на самом деле еще более страшной и кровавой, чем он может себе представить. По крайней мере пока.

Она назревала уже давно, поскольку в этом мире существовало две силы, боровшиеся за его будущее. Черные маги, которые видели жителей этого мира лишь своими рабами, и охотники, убивавшие черных магов. К слову сказать, если у черных магов это получалось, то и они убивали охотников.

До поры до времени охотники считали, что черные маги являются всего лишь мутацией, просто людьми, наделенными способностью видеть нити судьбы и в силу своего характера извлекающими из этих способностей пользу. В ущерб другим людям. Черные маги, как получается, вообще не задумывались, кто такие охотники и откуда они берутся. Тем более что чаще всего из поединка охотник — черный маг выходил победителем охотник. Так продолжалось долго, но бесконечно так быть не могло.

В силу обстоятельств он, охотник Хантер, столкнулся с тенью мага, то есть с тем, во что превращаются маги по достижении определенного возраста.

Так началась та цепь приключений, которая привела его на эту поляну и благодаря которой он многое узнал о черных магах. По крайней мере теперь он точно знал, где находится их гнездо — долина магов.

В то же время хозяева черных магов — лендлорды наконец-то обратили внимание на то, как много их подопечных таинственным образом погибают.

Таким образом, не отправься Хантер и Христиан в свое путешествие, лендлорды могли узнать о существовании охотников первыми, первыми же нанести удар и, может быть, выиграть всю войну.

«Кстати, — подумал Хантер, — вполне возможно».

А теперь все будет наоборот. Теперь охотники удалят первыми. Если, конечно, лендлорды по-прежнему о них ничего существенного не знают.

Хантер улыбнулся.

Война, что ведется на территории мира, большинство населения которого о ней и не подозревает. Тайная война со всеми положенными ей по статусу фокусами. Не менее, а может быть, и более кровавая и жестокая, чем явная.

Вот такая перспектива. Веселая.

«Интересно, что бы сказала Лисандра, узнай она, что этой ночью, вполне возможно, помогла силам добра выиграть эту войну? — подумал Хантер. — Все-таки, как ни крути, но она вампирша. Лисандра!»

Он посмотрел на все более светлеющий горизонт и тяжело вздохнул.

Оставалось лишь надеяться, что она победила. Кстати, не без основания. Убей серый маг вампиршу, он бы обязательно вернулся, чтобы прикончить и его и Христиана.

Лисандра.

Очень, очень странная вампирша.

«Погоди, — сказал себе Хантер. — В конце концов, что это с тобой происходит? О чем это ты думаешь, шельмец? Конечно, она спасла тебе жизнь, но не попробовать ли тебе объяснить ее поступок самым простым образом? Этот серый маг ее, очевидно, обманул, скрыл от нее, что не является вампиром, то есть не совсем является вампиром. И когда это обнаружилось, твоя клыкастая знакомая, уязвленная тем, что ее обманули, попыталась его убить. И навер-

няка убила. Тем самым она оказала тебе большую услугу. Невольно».

Просто и логично.

Вот только...

— Готово, — сказал Христиан.

— Что готово? — переспросил Хантер.

— Убежище готово.

В самом деле, шалаш был готов. Он был небольшой, но, судя по всему, в нем вполне должно было хватить места для двух человек.

— Дождя-то ведь нет, — сказал Хантер.

— Пока, — проговорил Христиан. — А ну, полезай внутрь. Что будет, если дождь пойдет, когда ты уснешь? Мне что, придется тащить тебя в этот шалаш волоком? Не выйдет. Я и сам за эту ночь устал как цуцик. Давай полезай.

Хантер тяжело вздохнул и пополз к шалашу, благо до него было несколько метров. Христиан заполз следом. Землю внутри шалаша устилали листья подушечника, так что лежать было мягко.

Устроившись поудобнее, Христиан сказал:

— Я вот тут подумал. Конечно, ты прав. И не стоит считать, кто сколько сделал. Потому что, как только какой-нибудь человек начинает считать, что сделал больше других, в нем зарождается частица черного мага. Она, эта частица, может со временем исчезнуть, раствориться, а может и вырасти, захватить человека целиком, съесть его душу. К сожалению, чаще бывает последнее. Не знаю, может быть, если на свете будет хотя бы немного больше тех, кто не считает, сколько сделал он, а сколько сделали другие, тогда, может быть, и сам мир несколько изменится, станет лучше? А когда мир становится лучше, это, каким-то образом замечают все. Так же, как и тогда, когда он становится хуже. Вот в чем штука-то.

Он повозился, а потом спросил:

— Значит, проснувшись, мы отправимся прямо-ком в аэропорт?

— Не совсем, — ответил Хантер. — Сначала сделаем одно дело.

- Какое?
- Вот проснешься — увидишь. А теперь спи.
- Хорошо.

Христиан повозился еще немного и уснул. А Хантер некоторое время думал о том, куда они полетят, пытался прикинуть, к кому из охотников надо заехать первому. Потом он выкурил сигарету и совершенно неожиданно стал засыпать.

Засыпая, проваливаясь в сон, он думал о том, что, проснувшись, будет здоров. Или почти здоров. И первое, что он сделает, это отправится по следу нитей судьбы Лисандры. Кто знает, может быть, она серьезно пострадала в схватке с серым магом, может быть, нуждается в его помощи?

Это надо будет сделать сразу же, как он проснется. Сразу же.

26

Лисандра провела кончиком когтя по зубам и подумала, что такого мерзкого вкуса у нее во рту не было уже давно. Лет пятьдесят.

«Ну еще бы, — усмехнулась она. — Это тебе не плоть и кровь какой-нибудь восемнадцатилетней девушки. Это вкус мяса вампира. Такие мы на вкус, и ничего тут не поделаешь. Ужас какой-то!»

Она немного приподняла голову и посмотрела на тело Соперника.

«Как там его называл Хантер? Серый маг? Надо же... — подумала вампирша. — Надо же, как он меня обвел вокруг пальца. Скотина!»

Она хотела было еще раз вонзить в тело Соперника когти, даже подняла для этого руку, но не смогла. Не хватило сил. Собственно, и не стоило. Ее Соперник был уже мертв — мертвое не бывает. Причем не так, как бывают мертвы вампиры, а в полном смысле этого слова. Окончательно. И бесповоротно.

Даже вампиру трудно жить, когда у него горло вырвано так, что голова держится лишь на честном слове,

грудь располосована до позвоночника, левая рука оторвана вовсе, а ноги сломаны. И это не считая множества укусов, вырванных то там, то тут из тела кусков мяса и примерно такого же количества следов когтей.

«Это была хорошая работа, — подумала Лисандра и улыбнулась. — Я разделала его, словно мясник на бойне. Нет, он мертв, и теперь остается только дожидаться утра, чтобы от трупа этого гаденыша осталась лишь горсть пепла. Я дождусь в любом случае, в любом...»

Она чуть не засмеялась, но потом все же передумала. Не стоило этого делать. Ей и самой в этой битве досталось. Не стоило перенапрягать горло, учитывая, что оно было в нескольких местах прокушено, и довольно серьезно.

«Это была хорошая идея — устроить бой в воздухе, — размышляла вампирша. — Иначе этот недоумок вполне мог меня одолеть. А в воздухе я сделала главное — нанесла ему несколько серьезных ран, отняла силы и сломила дух».

Она вспомнила, как они в конце концов все-таки упали на землю, чтобы там закончить свою схватку. И вот тут-то Лисандре пришлось плохо. Этот Соперник оказался удивительно силен даже для вампира. Он нанес ей множество ран, но Лисандра все же победила, в основном, благодаря опыту. Пожертвовав руками и ногами, подставляя их под когти и зубы Соперника, она пыталась добраться до жизненно важных органов своего противника. И добралась.

Лисандра вспомнила, как вырвала сердце из груди врага, и мрачно улыбнулась.

Да, это была еще одна славная драка, в которой она победила.

Победила ли? Вот в чем дело.

Лисандра посмотрела на свою искалеченную руку. Потом на другую. С ней дело обстояло еще хуже. И ноги. Если бы она могла...

Лисандра поглядела на небо. Судя по всему, до рассвета оставалось не так уж и много. Небо стреми-

тельно светлело. Да, наверное, минут двадцать, не больше. А потом...

Вот и дерись после этого с другими вампирами. Вроде победила, а никакой возможности добраться до укрытия нет. Стало быть, и жить ей осталось не более этих двадцати минут. Первый же луч солнца превратит ее в пепел. Так же, как и тело Соперника.

Так за что же они дрались, если победитель сможет дожить лишь до восхода солнца? Несправедливо как-то...

«Что с тобой происходит? — спросила себя Лисандра. — Какой справедливости ты хочешь? Что такое справедливость и с чем ее едят? И когда ты видела ее, эту справедливость, чокнутая дура?»

Все было верно. Все было правильно. Она вступила в бой, не рассчитывая на чью-то признательность, не надеясь, что кто-то ей за это скажет спасибо. Она дралась потому, что никто, никто не может ее обмануть безнаказанно. А тем более использовать в своих целях. И тот, кто это сделал, обязательно должен умереть. Пусть даже она расплатится за это своей жизнью.

«А как же Хантер? — спросила у себя вампирша. — Как же охотник, которого Соперник хотел убить? Может быть, все-таки ты дралась не только из-за уязвленного самолюбия? А?»

Она не смогла ответить на этот вопрос ни утвердительно, ни отрицательно. Не смогла — и все. Потому, что ответа и сама не знала.

Она дралась, и этого было достаточно. Она дралась, потому что ей так захотелось.

«Ой, лукавишь ты, — сказала она себе. — Ой, лукавишь. Может быть, все же это желание драться появилось у тебя лишь тогда, когда ты вдруг сообразила, что все твои труды пропали даром? Может быть, ты вспылала такой ненавистью к Сопернику, когда поняла, что он не Хантер, а стало быть, все нужно начинать сначала? Когда поняла, что охотник опять тебя обманул, в который уж раз?»

— Обманул? — пробормотала вампирша. — Обманул? А ведь и точно. Ах, негодяй.

Она улыбнулась и снова посмотрела на небо. Похоже, у нее осталось не более десяти минут. Потом встанет солнце и она умрет. С сознанием, что этот пройдоха Хантер ее опять обманул.

И даже не тем, что вместо себя подsunул какого-то тухлого серого мага. Тем, что остался жить, тем, что заставил ее потратить ту драгоценную жидкость, которая раз в двадцать лет созревает внутри полового зуба любого вампира, ту жидкость, которая может сделать вампиром любого человека, стоит его в нужный момент укусить.

«Ах, паршивец, — почти весело думала Лисандра. — Ускользнул, оставил с носом. Стало быть, если даже благодаря какому-то чудовищному везению я не погибну, все равно для того, чтобы превратить этого охотника в вампира, придется ждать двадцать лет».

Она хмыкнула.

«А теперь скажи, ты, глупая трехсотлетняя вобла, какого черта ты этого Хантера спасала? — спросила она себя. — В надежде, что через двадцать лет тебе повезет и ты сможешь сделать то, что не смогла сейчас? А? Подумай хорошенько, проживет ли он эти двадцать лет? Люди, они, понимаешь ли, не такие долговечные, как некоторые кровососущие. Что, съела?»

Вот именно, съела. И еще как.

Лисандра подумала, что она просто старая дуреха, вообразившая, что у нее и того, кто занимается истреблением таких, как она, может быть что-то общее.

Нет, не может.

И осознание этого странным образом усилило ее желание во что бы то ни стало выжить, спасти свою шкуру и доказать им всем, всему миру, а в первую очередь себе самой, что она может добиться того, чего пожелает. Всего. Если очень сильно захочет..

«Все не так сложно, — думала Лисандра. — Я не могу сделать Хантера вампиром в ближайшие двадцать лет. Ну и хорошо! Кто сказал, что это должна сделать я, лично? Достаточно найти вампира, у кото-

рого вот-вот созреет нужная мне жидкость, и заставить его укусить именно Хантера. Это может быть сделано и, стало быть, будет. Уж я позабочусь. Но сначала нужно выжить, любой ценой».

Она снова посмотрела на небо и подумала, что у нее осталось не более пяти минут. С израненными руками и ногами она могла только ползти. А поблизости не было ни одного убежища, в котором она могла бы скрыться до следующей ночи.

Раны, полученные ею во время схватки с Соперником, зарастут очень быстро. Все-таки они не были нанесены серебром или осиновым колом. Это были самые обычные, полученные в схватке между двумя вампирами раны. Если ей удастся где-нибудь пересидеть этот день, то уже следующей ночью она наверняка сможет вернуться домой.

Убежище. Вот что ей было нужно. Сейчас, немедленно, здесь. Но его не было.

И все же вампирша поползла. Она ползла в сторону леса, заранее зная, что не сможет в нем укрыться, но все же ползла. Ей хотелось жить. Ей очень хотелось жить.

Она ползла. А потом настал момент, когда она поняла, что время кончилось. И вот сейчас на нее упадет первый солнечный луч, плоть ее задымится, наступит последняя боль, и она умрет окончательно, бесповоротно, умрет навсегда. И ничего уже не изменишь, ничего не сделаешь, ничего не переиграешь по новой.

И тогда вампирша решила повернуться лицом вверх. Ей почему-то казалось, что так встретить смерть будет более достойно, более благородно.

Она подумала, что искусство умереть тоже существует. И немногие смогли овладеть им так, чтобы суметь попрощаться с этой безумной жизнью, не теряя достоинства, так, как должно это делать.

«Дудки, я смогу, — подумала Лисандра. — Скулить и корчиться от страха я не буду».

И все же ей было страшно.

Она закрыла глаза и перевернулась на спину. И лежала так несколько секунд, ожидая первый луч

солнца, который принесет ей первую, самую нестерпимую боль. Конечно, будут и другие. Прежде чем умереть, она успеет и накричаться, и накорчиться, но тогда она уже перестанет быть собой, перестанет быть Лисандрой, превратившись в сгорающее тело.

Она хотела встретить этот первый луч, пока еще была самой собой.

А его все не было и не было.

Лисандра открыла глаза.

И тут ей в лицо ударили струи дождя, самого настоящего, из тех, которые бывают только зимой, льются из туч, почти мгновенно закрывающих небо, отгораживающих все, что попало под этот дождь, от солнца.

А стало быть...

«Нет, это свинство, — подумала Лисандра. — Самое настоящее свинство. Так нельзя. Прямо издевательство какое-то».

А дождь все лил и лил.

Вампириша приподнялась и посмотрела на ближайший к ней сугроб. Струи дождя превращались над ним в снежинки. И этих снежинок было много.

Вампириша ударила кулаком по земле и истошно взвыла.

Она не верила в то, что спаслась. Она думала о том, что судьба обошлась с ней просто подло, нечестно и мерзко. Потому, что дождь будет идти час, ну, может быть, два. Но все равно наступит момент, когда он кончится. А она за это время не успеет спрятаться. И конечно же, все равно сгорит под лучами солнца. Все равно. Вот только произойдет это неожиданно. Она не будет готова к смерти и умрет без всякого достоинства, без подготовки, мерзко, противно и ничуть не благородно.

А дождь все лил и лил. Он был не очень густой, но и не редкий, он не желал идти быстрее или медленнее. Обычный монотонный зимний дождь, из тех, которые могут идти сутками.

серия ЭНЦИКЛОПЕДИИ «AD MARGINEM»

В составе серии ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

- Колдовства и демонологии
- Сувеврий
- Мистики XX века
- Мистических терминов
- Третьего Рейха
- Знаков, символов и эмблем
- Супергероев

Энциклопедии издательства "Миф", входящие в эту серию, предлагают читателю окунуться в мир загадочных маргиналий, которые всегда волновали воображение человека. Полнота охва-

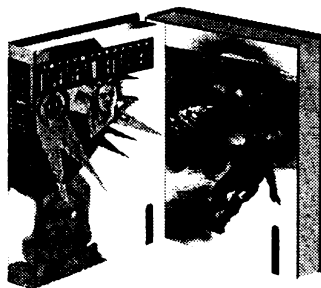
та тем, наличие современного материала, строгость, наряду с ясностью и простотой изложения, обилие уникальных иллюстра-

ций, высокое качество полиграфического исполнения, – подобных энциклопедий в России еще не издавалось!

Все книги формата 70x100 1/16 (24x17 см), в твердом целлофанированном переплете, отпечатаны на плотной бумаге, содержат сотни иллюстраций. Средний объем тома - 560 с.

В квартал выходит 1 книга.

серия СОВР. РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

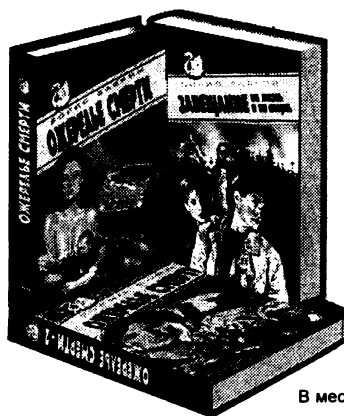

Издательство "Локид" приступило к выпуску серии остро сюжетной современной российской фантастики. Вниманию читателей будут предложены книги только отечественных авторов. Фэнам фантастики предоставляется уникальная возможность прочесть новые романы и повести уже известных и, несомненно, полюбившихся писателей, а также узнать новые, безусловно, яркие имена молодых фантастов. Серию отличает оригинальное красочное оформление.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Для любителей крутых сюжетов издательство задумало новую серию – "Белый лебедь". Она составлена из супердетективов суперавторов! Начинают серию бестселлеры – триллеры уже известного многим Бориса Бабкина. Любители жанра откроют для себя новые, молодые, яркие, талантливые имена; среди них – Платон Обухов. Проза молодых писателей отличается тем, что многое из того, о чем они пишут, авторы испытали на себе. Поэтому их сюжеты исключительно правдоподобны и безумно интересны.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$ (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ (обложка)

Библиотека в вашем кармане!

Издательство "Локид", заботясь о своих читателях, печатает малым форматом лучшие произведения лучших авторов серии "Современный российский детектив".

Красочное оформление, формат 72x108 $\frac{1}{32}$ (17x11 см), мягкая обложка, рельефное тиснение золотом, в книгах в среднем по 360 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

**ЕДИНСТВЕННЫЙ В СНГ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ
« Е С Л И »**

- ЭТО ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЗАПАДНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ;
- ЭТО ОПЕРАТИВНАЯ КРИТИКА И ОСТРАЯ ПУБЛИЦИСТИКА;
- ЭТО ОБЗОР НОВИНОК ФАНТАСТИЧЕСКОГО ВИДЕО;
- ЭТО ИНФОРМАЦИЯ О ФАНТАСТИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ И
ДОСТИЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ.

**СЛОВOM, ЖУРНАЛ «ЕСЛИ» – ВЕРНЫЙ СПУТНИК ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ ПОБУВАТЬ В АЛЬТЕРНАТИВНОМ ПРОШЛОМ,
НЕВЕРОЯТНОМ НАСТОЯЩЕМ И ЗАГАДОЧНОМ
БУДУЩЕМ.**

**НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ!
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС – 73118**

Дорогой читатель!

Если Вас заинтересовали предложенные серии книг,
то для их получения необходимо заполнить
отрезной купон и отправить его по адресу:

111116 Москва, а/я 30, «ЛОКИД»

Все книги, по мере их выхода в свет, будут
рассылаться по почте наложенным платежом
без предварительной оплаты.

**При получении Вы оплачиваете только
отпускную стоимость книги
и услуги по доставке**

Да, я подписываюсь на книги следующих серий:

серия

кол-во экз.

651 Энциклопедии «AD MARGINEM» _____

302 «Совр. рос. детектив» (мягкая обложка)* _____

303 «Белый лебедь» _____

401 «Совр. российская фантастика» _____

подпись заказчика _____

Ф.И.О. _____

Адрес: _____

индекс

Убедительная просьба:

- купон заполнять печатными буквами;
- в колонке «кол-во экз.» указать, сколько книг серии Вы хотели бы получать в месяц;
- если Вам удобнее отправить заказ на почтовой открытке, то не забудьте указать на ней название серии и количество экземпляров, которые Вы хотите получать ежемесячно.

* книги в мягкой обложке рассылаются
только по 2, 4 и т.д. экземпляра.

**По вопросам
оптовых закупок
книг издательства «ЛОКИД»
обращаться по телефонам:**

(095) 265-36-71 (Москва)

(095) 267-21-22 (Москва)

(0172) 24-31-15 (Минск)

(3432) 53-16-82 (Екатеринбург)

**Крупным оптовикам предоставляется
эксклюзивное право
на распространение книг издательства
в своем регионе**

Леонид Кудрявцев

ДОРОГА МАГА

Роман

Редактор *Н. Беркова*

Художники *А. Гусев, А. Яцкевич, А. Таранин*

Художественный редактор *Г. Сыроватский*

Техническое редактирование *В. Котова*

Верстка *А. Галимов*

Корректор *С. Цыганова*

Компьютерное цветоделение *В. Снежко*

Издательская лицензия

ЛР № 063957 от 15.03.95

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 25.02.97.

Формат 84х108^{1/32}. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 18,48.

Уч. изд. л. 15,2. Тираж 11 000 экз.

Заказ № 2408

Издательство «Локид»

129110, Москва, Трифоновская ул., д.56

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»

103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Книга Леонида
Кудрявцева —
хороший подарок
любителю

фэнтезийной литературы.
Отвага и доблесть, верность и
честь, меч и магия — лучшие
традиции сказочной
фантастики вопло-
тились в романе
«ДОРОГА МАГА».

Новое произведение
из эпопеи краснояр-
ского писателя — это
встреча со
знакомыми героями.

Головокружитель-
ные приключения
истребителя магов

Хантера и его
боевой

подруги, вампирши
Лисандры
продолжаются.

Битва с силами Зла
будет идти, пока
существует Добро.

А значит вечно...

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ ДОРОГА МАГА

